T8 5/86

Т 85/86

Профессор А. И. Емельянов.

КУРС
ПО
ЭТНОГРАФИИ ВОТЯКОВ.

ВЫПУСК III.

Остатки старинных верований и обрядов у вотяков.

ИЗДАНИЕ
Казанского Вотского Издательского Подотдела

Р. В. Ц. печатано 3000 экз.

Библиотека Российского
10058
15/IV 1922

5-я государственная типография. 1921 г.

Ш8 5/86
вып. 3.
1532

Предкопочитание.

Представления о душе.

Кроме тела, по представлению вотяков у человека имеется еще невидимая составная часть его существа—**душа**, которую в большинстве вотских местностей называют по вотски словом **„лул“**. Это название однако позднейшого происхождения. Появилось оно под влиянием религиозных взглядов соседних христианских или мухаммеданских народностей.

У вотяков есть более древнее название для души: **„урт“**, слово тожественное по своему звуковому составу и значению с зырянским **„орт“**, вогульским и остяцким **„урт“** и черемисским **„ӧрт“**. В каких отношениях вотский „урт“ стоит к телу человека, это выясняется из тех выражений и оборотов речи, какие и до сих пор употребляются в современном вотском языке; например, когда хотят сказать, что кто-нибудь очень испугался, то говорят: **„уртэз кошкэм“**—душа его ушла. Таким образом, по представлению вотяков душа человеческая при испуге оставляет место своего пребывания. То же самое бывает иногда и при тяжких болезнях, когда человек теряет свое сознание. В таких случаях зовут обычно колдуна отыскивать душу. Как только бывает найдена душа и возвращена на свое прежнее место, больной приходит в сознание и выздоравливает. Самое лечение в таких случаях называют **„урт кутон“**—ловля души.

Помимо испуга и болезни „урт“ может отделяться от тела человека и во время сна. В последнем случае **„урт“** может являться и в каком-нибудь видимом образе, например,

чаще всего в виде летучей мыши „**урткыч**". По словам одного старого вотяка Уфимской губернии потому именно днем и нельзя видеть летучих мышей, что люди в это время бодрствуют. Если летучая мышь летает около кого-нибудь, то это не что иное, как душа какого-нибудь близкого человека витает над ним. А что душа действительно может принимать вид летучей мыши, об этом свидетельствует следущий вотский рассказ:

Один человек пошел спать, а товарищ остался сидеть на дворе. И вдруг он видит летучую мышь. Летучая мышь покружилась около некоторых предметов и улетела. Когда спавший проснулся, то его товарищ стал расспрашивать, где он был во сне. Оказалось, что он видел себя во сне как раз около тех предметов, около которых летала мышь. Отсюда товарищ его заключил, что в образе летучей мыши он видел душу спящаго. Если душа не успеет воротиться к тому времени, когда спящий просыпается, то последний начинает болеть и сохнуть.

Кроме летучей мыши, душа может принимать вид маленькой белой бабочки, которая в летние вечера залетает иногда в окно. Так обыкновенно является душа умершого своим родственникам. Одна вотячка казанской губернии, когда во время поминок по умершем муже в окно залетела ночная бабочка, говорила своему сыну: „это его душа прилетела к нам в образе бабочки". Иногда бывает, что образ бабочки принимает и душа живого человека. В деревне Можге Бирского уезда в тех случаях, когда при испуге душа—„урт" отделяется от тела, обращаются за помощию к знахарю, который с белым холстом в руках отправляется искать ее. Заметив где-нибудь маленькую белую бабочку, он ловит ее и, завернув в холст, приносит к больному, а затем на ночь привязывает ее к шее больного. На следующее утро, чтобы узнать, действительно ли пойманная бабочка душа больного, он плавит свинец и по фигурам его заключает, достигнута цель его поисков или нет. При положительном результате фигурка расплавленного свинца

„кутон узвесь“ вешается на шею больного и носится им в качестве амулета. Самый обряд выливания свинца носит название „уртсэ кисьталон“ —выливание души.

Вид бабочки душа может принимать и согласно вотским сказкам. „Два человека, рассказывается в одной из них, пошли в лес рубить дрова. После работы легли отдохнуть. Один заснул, и товарищ его видел, как изо рта его выпорхнула душа в виде бабочки, полетела сначала в ведро с водой, потом, выпорхнув из него, залетела в дупло липы, через несколько времени обратно оттуда вылетела и впорхнула в рот спящаго, после чего он тотчас же проснулся. Когда товарищ спросил его, что он видел во сне, тот разсказал ему следующее: „мне снилось, что я плыл через реку. На другом берегу ея было дерево, в дупле его лежало много золота“. По возвращении домой бодрствовавший дровосек тотчас же один отправился снова в лес к тому самому месту, где они только что были, заглянул в дупло липы, куда залетела бабочка, и нашел там действительно много золота“.

Оборотень—бабочка у вотяков называется „урт-бугыли“; ловить и убивать ее по их мнению большое преступление.

После смерти человека „урт“ не исчезает безследно. Он сохраняет черты облика человеческого и остается верным спутником тела, как тень или страж последняго. После похорон через несколько времени „урт“ отправляется на кладбище; отсюда он может иногда видимым или невидимым образом являться домой и навещать своих домашних. При помощи разных средств его можно заставить жить в одном определенном месте. Этот именно „урт“, как остающаяся неизменной духовная сторона природы умершого, и является предметом почитания для потомков.

Загробная жизнь.

Загробную жизнь вотяки обозначают словом „со дунне“ или „со пал дунне“. По их современным представлениям мир состоит из трех частей: неба, где живет Инмар, бог неба; земли, места обитания

людей и преисподней, где живут умершие. Георги говорит, что вотяки в загробном мире признают два отделения: дунье-югыт для праведников и курадзон иньты—для грешников. Во втором отделении множество котлов с кипящей смолой, в которой варятся грешники. Более древним представляется тот взгляд, по которому умершие одного и того же рода живут как бы в виде одной семьи. Глава ея — патриарх, или начальник рода. В этой загробной семейной жизни родов существует особого рода дисциплина; так, если кто при жизни был драчлив, ссорлив, вообще неспокоен, того не принимают и в загробное общежитие. Кладбище является общим местом жительства для умерших, а могилы отдельным помещением для каждого из них. После смерти человека его родные покойники приходят за ним и уносят. Загробная жизнь в полном смысле продолжение настоящей. Дети могут там расти, незамужние выходят замуж, вообще каждый умерший и за гробом делает то же, что на земле. Умершие могут так же, как и в этой жизни испытывать холод, голод, нужду и т. д.

Погребальные обряды. Представления о загробной жизни у вотяков лучше всего обрисовываются в их погребальных обрядах.

Хотя в отдельных вотских местностях, погребальные обычаи вотяков отличаются между собою, однако главнейшие в общем обряды одни и те же. Как только наступает смерть, покойнику закрывают глаза и рот; в рот кладут масла, а иногда и все тело вытирают маслом. На умершего кладут затем покрывало, и тотчас же начинают приготовлять все нужное к похоронам. Вотяки не держат покойников долго в своем жилище. Если не успевают похоронить умершего в самый день его кончины, то оставляют его на ночь в избе, но в течение этой ночи никто уже не ложится спать. Пока умерший находится в доме, никому не следует браться за работу. В некоторых местностях Мамадышского уезда Казанской губернии существует обы-

чай, по которому родственники покойного тотчас вслед за наступлением смерти отвертывают голову курице.

Пока тело усопшего не утратило еще своей гибкости, выпрямляют ему руки и ноги, кладут его на липовую кору и моют мыльным веником в теплой воде. Покойный часто еще при жизни указывает, кто должен взять на себя эту обязанность. Покойников мужского пола моют мужчины, женского пола — женщины. Вотяки верят, что покойник, прежде чем будет вымыт, слышит все, что кругом его говорят. Он может проявить то или иное свое отношение к лицам, его моющим. Если в числе последних кто-нибудь ему не приятен, он не дает разгибать члены своего тела, сжимает кулаки и т. п. и наоборот, если ко всем моющим его он расположен, то тело бывает мягким и гибким.

Когда покойник омыт, на него надевают праздничную белую одежду, на ноги новые портянки и новые лапти. Мужчине на голову надевают войлочную шляпу домашнего изделия, на руки иногда рукавицы, а старикам дают палку. На женщину надевают соответствующия ея возрасту украшения. Покойника кладут в гроб, который в прежнее время выдалбливался из дерева. Под голову умершему кладут раскрошенный веник, а на него подушку. В гробу умерший лежит на спине головой к двери. Вместе с умершим кладут в гроб разныя вещи, необходимыя в домашнем обиходе: котелок, чашку, топор, нож, лопату, ложку, веник, гребень, кошелек с деньгами, кошелек с табаком и огниво, если он при жизни курил табак; кроме того кладется лыко и колодка для приготовления новой обуви. Женщинам полагают в гроб иголки и нитки. Умершему дают в руку денег по одним толкованиям для того, чтобы купить земли на том свете, по другим для того, чтобы выкупиться от шайтана, который будет мучить его за то, что он долго жил на земле.

Кроме предметов домашнего обихода дается умершему еще одежда. Жена кладет в гроб мужу смену нижняго белья, чтобы муж ея в случае нужды имел возможность

во что переодеться. Муж собирает в гроб своей жены полотенца и разныя украшения. Девушкам кладут особенно много разных частей из одеяния, потому что неженатые покойники на том свете скорее всего посватаются за тех, которые в изобилии снабжены приданым. Родственники, которые приходят проститься с умершим, приносят с собой подарки, между прочим холст, который кладут в гроб умершему в качестве покрова. Особенно делают это те, которые при жизни были в неприязненных отношениях с умершим. Давая умершему подарки, говорят: „это тебе, пользуйся, когда нужно".

Отправляясь в загробную жизнь, умершие получают также пищевые продукты: хлеб, соль, мясо, блины, вино домашнего приготовления, кумышку, чтобы от голоду не пришлось им возвращаться домой и возмущать покой домашних. Дети получают яйцо или бутылочку с молоком, не редко также рот им вымазывается медом и маслом. В Казанской губернии некоторыя матери имеют обыкновение выжимать из своей груди несколько капель молока в рот умершему младенцу.

Пред тем, как выносить гроб в сени, домашние прыгают чрез него, чтобы не бояться покойника. Гроб ставят в сани или телегу в зависимости от времени года; когда же кладбище близко, умершаго несут на липовых веревках. Когда гроб поставлен в сани, в Уржумском уезде выполняется еще важный обычай, так называемое „облегчение страха". Умершаго в этот момент пугают приходившие его взять подземныя существа. Страх его облегчается посредством того, что держа над ртом его кусочек хлеба и масла, делают знак креста,—произнося при этом: „облегчаем твой страх". Родные и близкие бросают также в гроб денег, говоря: „живи мирно на том свете и не нуждайся ни в чем!" Если умерший был не женат, то его убеждают вступить в брак и жить одноженцем. Если умерший младенец, то умерших родственников просят позаботиться о младенце. Забрасывая гроб землею, в Елабужском

уезде говорят: „земля, которая попадет тебе в рот и нос, пусть будет золотом и серебром. Прилежно храни оставленную семью, не давай тяготы в жизни. Дай обильного хлеба на пиво и кумышку тебе". Когда могила зарыта, родственники зажигают несколько свеч и крошат хлеб на могильный холм. В пользование умершаго оставляется чашка и ложка, которые разбиваются на части, чтобы никто из посторонних не мог ими завладеть. На могилах умерших девушек кроме того существует обычай оставлять несколько узких лоскутков со словами: „это тебе на рубашку, это на юбку, это на платок".

Направление могил на языческих кладбищах—с севера на юг, так что лицами умершие обращены к югу.

В древнее время вотяки не делали для умерших гробов, а обертывали тело их в березовую кору и в таком виде клали в могилу. Иногда умершего покрывали овечьей шкурой.

У вотяков Уфимской и Пермской губерний существует обычай уносить на кладбище пустой гроб, вслед за которым умершего приносят его родственники. Женщины с плачем провожают до ворот дома или до ворот в поле. Только у могилы умершего полагают в гроб. Последний представляет из себя прямоугольный четырехугольный ящик, сделанный из выструганных досок. На дно его кладутся липовыя стружки, шерсть и маленькая подушка в качестве изголовья. В крышке, которая прибивается к гробу деревянными гвоздями, с правой стороны проделывается четырехугольное маленькое отверстие, для того, чтобы душа умершаго „урт" могла по мере надобности выходить на свободу. Отверстие это называется „урт ветлон пась". Прежде чем закрывать гроб крышкой, кто-нибудь из родственников умершего, стоя у края могилы, раздирает на двое белый холст, принесенный им с собой на кладбище; ту часть, которая остается в левой руке, он кладет на грудь покойника, а часть, оставшуюся в правой руке, несет домой и привязывает к приталке двери или к стене,

где она и остается в течение года. При разрывании холста говорят: „душу берем сюда, а счастье сюда". В некоторых местностях существует кроме того обычай ставить на могиле навес „линет" из липовой коры на четырех столбах.

Кладбища. Старинныя языческия кладбища в настоящее время можно встретить еще у некрещеных вотяков. Обыкновенно они устраиваются в лесу. Отсюда вероятно сложилось у вотяков верование, что любимым местопребыванием душ умерших являются глухие леса. Иногда кладбище располагается около деревни на берегу какой-нибудь речки или ручья. В каждой языческой деревне бывает обыкновенно особый общественный участок земли для кладбища, обнесенный изгородью, куда жители деревни хоронят своих родственников. В некоторых местностях, где деревни расположены близко одна от другой, у нескольких деревень бывает иногда одно общее кладбище. Происходит это оттого, что жители новых деревень, выделившихся из первоначальной родовой, продолжают пользоваться своим старым кладбищем. Таким образом, все старыя кладбища у вотяков, так же, как и все старыя деревни, являются родовыми. На них не хоронят лиц, не принадлежащих к данному роду. Если же в деревне случайно умрет кто-нибудь из числа пришлого населения, то его хоронят на особом земельном участке рядом с кладбищем.

На вотских языческих кладбищах, которые в настоящее время, с исчезновением кругом их лесов, выделяются на общем фоне небольшими рощицами, растут различныя древесные породы в зависимости от условий местности. На могилах нет никаких памятников. Только у зажиточных вотяков существует обычай, строить кругом могилы сруб из бревен или досок. Там и сям на земле можно видеть остатки сломанных деревянных чашек, ложек и узкие лоскуты материи. Женщины вообще, а мужчины без особой надобности обыкновенно не ходят на кладбище, так как кладбище у вотяков вообще считается местом священным,

внушающим некоторый страх. Проходя мимо его, чтобы избежать гнева умерших, живые должны обязательно что-нибудь им бросить, хотя бы по крайней мере медную монетку, кусочек хлеба или обрывок нитки.

Очистительные обряды. Боязнь умерших, свойственная детям природы, у вотяков особенно ясно сказывается в сопровождающих погребение очистительных обрядах, при помощи которых они стараются избежать неприятных, а подчас и гибельных последствий от покойников.

Предметы, которые так или иначе соприкасались с умершим, считаются нечистыми; их уже не употребляют в дело, а сжигают или бросают в овраг. Глазовские вотяки сжигают подстилку, на которой лежал умерший, его одежду, а сани, на которых он был увезен на кладбище, оставляют брошенными, пока не сгниют. В старину и не особенно еще так давно, существовал обычай, все эти предметы бросать в особо отведенные для этого ложки.

Сарапульские вотяки уносят на пустырь постелю, на которой лежал умерший, одежду, лапти и прочее. Такой же обычай существует и у казанских вотяков, все, с чем только соприкасался умерший: рубашка, постельное белье, стружки от гроба, если они не сожжены были на месте, складывается в лукошко и при выносе покойника бросаются куда-нибудь в овраг или под елку, растущую близь дороги. В старые времена в каждой деревне были особо предназначенные для этого места, название которых „кур-куян“ и теперь еще сохранилось, указывая на то, что сюда бросались между прочим те липовые лубки, на которых мыли умершего. В некоторых местностях, например, в Казанской губернии и теперь еще можно видеть гниющими на месте „кур-куян“-ов всякие отбросы, сор, стружки, веник, одежду и проч.

Такие „кур-куяны“, мимо которых по суеверному страху вотяки боятся без особой надобности проходить, в старые времена очевидно были в лесу. По словам некото-

ных авторов, всякая собственность умершего, которую нельзя было положить во гроб, кроме дома и скота, уносилась в лес. Еще и теперь на „кур-куянах“ можно видеть деревья, к которым привешиваются различныя жертвенныя приношения, для того, чтобы у умершихъ в той жизни не было ни в чем недостатка.

Чтобы не дать умершим возможности после смерти приходить домой без зова, вотяки выполняют различные суеверные обряды. Так, в Елабужском уезде при выносе умершаго из избы на двор, на порог кладут топор, чтобы положить предел смертности в доме. Во многих местностях существует обычай снимать дверь с петель и укреплять ее так, чтобы она отворялась в другую сторону. Глазовские вотяки в старину выносили умершихъ не чрез двери, а окно; если же это не представлялось возможным, то раскрывали даже крышу. Вотяки Казанской губернии, желая сбить умершего с толку, чтобы он не мог уже больше найти дороги домой, ставят гроб на низенький чурбан и три раза поворачивают его кругом против солнца. У Сарапульских вотяков есть обычай заметать следы провожающих покойника.

Собственно очистительные обряды выполняются только по возвращении с места погребения. Уже у ворот кладбища уфимские и чермские вотяки начинают принимать меры, чтобы избавиться от навязчивой свиты покойников. Каждый провожающий бьет своих товарищей по спине пихтовыми ветками, приговаривая: „ступай домой, не оставайся здесь!“ В некоторых местностях провожавшие машут по сторонам можжевелевыми ветками, покрикивая: „не ходите с нами, ступайте к себе домой!“ В Ржумском уезде существует обычай проводить топором через дорогу черту, чтобы духи не могли последовать за провожавшими в деревню.

По возвращении домой провожатые очищают себя дымом, прыгая чрез огонь, или обтирая руки золою. У вотяков Казанской губернии хозяин или кто-нибудь из род-

ственников бросает золы на голову провожавших в момент возвращения их с кладбища. Но самый обычный способ очищения, это мытье в бане. Все, кто принимал какое-нибудь участие в погребении, идут в баню, которая еще во время похорон бывает истоплена в доме умершаго. Вымывшись, одеваются в чистую одежду.

Подобно людям и самое жилище умершаго нуждается в чистке. Проводив тело усопшего на место его упокоения, начинают прибирать избу, в которой он хворал. Моют пол, стены, потолок. В иных местах существует обычай окуривать помещение или пожагать по его углам, косякам окон и дверей можжевелевыя ветки.

Поминки. По представлению вотяков обязанности живых по отношению к умершему не заканчиваются с его погребением. Умершие и после этого нуждаются в помощи и заботах живых. Если умерший не получит того, на что он имеет право претендовать, то он скоро заскучает в своей загробной жизни и начнет являться домой, нарушая спокойствие своих родственников. Иногда он может даже наказать живых. Попечение об умершем прежде всего лежит на его родных. Священный долг потомков—поминать своих отцов и прадедов.

Поминки бывают или общие для поминовения всех вообще умерших в данном роде или частныя, на которых поминаются какия-нибудь единичныя личности из числа умерших.

Частные поминки. Частныя поминки справляются в определенные дни после смерти покойнаго. Сущность поминальных обрядов состоит в приготовлении поминальной пищи и угощении умерших.

Самые первые поминки в ряду частных поминок, это те, которые справляются тотчас же на самом месте смерти или погребения усопшего. Очень часто приступают к приготовлению поминальной тризны еще прежде, чем умерший

отправлен на кладбище. Как только умерший бывает вымыт, одет и положен на лавку или в гроб, самая старая женщина в избе, одна или вместе с другими, начинает стряпать мясные пирожки „тукмач". В других местах приготовляют 3 пресных блина без соли и варят похлебку из курицы, если умрет женщина, или из петуха, если умер мужчина. Рядом с телом умершаго ставят обломок чашки, а на край печи возле двери или к самому порогу корыто. Обломок чашки предназначается для вновь умершаго, а корыто для старых покойников. К краям корыта так же, как и к гробу умершаго, прилепляют свечи. Когда поминальная пища бывает готова, сначала старший мужчина в семье, а за ним и все другие, берут по кусочку пирогов, блинов, мяса, ложку похлебки, немножко вина или кумышки и, полагая все это в чашку около умершаго, говорят: „хорошо ты жил в этой жизни, также хорошо живи и в будущей. Не мучь и не притесняй нас. Хорошенько храни нашу скотинку. Смотри за нашими ребятишками. Больше я не знаю, что тебе сказать; не сердись. Не хвали нас ни спереди ни сзади". Вслед за старшим тоже делают и говорят и все остальные члены семейства. Самый обряд называется „тырон" (плата).

После этого частички поминальной пищи бросаются все в корыто, на краю печки или у дверей, при этом говорят: „эй вы там, прадедушки, прабабушки! Пусть будет это вам. Для вас мы наварили и напекли. Будьте довольны, не сердитесь! Дайте удачу нам в варенье и в печенье, позаботьтесь об этом! Дайте удачу в посеянном хлебе и сохраните его! Сберегите жито от мышей! Дайте детям нашим успех, сохраните их!

Затем поминают имена умерших и просят их принять жертву, вместе пить и есть и с удовлетворенным и радостным сердцем принять в свою среду вновь умершаго. Если покойный был неженатый юноша, просят умерших женить его, а ему самому советуют не скучать на том свете, напоминая, что у него есть там близкие родственники,

которые могут его любить, и он может там обзавестись семьей. Если умершая девушка, ей советуют выйти замуж и жить в мире со своими родственниками.

Почти в том же виде, как и на дому, справляются поминки и на могиле умершаго при погребении.

Родственники и знакомые умершаго, когда несут его на место его последняго упокоения, берут с собой хлеба и кумышки; сами их съедают и выпивают, умершему же отделяют часть на могилу, приговаривая: „Мы пьем кумышку и тебе наливаем: пусть это дойдет до тебя, пей ее на том свете. Хлебом поминаем тебя, ешь его там. Ешь и пей вместе с своими новыми друзьями, живи с ними и согласно". Иногда часть, назначенная умершему, полагается в маленькую ямку, сделанную на могиле.

В некоторых местностях поминки устраиваются в доме умершого тотчас после того, как возвратятся с кладбища и вымоются в бане.

Каждый посетитель в данном случае пробует блинов и курицы и частичку от них кладет в поставленный около печи сосуд, приговаривая: „сначала ешь, а потом выходи, но не уходи слишком далеко, храни наш дом и оберегай наш скот, чтобы не заблудился он нечаянно". Потом садятся есть, а насвшись, раздают собакам содержимое чашки, предназначенной для умершого.

В Мамадышском уезде, ставится на стол для умершего особая чашка, из которой, предполагается, умерший ест вместе с друзьями своими и родственниками. Корыто же возле печи повидимому предназначается исключительно для давно умерших прадедов, не исчезнувших еще из памяти потомства, при чем в честь каждого из них зажигается свечка и имя каждого поминается во время жертвоприношения.

Кроме дня погребения, частные поминки по умершем справляются еще в определенные дни после его смерти.

Обыкновенно они бывают в 3-й, 7-й, 40-й, и годовой день, а в некоторых местностях еще 9-й 20-й день.

Дни поминовения вотяки исчисляют по-ночам, потому поминки в третий день они называют „квинь уй", в 7-й д. „сизьым уй", в 40-й „нильдоп уй". Годичное поминовение называется „арес кисьтон". В каждый день поминовения обязательно закалывается какое-либо животное, по крайней мере курица, потомучто без пролития крови нельзя и поминок оверпить. Вообще же обряды поминовения очень напоминают собою те, которые совершаются и при погребении.

Следующее описание, напечатанное в Вятских губернских ведомостях за 1891 г. дает нам картину поминок, совершаемых вотяками местностей Малмыжско-Уржумского уезда. Для поминок приготовляется кумышка, собираются все родственники в тот дом, где жил умерший. Прежде всего самый старший в роде наливает в чашу напитка и ставит на стол блины. Вслед за ним и другие присутствующие наливают себе вина. Все обращаются лицом на север, и старший читает молитву, в которой испрашивает божьего покровительства умершему. После молитвы он берет с тарелки верхний блин, обмакивает его в кумышку и дает собаке. Если собака съедает его, то это служат признаком, что умерший живет на том свете счастливо, и вотяки принимаются за веселый пир, в уверенности, что и умершие благосклонно принимают в нем участие. Если же собака не обратила внимания на блин, а пошла от него прочь, то в таком случае родственники грустно расходятся по домам.

Елабужские вотяки на поминках угощают не только недавно умершего, но и других его умерших родственников, являющихся к нему в гости. Для них бросают на окно часть оладий и просят откушать, а также полакомиться и тем угощением, которое специально приготовлено для недавно умершего.

Сарапульские вотяки для поминок пекут овсяные блины, смазывая их сверху маслом с яицами. Утром в день поминовения родные крошат их в корыто, стоящее у порога. Сюда же льют кумышки и пива. Отдавая затем эти куски

пищи собакам, смотрят, как они едят: если мирно, то это значит, что умершие на том свете живут в согласии: если наоборот, грызутся, то значит и умершие на том свете ссорятся. На поминки зовут в гости членов данного рода, и вместе с ними родственники умершего читают следующую молитву: „примите жертву, старики! Мы поминаем вас по случаю этого праздника поминовения, да не будет недостатка у вас в пиве и вине. Не допустите нас до заболеваний, не подвергайте нашу скотину хвори. Хорошенько заботьтесь о нас и охраняйте нас. Возрастите хлеб и пищу нам. Не загрязняйте посевов наших, не загоняйте в овраг скот наш, не допускайте хищных зверей до него. Старые и молодые покойники не сердитесь на нас, вместе ешьте и пейте".

В Уржумском уезде, кроме чашки с пищей для старых покойников, полагается к печке также березовая кора для вновь умершего. На край этой коры прилепляется маленькая свечка. В молитве при поминании обращаются как к старым покойникам, так и к новому, при чем последнего просят обратить внимание на то, которые по счету поминки в честь его справляются.

В некоторых местностях поминки затягиваются по крайней мере дня на два. На другой день утром после обычного дня поминовения, приносится в жертву петух, если умер мужчина, или курица, если умерла женщина. Бросая частички мяса в корыто, говорят: „ешь, батюшка"! или ешь матушка!"

Когда поминки затягиваются на долгое время, на обязанности родственников лежит позаботиться о том, чтобы умершим не скучно было на празднике и чтобы они не ушли с поминок голодными. Чтобы повеселить своих умерших, вотяки между прочим ходят в гости. Они верят, что около каждого из них в это время невидимо витает душа умершего сверстника, с которым при жизни он был в особенно дружеских отношениях и которого поэтому нравственно обязан теперь развлекать и угощать. По мнению вотяков

умерший сверстник делает то же, что и его живой товарищ, а потому насколько весел гость, настолько радостен и умерший и насколько сытен первый, настолько сытен и второй. Отсюда следует, что, ходя по гостям во время поминок, нужно как можно больше есть, чтобы умершие не ушли с праздника голодными *). По той же причине не полагается на поминках заниматься каким-нибудь делом, иначе умершие разсердятся на то, что их не только не развлекают, а еще и работать заставляют. Поэтому также нельзя во время поминок спать, так как может случиться, что умерший, находящийся вместе с спящим, слишком долго пролежит и отстанет от других умерших, когда их будут провожать на кладбище. Чтобы развлечь умерших, вотяки иногда приглашают их с собой мыться в баню.

По окончании поминок умерших провожают на кладбище. Проводы эти в Сарапульском уезде происходят в следующей обстановке. Все представители рода, держа в руках чаши с вином, выходят на двор. Один несет старый лапоть с пухом, перьями и раскаленными угольями; при этом он раздувает угли, произнося следующую молитву: „Старики, ешьте, пейте и уходите отсюда; поведите с собой того, кто завидует нам и желает зла“. Выбросив лапоть на задний двор, он возвращается в избу и ни слова не говорит ни с кем, пока не вытрет руки золой из печи.

Отдельные поминки отличаются друг от друга большею или меньшею торжественностью. По словам одного этнографа в третий день после смерти друзья усопшего собираются только попить пива и поесть блинов; част,

*) Одна взрослая образованная девица из вотяков, вспоминая о своем детстве, разсказывала, что после смерти одной ея маленькой подруги, родители последней положительно закармливали ее пряниками и орехами, когда случалось ей заходить к ним. По своему детскому прямодушию ласку эту она принимала на свой счет, и только впоследствии узнала, что в данном случае она имела дело с проявлением обычного родственного эгоизма.

которых бросают и умершему на двор. — Между тем как в 7-й день закалывают овцу, а в 40-й даже корову, или лошадь.

По словам другого этнографа поминки 3-го, 7-го дня соединяются с похоронной тризной; а именно тотчас после похорон режут курицу или теленка.

В Казанской губернии поминки в 3-й, 7-й день зовутся малыми поминками; во время их режут курицу и приглашают только ближайших родственников; между тем как поминки в 40-й и годовой день называются большими; на них зовут не только родственников, но и соседей; режут овечку, а иногда и более крупное животное. Во время этих поминок на стену весят одежду покойника: рубашку, штаны, если умер мужчина, или юбку если умерла женщина. Одежда в этом случае представляет собою умершего. В некоторых вотских местностях существует верование, что душа умершего в течение 40 дней остается дома, почему на обязанности родственников лежит позаботиться о должном угощении для нея и гостеприимстве. В Мамадышском уезде имеется обычай в течение сорока дней после смерти во время обеда ставить для умершего на стол особую чашку с пищей.

Верование, что 40-й день является последним днем пребывания умершего среди живых, позднейшего происхождения. В древнее время таким днем считался очевидно день годовщины. Так, по словам вотяков, если в этот день не совершить поминовения усопшего, то старые покойники не пустят его в свое общество, а оставят блуждать по деревне так же, как он блуждал до сих пор в течение года.

Вотяки Бирские и Осинские, повидимому, не допускают и возможности, чтобы умерший пребывал на земле меньше чем год. В день годовщины, по их представлению, умерший удаляется из среды своих родственников. В этот именно день родственники собираются, чтобы проводить умершего на кладбище; устраивают для него угощение, несут на могилу съедобные вещества и напитки, а также и тот узенький лоскуток материи, который в день похорон

был прибит к матице в избе. Этот лоскуток торжественно закапывают в могилу умершего. После этого дня можно раздавать одежду покойного, которая до сего времени хранилась в сундуках и добывалась из них только в дни больших поминовений.

Частные поминки в неопределенные сроки. Кроме частных поминок в определенное время, умершие поминаются в том случае, если их увидит кто-нибудь во сне. Тотчас по пробуждении виденший во сне покойника должен совершить „тырон". Он берет куриное яйцо и несет его на крышу погреба или другое возвышенное место и обещает совершить в честь покойника поминки, т. е. приготовить ему угощение. Затем он варит кашу или другую мясную похлебку. Часть этих кушаний съедает сам, а часть кладет на крышу или ставит в избе в передний угол. При поминовении глава семьи обращается к умершему с такими же словами, как и во время похоронной тризны.

Вотяки Сарапульского уезда думают, что если не совершить поминок умершему, явившемуся во сне, то он может послать болезнь на семейных. Так разсказывают, что один вотяк видел во сне покойников, грозивших ему. Вскоре после этого несколько человек в его семье заболело. Вотяк удивился такому совпадению сна и его печальных последствий и совершил поминовение; тотчас же в состоянии здоровья больных наступило улучшение.

Иногда умершие могут заявить о своих нуждах и другим способом. В Мамадышском уезде думают, что душа умершего может прилетать к окну избы в виде ночной бабочки „урт-бугыли".

„Вал сюан". К числу частных поминок следует отнести особое поминовение, совершаемое в неопределенное время: через 1 год, через 5, 10, 20, 30 лет после смерти покойника. Поминовение это совершается поздней осенью или зимой и носит название „вал сюан" или „кулам мурт сюан" („лошадиная свадьба" или „свадьба покойника")

Название указывает на то, что празднование носит особенно веселый характер и сопровождается свадебными песнями. Жертвенным животным, закалаемым обыкновенно на дворе, должна быть лошадь, если умер мужчина, или корова, если умерла женщина. В Вятской губернии жертвенное животное употребляется черного цвета; в других местностях, где поминовение совершается через год после смерти, в жертву режут, не обращая внимания на масть, то животное, которое употреблял при жизни умерший или которое он особенно любил. На праздник приглашаются все родственники умершего: угощать жертвенною пищею посторонних не полагается *). Для поминок предназначается не все животное, а только голова, ноги и мясо с левого бока, все же остальное семья употребляет в пищу по мере надобности.

Главный обряд поминовения, совершаемого в четверг, состоит в церемонии перенесения костей головы и ног животного в особое место, называемое „кур-куян" или „лы-куян". Голова и ноги предназначаются исключительно для умершего, почему и самые поминки носят название „йыр ныд сётон" (давание головы и ног). В старые времена кости уносили на кладбище и подвешивали к дереву липовыми веревками.

В Казанской губернии означенные поминки справляются следующим образом. Утром в назначенный день хозяин дома зовет родственников и вместе с ними приготовляет угощение. При резке коровы или лошади держат животное головою на север, так как север при поминовении считается стороною, предназначенною исключительно для умерших. При этом произносятся слова: „чӧк пересьёслы". В тот же день варится голова, ноги и весь левый бок животного. Когда мясо бывает готово, один из присутствующих, так называемый „нарчаськись", крошит его в большое ко-

*) В некоторых местностях молодежь пользуется этим обычаем, как поводом для разного рода игривых шуток. Так, всякий парень из чужого рода, увидевшийся случайно на поминки, рискует быть вымазанным сажей

рыто, а кости отдает глодать ребятам, которые толпами собираются к дверям избы. Оглоданныя кости бросаются затем в липовое лукошко. Вслед за мясом варят кашу. Когда она поспеет, все присутствующие начинают помнпать умерших стариков, бросая в корыто каши, кусочков мяса и выливая туда же пива и кумышки. К краям корыта бывают прилеплены горящие свечи, принесенные посетителями. Затем начинается угощение. Собравшаяся молодежь, стоя в дверях, поет свадебные песни. Угостившись достаточно, запрягают в сани пару лошадей; к дуге привязывают колокольчики, в сани кладут лукошко с собранными в нем костями и при пении свадебных песен едут в особо назначенное картом (жрецом) место, куда обыкновенно принято в таких случаях бросать кости. Если провожающих много, то едут в нескольких санях. Везут с собой также и кумышки. Вместе с костями в лукошко кладут также лоскутки материи и монетки. Доехав до места, участники церемонии зажигают костер из соломы и начинают помнпать умерших, выливая на землю пива, кумышки и бросая кусочки блинов. К краям липового лукошка прикрепляются восковые свечи, при этом молодежь так же, как и дома, поет и пляшет. Когда выпьют все пиво и кумышку, а остатки блинов сложат в лукошко, один из присутствующих берет лоскуток и монетку и бросает их на землю, оставшиеся же лоскутки и монетки присутствующие делят между собой. Лукошко с костями оставляют на месте, а сами участники церемонии возвращаются в деревню в тот дом, где приготовлено было угощение. По возвращении их не пускают сразу в передний угол, а заставляют сначала посыпать головы пеплом. После этого они начинают показывать друг другу лоскутки материи, говоря: „смотри ка, какой подарок нам сделали на свадьбе". Берущий в руки лоскуток отирает им свое лицо, говоря: „хорош, хорош". Наконец, все расходятся по домам. На другой день гости снова приходят для того, чтобы дать возможность умершим опохмелиться. На этот раз помнпают умерших только вином, выливая его в корыто; опохмеляются при этом и сами.

В Уржумском уезде во время описанных поминок для умерших устраиваются следующего рода увеселения. Помянув покойников и наевшись, в избу приносят плетеный короб с соломою на дне. В этот короб тщательно собирают лошадиные кости. Головные кости складывают таким образом, чтобы из них получился целый головной череп. На кости усердствующие кладут по обрезку холста и по копейке денег. Затем начинается веселый танец. Вотяки старики и старухи выходят друг за другом и пляшут кругом короба под звуки старинных вотских мотивов. Когда кто-нибудь из окружающей толпы спрашивает, для кого они пляшут, спрашиваемый отвечает, называя имя умершего. После того, как старики покажут свое умение плясать, выходит танцевать молодежь. Пляска сопровождается игрой на скрипке и притопыванием ногами. Существуют особые, специально к данному случаю приспособленные песни, например в роде следующей:

„Конюшня твоя, батюшка, полна лошадей;
Одну из них мы принесли (в жертву) теперь.
Но хотя одну мы только принесли для тебя,
Остальные пусть будут в добром здоровьи".

Окончив песни, короб выносят на двор, где приготовлены уже запряженные лошади, чтобы везти гостей на кладбище. Короб ставится в передние сани.

Кожа зарезанной лошади разстилается на земле, и на ней начинают плясать и петь песни. После этого все отправляются на языческое кладбище под звуки бубенчиков и пение свадебных песней.

В Сарапульском уезде обращают внимание на то, чтобы жертвенное животное не имело какого-нибудь природного недостатка; корова, например, должна иметь целыми оба рога и т. п. Родственники, идя на поминки, несут с собою всё, что требуется для них: кумышку, пиво, съестные вещества и прочее, что окажется у них в наличности. Мужчины приносят также свечи. В зависимости от

того, мужчина умер или женщина, первенствующую роль на поминках играют мужчины или женщины. Бедные, если не имеют в запасе лишнего скота, покупают у торговцев голову и ноги; оставшиеся от них кости уносят на кладбище.

С вышеописанными поминками едва ли не в тесном родстве стоит следующий обряд поминовения в Малмыжском уезде, имеющийся в этнографической литературе о вотяках.

Отец семейства отыскивает негодный для употребления липовый короб, складывает в него разные кости, оглоданные людьми и животными, сверху кладет на них сухие корки и сноп соломы. Этот короб он ставит на стол; зажигает две свечи, одну прилепляет к коробу, другую к порогу избы. Потом держа в руках короб и имея шапку на голове, со всем семейством молится, обратившись лицом в передний угол и прося бога не томить умершего холодом и голодом. По окончании молитвы он подносит к коробу свечу, горящую на пороге и зажигает ею колосья снопа, свесившиеся из короба. Потом вместе с семьей при свете горящего короба идет в лес. Там он вешает его на дерево, в уверенности, что он доставляет таким образом пищу умершему.

Общие поминки. Кроме частных поминок, имеющих отношение к тому или иному умершему, в определенные времена устраиваются общие поминки. Как в частных поминках, так и в общих, обряды в отдельных местностях несколько видоизменяются. Там, где укрепилось христианство, вотяки справляют поминки в одно время с русскими: в Покров, в Димитриевскую субботу, в Троицкую субботу, в Радуницу на 10-й день после Пасхи. Там, где язычество еще сохранилось, напр. в Казанской губернии, поминки устраиваются весною — в четверг на страстной неделе, в четверг на Троицкой неделе и осенью в четверг перед Казанской. В это же время общественные поминки справляются и у вотяков восточных местностей. Но и в языческих местностях на выборе перечисленных сейчас сроков для общих поминовений нельзя не видеть влияния соседственных народностей, так как

в древности очевидно большие поминки устраивались только два раза в год: весною и осенью, на что указывают названия „тулыс кисьтон“ и „сизьыл кисьтон“.

Поминки справляются двояко: или каждая семья в отдельности поминает своих родственников или все представители одного рода собираются для этого вместе. Первый вид поминок в настоящее время начинает входить все в большее и большее употребление.

Но и в тех случаях, когда каждая семья в отдельности справляет поминки, по окончании их идут по домам своих родственников, поминая близких им покойников. В Сарапульском уезде в таких случаях ходят вообще по своим знакомым и соседям, хотя такое обыкновение несомненно следует признать явлением позднейшего происхождения, т. к. согласно древнему представлению поминки должны справляться представителями одного рода и самые поминальные кушанья нельзя давать лицам посторонним.

Кроме поминок, справляемых отдельными родами, в Сарапульском уезде существуют так называемые деревенские поминки „гурто калыкен кисьтон“. В определенный день в каждой избе деревни выставляют на стол обычные яства. Вечером жители собираются все вместе и начинают ходить по деревне из дома в дом, поминая умерших. Вероятно такие поминки ведут свое начало с того времени, когда деревни у вотяков были еще родовыми, то есть состоявшими из представителей одного рода.

Как родовые, так и деревенские поминки продолжаются обыкновенно в течение 3 и даже 4 дней. Но большею частью они кончаются уже на следующий день утром. Вотяки Казанского уезда утром на другой день после поминок режут двух куриц и, пока варится мясо, ходят звать родных из пяти, а иногда и больше домов.

Пришедшие не сразу садятся за стол, а стоят некоторое время на ногах, пока приготовленная пища не будет разставлена по столу. Потом старики и старухи, взяв в руки ложки, начинают поминать умерших, поливая в корыто похлебки, вина и кумышки. Поминки на другой день, спра-

няются для того, чтобы дать возможность умершим онохмелиться. „макмыр веськатон попна".

По сведениям из Сарапульского уезда поминки на другой день назначаются для прощания с умершими. Зарезав утром петуха и угостив им умерших, обращаясь к последним, родственники говорят: „ешьте, пейте и уходите домой к своим товарищам; храните наших детей, наши посевы, скот и птиц".

Поминки, приуроченныя к определенному времени, у вотяков справляются не только дома, но и на кладбище. Вотяки Глазовского уезда при всяких общественных поминках ездят на кладбище; отправляются они туда верхом как мужчины, так и женщины и везут с собою пищу и питье. На могилах сначала принимаются голосить, а потом едят и пьют, оставляя кусочки в пользу умерших. В Радуницу и Покров они режут утку, в определенном месте на берегу реки, кровь выпивают со словами: „вот мы даем вам кровь, не сердитесь". Мясо варят дома, бросая в честь умерших кусочки его в ведро, стоящее под столом. Утром на другой день идут на кладбище, неся с собой яица, блины, оладьи, хлеб, мясо и кумышку. Здесь они зажигают свечку, постилают холст на могилу, ставят туда же пищу и, перекрестившись молятся: „Ходите, старики, в свете. Вы ушли в чужую землю, пусть будет у вас там достаточно хлеба и соли. В мире живите со своими друзьями. Мы остались от вас малолетними сиротами. Не сердитесь на дела рук наших, не мучьте скотины нашей. Вот мы принесли вам свечей, всегда ходите во свете. Для вас яичница и блины. ешьте, пейте и пойте песни". Наевшись, остатки бросают на могилу, выливая туда же вина и кумышки.

У некоторых вотяков на кладбище ходят только во время весенних поминок и около Троицина дня. При этом во многих языческих местностях существует еще обычай вместе с пищей и питьем носить на кладбище ветку лиственного дерева, которая втыкается на могиле позднее всех

умершего родственника. В некоторых местностях, как например в Мамадышском уезде Казанской губернии, и теперь еще существует обычай ставить столб — памятник „дыбо" или метку „бильги" в кур-куяне в память тех своих родственников, которые умерли, находясь в пути или служа в солдатах и похоронены на чужбине. Пред столбом иногда ставят столик на одной ножке, на котором во время поминок зажигают свечи и кладут для умершего куриного мяса, блинов, и прочих поминальных яств. Столбы ставятся для того, чтобы душа умершего могла возвратиться домой.

Обряды великого четверга. Из установленных для поминовения сроков самым замечательным является время около Пасхи, когда среди умерших по представлению вотяков начинается особенное оживление. Верят, что умершие получают возможность являться в мир живых особенно ночью в великий четверг, который поэтому и носит название „кудэм потон уй". В это время выполняются особые суеверные обряды, цель которых — предохранить живых от вреда, причиняемого умершими.

Во многих местностях еще накануне вечером существует обычай проводить ножиком, топором или помелом черту кругом дома. Окна, двери и другие отверстия в доме тщательно закрываются. На подоконники кладутся острые предметы, к дверным и оконным косякам ставятся можжевелевыя, вересковыя или пихтовыя ветки. Крещеные, кроме того, на дверях и окнах чертят изображение креста. Пред тем, как ложиться спать, избу окуривают можжевельником. Утром на другой день зажигают на дворе солому и члены семьи прыгают чрез костер, приговаривая: „дай больше здоровья". Потом моются в бане и затем принимаются справлять поминки.

С такими очистительными и предохранительными обрядами обычно связывается так называемый обряд изгнания злых духов.

Вотяки Глазовского уезда собирают обломки железа,

палки, ружья и с шумом, криком и выстрелами идут в ближайшую одворицу прогнать на предстоящий год волков и других хищных зверей. По возвращении оттуда берут косу, помело, лопату и уголь с очага и проводят ими черту кругом дома, чтобы защитить его от злых козней, колдунов и ведьм; так как злые духи и люди в это время по их представлению могут причинить всевозможныя несчастия. С этой же целью они осеняют себя крестом, произнося: „Осто Нимере!“. Отправляясь спать, закрывают окна, трубы, двери и подполье, чтобы колдуны не проникли чрез них. В передний угол на стол, покрытый скатертью, кладут пшеничную лепешку и соль, чтобы угостить добрых духов, которые ночью охраняют спящих. В некоторых местностях молодежь всю ночь сидит на крыше избы или сарая, высматривая колдунов и ведьм. Колдуны являются обыкновенно в виде кошек, собак или волков.

Остатки обычая поминать умерших в великий четверг сохранились и у тех вотяков, которые, приняв христианство, уже начали усваивать русские обычаи. Обряд же изгнания духов, приурочиваемый к празднованию великого четверга, у Глазовских и у Сарапульских вотяков в некоторых местностях справляется накануне вербного воскресенья. В Бирском уезде в ночь, на вербное воскресенье парни и девушки ходят по деревне и ударяют вербовыми ветками по воротам и стенам домов и, заходя иногда в избу, бьют тех, кто лежит на постели, приговаривая: „верва гистир“. Такое хождение продолжается до тех пор, пока не пропоют петухи, после чего ветки бросаются куда-нибудь в овраг за деревней или сжигаются на костре. При возвращении в деревню каждый ускоряет свои шаги, так как думают, что того, кто отстанет от других, постигнет какое-нибудь несчастие. Утром в некоторых местностях существует обычай ходить на скотный двор и бить скотину по спине вербой. При этом приговаривают: „изгоняем болезни и хворь“. В Сарапульском уезде при изгнании злых духов, ходят с одного

конца деревни на другой, держа в руках смолистыя головни. В Казанской губернии описанные обычаи вотяки называют „пучы шуккон".

В Казанской губернии с обрядами вербного воскресенья соединяются разного рода зрелища, которые обыкновенно предшествуют изгнанию духов. Еще накануне вечером молодежь собирается в какую-нибудь баню на краю деревни, где разводят огонь и устраивают игры в сбор податей и рекрутский набор. Для игры в сбор податей выбираются соответствующие должностные лица: сборщик, контролер, судья, и даже полицейские для наблюдения за порядком. Для уплаты податей служат бабы, которые каждый приносит с собою из дома. Некоторые при этом оказывают сопротивление, с таких податц берутся насильно, другие подвергаются даже наказаниям. Затем начинаются игры в рекрутский набор. Молодежь избирает из своей среды несколько лиц, которым дается звание генерала, капитана и других военных чиновников. Избранные вербуют солдат на царскую службу. Потом начинается военное обучение. Солдаты упражняются на палках вместо ружей. Наконец около полуночи генерал командует бежать в деревню изгонять злых духов.

В некоторых местностях, гл. обр. на юге, изгнание злых духов бывает в другое время. В Сарапульском уезде оно может происходить в понедельник после вербного воскресенья, а в некоторых местностях также на 3 или на 7-й день после Рождества, при чем в качестве орудия для изгнания приготовляются деревянные молотки, почему и самый обряд получил название „чукмор" (молоток). У Глазовских вотяков обряд изгнания злых духов нередко соединяется с христианскими праздниками. Но самым древним и первоначальным временем для этого обряда очевидно была весенняя пора около Пасхи и главным образом ночь на великий четверг. Существующия же у русских суеверия, связанныя с вербой, вероятно дали повод к перенесению

...помянутого обычая на кануне вербного воскресенья. Намек на это обстоятельство дают произносимые вотяками при выполнении данного обряда малопонятные слова „верва гистир". Впрочем первое слово очевидно означает вербу. Но если обряд изгнания духов в некоторых местностях и был перенесен на вербное воскресенье, то поминовение узоших везде продолжает совершаться в великий четверг.

Влияние умерших на живых. Подобно большинству первобытных народностей и вотяки верят, что благосостояние живых стоит в зависимости от умерших, отсюда то суеверное уважение, которое питают они к умершим особенно к своим родителям. Иногда старики в тех случаях, когда родственники обходятся с ними плохо, еще при жизни угрожают им своей местью после смерти. Иногда лежа на смертном одре старик говорит своим родственникам: „Вы держали меня, как собаку, ненавидели и ждали только моей смерти; теперь она за горами. Скоро я не буду уже вас безпокоить, но только знайте, что после меня у вас будет несчастие за несчастием, беда за бедой".

Самое обычное наказание, какое посылают умершие живым людям это болезнь „кулэм-мурт-мыж": Чтобы избавиться от нея нужна жертва. Жертву приносят вотяки или дома или в куркуяне (лы куяне). Впервом случае животное закалается в особом месте задней части двора, мясо варится в избе, а кости бросаются в куркуян; во втором случае весь обряд жертвоприношения совершается в одном месте: в кыркуяне. Из числа жертв, приносимых в кыркуяне, более всего замечательна так называемая „бер вось": эта жертва обязательно должна быть принесена ночью, и животное должно быть украденным. При жертвоприношении жрец молится, обращая внимание умершего на то, что это уже последняя жертва, и поэтому духи должны досыта наесться, чтобы больше уже не безпокоить живых.

Кроме болезней, умершие могут причинить и много других несчастий; так, например, они могут припрятать

скот. В Елабужском уезде, когда пропадает животное из стада, то вотяки обыкновенно говорят, что его спрятали старики. Если кому-нибудь из посторонних случится его найти, то он никогда не решится сказать об этом собственнику боясь гнева умерших. В Сарапульском уезде если теряется лошадь, то виновником ея потери считают какого-нибудь покойника, если корова—покойницу. В том и другом случае это животное нужно обещать в жертву покойникам, так как потеря его означает, что умершие нуждаются в домашнем скоте. Тем или другим способом умершие могут оказать гибельное влияние на домашнее хозяйство: истребить, напримѣр, посевы, наслать гусениц, мышей и т. п.

Вообще покойники являются в глазах вотяков болѣе злыми, чем добрыми; из них легко могут образоваться всякия злыя существа.

Впрочем, будучи в хорошем расположении духа, покойники разными способами содействуют счастью и благополучию своих потомков. Из молитв, читаемых при поминовении, видно, что по представлению вотяков они, как боги, могут дать жизнь, увеличить семью и скот, могут охранять их от врагов и зверей; от покойников зависит рост хлебов, выпадение дождей и перемены погоды. Поэтому вотяки во всех случаях своей жизни, обращаются к своим умершим с молитвами и жертвами.

Умершие являются покровителям своих родственников прежде всего в их занятиях. Вотяки Вятской губернии, где лесной промысел продолжает еще играть важную роль в жизни крестьянства, когда ставят силки на зверей, то вместе с лесными духами призывают на помощь также умерших, принося им жертвы. В Сарапульском уезде весной, когда в первый раз выгоняют скот на постбище, то обещают умершим жертву, при чем глава семьи режет на дворе курицу, говоря: „приношу жертву, проливая кровь и обещаюсь осенью заколоть для вас одно из выгоняемых на постбище животных, если они к тому времени возвратятся домой здравыми и невредимыми".

Осенью они исполняют данное обещание и приносят на дворе в жертву барана. О скоте молятся Сарапульские вотяки умершим в новом хлебе. В таких случаях домохозяин режет овцу на скотном дворе и молится с шапкой на голове, держа в руках древесную ветвь. При этом он говорит: „Старики, примите жертву в руки и ноги. Не обижайте лошадей, не мучьте коров!“ По окончании молитвы жертвенная пища разделяется между членами семьи, а кости закапываются в углу хлева.

Обращаются вотяки за помощью к умершим и в своих земледельческих работах.

По их представлению умершие, как боги, могут влиять на рост хлебных злаков; поэтому во многих молитвах, связанных с земледельческими работами, можно слышать упоминание предков.

В Сарапульском уезде весной после вскрытия рек умерших поминают во время моления, называемого „тулыс-сур“, при чем режут старикам утку. Приступая к сенокосу или уборке хлебов, вотяки того же Сарапульского уезда поминают в хлеве своих предков, говоря: „Старики, отцы и братья, не покидайте нас, дайте нам обильный урожай, такой же полный, как этот хлеб!“

Осенью перед ледоставом каждый глава семьи идет в поле с курицей или петухом под мышкой. Придя туда, режет птицу, проливая кровь на землю. После чего мясо варится и съедается дома, кости опять уносятся в поле на то место, где птица была заколота.

За благословением к умершим вотяки обращаются во всех своих делах и предприятиях. Так, например, обыкновенно распространен обычай молиться умершим и приносить им жертвы при заключении брачных союзов. В день свадьбы дается обещание принести жертву, когда представится к этому удобный случай. Самый ритуал такого жертвоприношения вполне напоминает собою обряды „вал сюапа“ с обычной при нем торжественной процессией отнесения костей в „лыкуян“

Так как существует поверие, что тотчас после выполнения данного в день свадьбы обета перестанут рождаться дети, то принесение обещанной жертвы некоторые стараются оттянуть на более долгое время.

Даже на самую жизнь вотяки склонны смотреть, как на дар, полученный от умерших. Этот взгляд особенно ясно сказывается в обычае во время трудных родов обращаться с молитвою к умершим. В Глазовском уезде во время трудных родов, если молитва, обращенная ко всем богам поперемянно, не приносит желаемых результатов, повивальная бабка, обыкновенно, начинает молиться умершим родственникам роженицы и ея мужа, обещая им принести жертву. Согласно существующему также здесь обычаю, если дедушка и бабушка у новорожденного младенца умерли, то в первую же неделю его жизни обязательным считается совершить в честь их поминовение. Такие же поминки справляются и во время болезни младенца, которую ворожен объясняет обычно тем, что дедушка и бабушка желают ребенка взять. Если младенец рождается мертвым, то мать нередко обращается с молитвой к умершим, прося их дать душу ребенку. В Елабужском уезде такую молитву произносит иногда брат роженицы, позванивая при этом сковородой в дымоходном отверстии над очагом.

За благословением к умершим вотяки обращаются перед отправлением в дорогу. Уезжая в гости, поминают своих умерших родственников, а по возвращении из гостей — родственников того, у кого были в гостях. Вотяки Сарапульского уезда, отправляясь на свадьбу, бросают у полевых ворот несколько кусков хлеба для умерших, чтобы последние не наслали на них болезнь в дороге. В том случае, если на дороге случится какое-нибудь несчастье, например, захворает сам путник или его лошадь или наконец просто сломается колесо, причем имеются какие-нибудь основания виновником беды считать умерших, — тотчас же на месте происшествия приносится жертва из путевых запасов. У

восточных вотяков весьма распространено так называемое моление на улице „урам вось“ совершаемое осенью, когда устанавливается зимняя дорога. По средине улицы в деревне раскладывается костер, около которого режут жертвенное животное—жеребца. Съев мясо, кости уносят в лес куян. Чужие на это жертвоприношение не приглашаются, и самая жертва приносится исключительно на средства деревни. С описанным имеет сходство моление, называемое „сьӧр сюрес“, которое совершается у тех же восточных вотяков через каждые 6 лет. При этом в жертву приносится черный бык, который закалается однако не на улице и не на дороге, а в особом назначенном для этого месте. При жертвоприношении вотяки обращаются с молитвой к болезнетворным духам той местности, из которой они переселились, и просят их не ходить туда, где они живут.

Наконец, заслуживает упоминания еще один обряд, свидетельствующий о том, какими различными способами по представлению вотяков умершие могут иногда в самых незначительных обстоятельствах оказывать влияние на дела живых. Это обряд поминовения умерших, справляемый тогда, когда не удается кумышка. В Сарапульском уезде, в таких случаях в жертву умершим приносится черная курица.

Вышеупомянутые обычаи достаточно красноречиво говорят о том, какое важное значение в миросозерцании вотяков имеет предкопочитание. К этому необходимо прибавить, что умершие отцы и деды являются не только учредителями существующих религиозных обычаев, но и их охранителями. По словам вотяков Казанской губернии, если живые люди не станут сохранять обычев старой веры, то предки накажут их неурожаем. Такой взгляд у вотяков, кажется, существует везде. По силе влияния боги природы в этом отношении не могут соперничать с умершими предками. Только бог неба Инмар вероятно под влиянием соседних культур, занял в последнее время исключительное положение наравне с умершими.

Весьма важную роль имеет предкопочитание и в общественной жизни вотяков. Доказательством этому может служить вотский культ куалы.

Культ куалы.

Семейная куала. В безконечной массе умерших, память о которых и имена совершенно изглаживаются в сознании живых людей, существуют однако такие, которые и до настоящего времени в общественной жизни вотяков продолжают играть роль и потому дольше, чем все другие, сохраняют о себе память в потомстве. К таковым принадлежат предки семьи, почитаемые в качестве духов покровителей рода, охраняющих счастие семьи. Для них назначается во дворе особое священное здание, название которого „куала" или „куа" финноугорского происхождения и тожественно финским „кота", мордовским „кудо", черемисским „куды".

Куала это бревенчатое четырехугольное строение на подобие сарая без фундамента, окон и потолка; пол в нем заменяет плотно утоптанная земля; на средине устраивается место для очага, обложенное камнями. Над очагом большой котел, утверждающийся на камнях или висящий на цепи прикрепленной к положенным вверху под кровлей балкам. Дым от огня, поднимаясь кверху, выходит через отверстие в кровле. Низкая дверь обыкновенно устраивается в боковой стороне.

В настоящее время вотяки пользуются куалой, как местом для хранения домашней утвари, в старину же, когда им приходилось вести менее оседлый, а более подвижной образ жизни, при менее развитой, чем в настоящее время, системе домашнего хозяйства,—простая куала служила и жилищем для вотяков.

Как бы в память о тех старинных временах, повесть о которых можно слышать в вотских преданиях, в некоторых местностях и теперь существует обычай пользоваться куалой не только в качестве складочного места, но и в качестве помещения для приготовления и вкушения пищи особенно в жаркое время года. В последнем случае обстановка куалы напоминает

собою жилое помещение: вдоль ея стен идут широкие лавки, в обоих углах по ту и другую сторону двери стоят столы, за которыми семья обедает. У стены иногда можно видеть шкаф для хранения посуды. Но самою важною достопримечательностью этого старинного жилища вотяков служит почерневшая от ветхости полочка в заднем углу здания. На этой полочке и до наших дней еще можно встретить коробку с крышкой, сделанную из липовой коры. Эта простая коробка, величина которой в разных местностях не одинакова, является самым священным предметом в куале, так как с нею связаны не только надежды и чаяния предков и религиозныя верования их потомков, но, что всего важнее, вблизи ея живые могут входить в общение с умершими предками своего рода. В качестве святыни куала сохранила свое значение и до настоящего времени, несмотря на то, что с переходом от кочевого образа жизни к оседлому вотяк стал строить себе более подходящее жилище, чем куала, — избу.

Сходство в культе куалы с культом почитания умерших обнаруживается в том, что жертвы в куале могут приноситься только лицами, принадлежащими к одному определенному роду. Никто из посторонних не может принимать в них участия. Ригоризм вотяков в этом отношении доходит до того, что даже приемные дети во время жертвоприношений должны бывают молиться в своей родовой куале, хотя бы последняя и находилась в другой деревне. Это обстоятельство достаточно ясно говорит о том, какое важное значение в общественной жизни вотяков играет культ куалы. Этот культ неразрывно связывает между собою лиц одного и того же рода и не только живых, но вместе с живыми и умерших, объединяя настоящее с давно минувшим прошлым. Каждый вотяк, переселившийся на чужбину, обязан помнить о своем происхождении, это, впрочем, и не представляет большого труда, так как все вотские роды имеют свои имена. Слова, употребляемые в качестве этих имен, в настоящее время утратили уже свое значение,

как например: Можга, Какся, Кулья, Турья и пр; вновь такие названия в наше время тоже едва ли могут появляться. Тем не менее, благодаря этим именам, кровные родственники могут узнавать себя на чужбине, и такая возможность представляется тем более естественной, что согласно установившемуся взгляду среди вотяков, считается преступлением вступать в брачные связи лицам одного и того же рода, так что, например, вотяк из рода Можги, проживающий в Бирском уезде, не может взять себе жены из того же рода вотяков, проживающих хотя бы даже в Уфимской и Вятской губернии.

О происхождении вотских родовых имен существуют разные предположения. Высказывалось мнение, что это женские имена, ведущие свое начало от времен матриархата, когда женщина давала имя целому роду. Но вернее будет и проще видеть в них названия родовых групп, в состав которых входит несколько деревень, происшедших от одного и того же рода. Каждая вотская деревня обычно носит название того рода, который в ней живет. Деревня, вновь образующаяся, называется именем той деревни, от которой она отделилась. Если во вновь образующейся деревне поселяется несколько родов, то деревня получает имя наиболее древнего из них. Что действительно у вотиков есть склонность жить обществом, составляя как бы одну семью, об этом свидетельствуют следующие примеры: в деревне Норья еще не так давно 16 домохозяев, живя отдельно, имели одну общую кухню. В другой деревне 20 домохозяев, подчинялись одному старшему в своем роде.

Намек на матриархат усматривают в существующем у вотиков обычае замужних женщин называть родовыми именами, а не именами, данными при рождении. Этот обычай однако едва ли может говорить о том, что некогда вотяки вели свои родословные от матерей, а не от отцов; потому что, не смотря на существование такого обычая, родовое имя как мальчикам, так и девочкам передается в наследство обыкновенно от отца. Вернее будет и проще указанный

обычай объяснять тем, что вотяки, беря в замужество жен из других родов обыкновенно посредством похищения или умыкания, называли их родовыми именами для того, чтобы отметить их непринадлежность к тому роду, в супружескую связь с которым они теперь вступали. И для этого имелись серьёзные основания, так как известно, что женщина не могла считаться женою того мужчины, который принадлежал к одному с нею роду. Она должна была иметь своих предков и свою куалу, в которую обязана была ходить молиться в случае болезни или другого какого-либо несчастья.

Кроме родового имени, вотскую семью объединяет также родовая тамга, которою вотяки так же, как и другие народности, бывшие в своем недавнем прошлом кочевыми, отмечают свою собственность. Обыкновенно тамга имеет грубое подобие кольца, крестика, куриной лапки, топора и пр. От отца тамга переходит в наследство его старшему сыну, поселяющемуся в его доме. Младшие сыновья, отделяясь от родной семьи, приготовляют себе новые тамги, которые отличаются от отцовской обыкновенно только небольшими видоизменениями или дополнениями. Впрочем, изготовляя новую тамгу, вотяк никогда не забывает старой отцовской, которая служит одновременно и тамгой куалы—молельни, находящейся в отцовском дворе. Таким образом, переходя от отца к сыну, тамга может иногда представлять из себя родовой знак, восходящий к глубокой древности. По ней кровные родственники также могут узнавать друг друга на чужбине.

Вместе с куалой, тамгой и вообще всем хозяйством старший сын в наследство от отца может получить и звание хранителя куалы, на обязанности которого лежит приношение жертв в куале—молельне. В том случае, когда в семье нет сыновей, звание хранителя куалы после смерти отца переходит к его брату или другому родственнику мужского пола.

Родовая куала. Кроме семейной куалы—молельни, в которой молится только одна семья и которою нередко пользуются в качестве кухни или складочного места для хозяйственных при-

надлежностей, у вотяков существует еще так называемая родовая куала, хранителем которой должно быть лицо, по возможности ведущее свое происхождение по прямой линии от родоначальника. В отличие от этой куалы, семейная куала называется „малой куалой „покчи куала“ В каждой деревне бывает по нескольку малых куал—молелен; количество их однако не равняется числу домохозяев. Происходит это оттого, что не всякий вотяк, отделившийся от отца, тотчас же обзаводится своей куалой—молельней. Первое время он ходит обыкновенно молиться к своему отцу, если же и у этого нет еще куалы,—к дедушке. В данном случае мы видим еще одно указание на то, что вотская семья в прежнее время состояла из большего, чем теперь, количества домохозяев, которые все вероятно жили на одном дворе, подчиняясь одному лицу, старшему в роде.

Родовая куала бывает только одна в деревне, если жители последней принадлежат к одному роду, как это в большинстве случаев наблюдается у вотяков. В тех же случаях, когда в состав деревни входит несколько родов, что бывает обыкновенно в деревнях новых, то и число родовых куал равно количеству родов: 3; 4; 5 и более. Каждая куала называется именем того рода, который в ней молится: Можга куала, Уча куала и пр. От имени куалы и богомольцы ея называются: Можга ниёс, Уча ниёс и так далее. Таким образом, по числу куал можно узнать, сколько родов проживает в деревне. Деревни, состоящие из нескольких родов, большею частью встречаются у восточных вотяков, как поселившихся сравнительно не давно на своих настоящих местах жительства. Родовая куала в отличие от малой называется большой „будзым куала“ и, как святыня, принадлежащая всей деревне, также—деревенской „гурт—куа“; помещается она обыкновенно на одворице, принадлежащей ея хранителю или в маленькой специально для этого огороженной рощице в самой деревне или на ея краю. Такие куалы в Глазовском уезде строятся на берегу речек на возвышенном месте или где нибудь под деревом; в последнем случае они

делаются без крыши. В старину родовые куалы помещались иногда в лесах близь деревни. Как святыня всей деревни, родовая куала имеет особенно священное значение, так что в нее иногда даже не допускаются женщины. Мало по малу она превратилась у вотяков в своего рода деревенский храм.

Наиболее характерными признаками древнего вида куалы следует признать: четырехугольную форму здания, устройство двери в боковой стене и отсутствие определенных требований относительно выбора стороны, в которую должна быть обращена дверь: впрочем если такия требования существовали в глубокой древности, то можно предполагать, что выходная дверь устраивалась на юг. Намеки на это обстоятельство находим в древней литературе: где говорится, что двери в куале обращены в солнечную сторону. В Елабужском уезде при постройке здания обращают даже внимание на то, чтобы по близости его находилась река или ручей, текущие к югу. В южных местностях на форме куалы сказалось влияние мухаммеданской мечети: форма здания приобрела продолговатый вид, двери были перенесены на сторону фронтона, гребень кровли стал устраиваться значительно выше, все здание куалы сравнительно с прежним заметно расширилось. Местами к заднему фронтону куалы стали делать пристройку „куала берка". В таких задних пристройках куал у вотяков Малмыжского уезда хранятся пепел и кости жертвенных животных. В Казанской губернии куала устраивается так, что внутри ея проходит стена, разделяющая помещение на две части: заднюю и переднюю. В заднюю часть может входить один только жрец, остальные же священно-служители на это не имеют права. В этой части здания на полу лежит куча соломы и разные отбросы, как то: внутренности принесенных в жертву птиц, их перья и кости.

Чтобы составить себе ясное представление о вотской куале и ея внутренней обстановке, прилагаем при сем план образцовой куалы, имеющейся в деревне Старая Юмья Мамадыш

ского уезда. Здание помещается в стороне от деревни за небольшою изгородью недалеко от дома хранителя куалы. В него ведет маленькая створчатая дверь, вырубленная в стене фронтона, обращенной к северо-востоку. При входе в куалу в правом углу от двери, (а) стоит лавка, сделанная из бревен на подобие стола (г), сюда участники моления в день праздника полагают свои приношения; часть последних полагается также на стол (б), стоящий у левой от входа стены, вдоль которой тянется широкая сосновая скамья. Вверху параллельно с гребнем кровли положены две слеги-балки, от которых спускается книзу цепь с прикрепленным к ея нижнему концу котлом. У стены противоположной входу на высоте человеческого роста сделанная из двух досок полка тянется от одного угла до другого.

На этой полке по ту и другую сторону слег балок, тянущихся вверху под крышей вдоль куалы, стоят две посудины из берестовой коры (д); в одну из них при жертвоприношении льют кумышку, в другую пиво. Рядом с ними на зеленые ветви, покрытые белым холстом полагают жертвенные хлебцы по одному от каждой семьи, принимающей участие в жертвоприношении. Берестовая посуда, стоящая на полке, считается самой священной принадлежностью куалы. Никто из посторонних не имеет права касаться ея. Кроме этой посуды, необходимой утварью при жертвоприношении является берестовый короб (в), стоящий в заднем конце лавки, идущей вдоль левой стены; в нем хранятся

жертвуемые деньги „люгезь“ и затем еще другой короб (é), сделанный из липовой коры больших размеров сравнительно с первым, стоящий на земле в заднем правом углу от входа: в него складывают птичьи перья, не сжигаемые обыкновенно вместе с другими остатками жертв. Насколько священной в представлении вотяков является вся утварь куалы, об этом может говорить уже то обстоятельство, что даже те прутья и пихтовые веники, которыми вотяки раз в год пред Пасхой сметают пыль со стен куалы, хранятся в заднем правом углу здания (ж), и другого употребления иметь не могут. Хранятся точно также в куале и полотенца, употребляемые при жертвоприношении. Они висят над жертвенным столом у стены, и некоторые из них превратились от ветхости совсем в лохмотья. Раз в год их моют в помещении куалы, а те из них, которые пришли уже в полную негодность, сожигаются на костре.

Главные святыни куалы. Хотя родовая куала вотяков в течение веков и подвергалась посторонним влияниям, главнейшие принадлежности ея однако до наших времен остались неизменными. К таковым принадлежат: очаг посреди пола и священная полка у задней стены здания, признаваемая святынею, ведущею свое начало от предков. Даже в тех куалах, в которых со временем стала устраиваться у задней стены пристройка, помянутые предметы продолжают оставаться на прежнем месте.

Как в семейной, так и родовой куале священная полка у стены противоположной входу „джажы“ обыкновенно делается в левом ея углу, но может быть и в правом. Иногда она помещается даже в средине стены, утверждаясь на особом столбике. В последнем случае самая доска ея называется „выла мычон пуд“. Устраиваемая в углу полка имеет форму трехугольной дощечки. Во время праздников на нее кладут жертвенные приношения, в обычное время она пуста, если только не хранится на ней необходимая при жервоприношении утварь, к числу которой относятся: стакан „выла

мычон сюмык" для жертвенных напитков и тарелка „в... мычон тусьты" для жертвенной пищи. В Глазовском уе... в старое время под полкой ставился шкаф, в котором хр... нились разные предметы, необходимые при жертвоприноше... нии, а также кости и кожа жертвенного животного. По... у задней стены куалы имеет священное значение в глаз... вотяков не только как помещение, куда складываются же... твенныя приношения, но главным образом как местопре... вание домового духа, покровителя семейного счастия „ну... вордись", или „воршуд".

В прежнее время, а местами даже и теперь, на же... твенной полке хранится сделанный из липовой коры во... шудный короб с крышкой. Величина и вид его в раз... местностях не одинаковы. Чаще всего он имеет круглу... но иногда также и четырех-угольную продолговатую форму.

Воршудный короб не всякий может быть сделан; его при... товляет жрец „курыськись". В назначенный день в семейную куалу вотяка приходят несколько стариков, числом по край... ней мере до трех. К этому времени еще накануне хозяином приготовлены бывают необходимые предметы и материа... Старики приступают к своей работе, читая вслух молитвы, и не выходят из куалы до тех пор, пока не кончат дела. В такой же обстановке происходит и починка обветшавшего воршуда.

В настоящее время воршудный короб, как в семейной, так и общественной куале, бывает обыкновенно пуст. Но всегда ли он был таков? Почему не только женщины не могут подходить к нему, но и мужчины чужого рода? Почему даже и мужчины своего рода испытывают пред ним суеверный страх? Вот вопросы, которые невольно напрашиваются у всякого. Многим из числа старинных писателей о вотяках, случалось видать в воршудном коробе разные мелкие вещи: железные и медные монетки, птичьи кости и перья, беличьи шкурки, овечью шерсть и т. п. Эти ничтожные вещи конечно могли быть скорее жертвенными прибаше-

ниями, чем предметами религиозного почитания, и едва ли способны были сами по себе особенно сильно влиять на воображение вотяков. Но в таком случае, спрашивается, чем же объяснить тот суеверный ужас, какой воршуд вызывает к себе в своих почитателях. Предположительный ответ на этот вопрос мы можем дать, сравнив вотскую куалу с вогульскими и остяцкими лачугами—молельнями. В задней части этих лачуг, подобно вотскому воршудному коробу, хранится особый Божий сундук. Но этот сундук у них не пустой, а в нем имеется изображение домового духа. По аналогии с этим мы можем заключать, что и у вотяков, когда они стояли на той же ступени культурного развития, что и их помянутые сородичи, воршудный короб служил местопребыванием домового духа в виде какого-нибудь идола. Правда в наше время никаких изображений божества у вотяков не существует. Не существовало их по свидетельству старинных писателей и в более отдаленные от нас времена. На основании преданий однако можно притти к другому заключению. В народе и до сих пор сохранилась еще память о существовании некогда изображений домового духа в воршудном коробе. Данные истории также не противоречат этому преданию. В одном историческом документе от 1830 г., касающемся вотяков Елабужского уезда, говорится, что крещеные вотяки в своей куале молились на коленях пред деревянным болванчиком. Такого же рода сведения имеются и в документах Вятской духовной консистории от первой половины 18-го столетия. В них по словам приходских священников в воршудном коробе вотяков имелись изображения языческих богов даже в сравнительно близкие к нам времена. Эти изображения делались из дерева, глины и меди. У них были рога на голове и металлические письмена на груди. Такой идол был, например, в деревне Уинской. В деревне Ponнинской один старик, по его словам, сам держал в руках такого идола из глины; у него были голова, нос и рот. Во время моления вотяки вынимали его из воршудного короба, кланялись ему и целовали

его. Известно также, что один миссионер в Глазовском уезде отдял у вотяков серебряного идола, весившего около 4 фунтов. Каков был его вид, никаких подробностей по этот счет не сохранилось. Сюмсинский священник от 1838 г. сообщает, что у вотяков имеются металлические предметы, напоминающие своею фигурой изображения животных; они называются дендорами. По другим сведениям дендоры это маленькие серебряные или оловянные монетки, хранящиеся в воршудном коробе. У Сарапульских и Малмыжских вотяков этим именем называются серебряные или оловянные монетки на шее и ручных браслетах вотячек. Что у вотяков действительно существовали некогда изображения, напоминающие своей фигурой животных, об этом говорит также этнограф Кузнецов, который в 1881 г. в куале деревни Мултана нашел изображение деревянного гуся с железным клювом. Изображение это однако находилось не в воршудном коробе, в котором были только разные мелкие предметы: кости, перья, шерсть и пр., а прикреплено было к стене и повидимому являлось скорее жертвенным даром, чем изображением божества.

По выше приведенным сведениям мы не в состоянии однако составить себе ясного представления о вотских изображениях домового духа. Если предположить, что воршудный короб сравнительно с прошлым не потерпел существенных изменений, то, судя по его настоящему объему около: 110 сантиметров в диаметре и 30 с. в вышине, хранившиеся в нем священные изображения не должны были иметь больших размеров. Вероятно это были грубо сделанные и одетые в лоскутки деревянные куколки „мынё", подобные тем, какие делаются вотяками во время болезни для того, чтобы перегнать в них из себя хворь. Такие же изображения богов очевидно существовали и у зырян. В житии св. Стефана Пермского говорится, что они имели подобие образа человеческого, с носом, ртом, ноздрями и даже ногами. Св. Стефан мог их рубить топором и жечь в огне, так как они

деланы были из дерева. Этих божков у зырян было множество как в деревнях их, так и в домах.

На священную полку под воршудный короб вотяки всякий раз, как намерены молиться, кладут свежие зеленые ветки. Осенью, ранней весной и вообще в такое время года, когда листьев не бывает, употребляются для этой цели ветки пихты, а летом—ветки березы. В некоторых местностях существует обычай приносить на Пасхе в куалу вербу. Такой обычай очевидно русского происхождения, так как согласно установившемуся обыкновению ветки при жертвоприношении должны быть зелеными. Употребление таких ветвей ведет свое начало повидимому от глубокой древности. Так, по имеющимся сведениям от первых миссионеров лапландцев, последние при жертвоприношениях имели обыкновение подкладывать под свои священные изображения березовые ветки летом и еловыя зимой.

Обычай украшать священные полки зеленью сохранился у вотяков даже в таких местностях, где не только не существует каких либо изображений, но и самый воршудный короб уже вышел из употребления. Так, например, у восточных вотяков, в куалах которых вместо воршуда стоят только маленькие коробочки с маслом, медом или солью, священная полка всегда бывает украшена ветками, иногда зелеными, иногда совершенно засохшими в зависимости оттого, сколько прошло времени от бывшего в последний раз моления. В некоторых местностях этим веткам, имевшим в старину при существовании божеских изображений второстепенное значение, воздается теперь такое суеверное почитание, каким могли пользоваться разве только самые изображения. Никто не может прикасаться к ним, кроме жреца, хранителя куалы, на обязанности которого лежит менять ветки каждый праздник, сжигая старые и полагая вместо них новые. Но и в тех местностях, где воршудный короб сохранился еще до наших дней, зеленые ветви приобрели такое священное значение, что вместо прежнего своего места, под

воршудным коробом, стали полагаться в самый короб. Такой обычай имеется, например, у вотяков Казанской губернии. Как можно видеть из вышеизложенного, почитание ветвей должно быть признано явлением позднейшего времени, свидетельствующим о происшедших изменениях в первоначальных взглядах и понятиях вотяков в области их религиозного миросозерцания.

Таким образом, центральное значение в культе куалы имеет священная полка с находящимся на ней воршудом и зелеными ветвями. Здесь находит себе объяснение обычай во время молений обращаться лицами к этим именно святыням. Впрочем и на этом старинном обычае местами сказалось влияние культур соседственных народностей. Так, у южных вотяков вошло в обыкновение по примеру мухаммедан молиться с лицами обращенными к югу, так что если стена, противоположная входу в куалу выходит на север, то лица жрецов при молении могут и не быть обращены в сторону священной полки. Чтобы избежать такой непоследовательности, вотяки иногда, не обращая особенного внимания на внутреннее расположение куалы, переносят священную полку в южный угол, так что в некоторых местностях, правда очень редко, она бывает даже около дверей.

Освящение куалы Выше было сказано, что не всякая куала во дворе вотяка может быть употребляема в качестве молельни. Такое назначение она получает только с момента ея освящения, каковое обычно происходит летом, в Казанской губернии около Казанской. Оно совершается в следующей обстановке. Задумав приобрести себе воршуд, в назначенный заблаговременно день вотяк зовет к себе в гости несколько человек, обыкновенно двух мужчин и двух женщин, а также одного гусляра или гуслярку. Вместе с прибывшими гостями молодой хозяин и хозяйка идут в дом главного представителя своего рода, исполняющего обычно в то же время и обязанности хранителя куалы.

В доме хранителя куалы и должно быть положено начало празднованию. Хранитель куалы в свою очередь приглашает к себе какого-нибудь вотяка соседа с женой. Последние должны бывают принять на себя труд выступать в качестве хозяев на предстоящем празднестве и получают особое название „тыр пукысь", причем муж угощает обыкновенно мужчин, а жена женщин. Употчивав в достаточной мере гостей, „тыр пукысь" и жена его начинают петь свадебные песни. К пению их присоединяются и остальные присутствующие. Окончив петь песни, участники празднества на время расходятся по соседям в гости. По возвращении их снова в дом хранителя куалы, последний начинает варить кашу. Между тем молодой хозяин вотяк, задумавший приобрести себе воршуд, идет в родовую куалу и берет золы с ея очага, произнося при этом слова: „меньшего беру, большого оставляю". Завернув золу в белый чистый холст и положив ее на священную полку, он снова возвращается к гостям и ест вместе с ними кашу. Поевши, он затем снова идет в куалу, берет с полки золу и в сопровождении прочих гостей отправляется к себе домой.

Участники процессии поют и играют свадебные песни, а сам молодой хозяин с монеткой во рту, идя по улице, пляшет под звуки гуслей до самого своего дома. Принеся таким образом золу в свою куалу, он кладет ее здесь на священную полку, говоря: „хозяин твой принес тебя сюда с почетными церемониями, не сердись же! Когда мы будем молиться тебе, принимай наши молитвы, с пониманием ли будут они или без понимания". После этого гости не долго расходятся, а затем снова возвращаются и продолжают праздновать в доме молодого хозяина до полуночи. Последний варит для них кашу. Поев ея, гости благодарят хозяина, вставая при этом на колени, затем начинают петь песни, хотя на этот раз уже не свадебные. Песни поют до самого конца, пока не разойдутся по домам.

В Сарапульском уезде освящение куалы устраивается

около Петрова дня. Обряды, выполняемые при этом, несколько отличаются от вышеописанных. Женатый сын, выделяющийся от отца и желающий завестись своим хозяйством, строит себе также и куалу, при этом считает своею священною обязанностию в качестве благословения прадедов принести в нее и воршуд. Для этого он устраивает празднество. В качестве распорядителей на нем „тӧре“ он приглашает обыкновенно своего крестного отца с его женой, и если таковых нет, то кого-нибудь из своих ближайших родственников или соседей. Распрядителю „тэре„ молодой хозяин дает хлеб, яичные блины, а жене его бутылку кумышки и пива. После этого все вместе идут в дом, из которого выделился молодой хозяин, т. е. в дом его отца.

В этом доме на праздник также бывает приглашен кто нибудь из родственников в качестве распорядителя угощения „тӧре“. Этот последний вместе с женою своею прежде всех отправляются в куалу—молельню и садятся здесь за стол. Вскоре туда же является хранитель куалы, отец с своею женою; в руках его бывает хлеб и блины, а в руках жены его вино домашнего изготовления. Вслед за ними приходят в куалу выделившийся от отца сын, молодой хозяин, и его „тӧре“, тот и другой с женами. Мужчины встают впереди, а женщины позади. При входе в куалу кланяются сидящему за столом „тӧре“, который играет в данном случае роль как бы свидетеля или посредника между воршудом и его хозяином. Хранитель куалы отец дает вновь пришедшему „тӧре“ хлеб и блины, после чего этот „тӧре“, обращаясь к воршуду, произносит следующие слова: „Остэ воршуд! пойдем вместе с нами на новое место. Не сердитесь, старики, покойники!“ После этого, положив хлеб на стол, он берет другой хлеб из рук сидящего за столом „тӧре“ и с такими же словами снова обращается к воршуду. По окончании обряда он передает хлеб отца сыну, а хлеб сына отцу. Получив хлеб, молодой хозяин с благоговением отстругивает ножом щепочку от деревянной балки, на

которой висит котел, берет золы из отцовского очага и вместе со всем этим идет к себе домой в свою новую куалу.

У Уржумских вотяков новый домохозяин, унося ворщуд к себе домой, не должен ступать голыми ногами на землю, почему во время всей процессии с перенесением под ноги ему постилаются доски.

Некоторые подробности описанной церемонии напоминают собою свадьбу. Самые песни, употребляемые при этом, взяты из свадебного обряда. Так же, как и на свадьбе, делаются при этом и подарки: хозяин новой куалы дает хозяину старой белую рубашку, жене его и девушке, играющей на гуслях, по фартуку, прочим женщинам грудные украшения, мужчинам штаны. К вышеописанным обрядам в Мамадышском уезде присоединяется еще одна подробность увеличивающая сходство данного обряда со свадьбой, а именно, в новый дом ворщуд увозят, как невесту, на паре лошадей с колокольчиком, при чем все женщины бывают одеты в свадебный наряд „будзым дись". Сами вотяки перенесение ворщуда считают свадебным торжеством, что видно из вотского названия его „мудор сюан".

Наиболее важным моментом в описанном обряде является перенесение золы из старого очага в новый, так как по мнению вотяков вместе с золой переходит и ворщудный дух, покровитель семейного счастия. Отсюда повидимому можно было бы заключать, что очаг и место около него являются местопребыванием домового духа. Так, в Сарапульском уезде новый домохозяин вместе с золой уносит и стружку от балки, поддерживающей котел. В некоторых местностях Казанской губернии вместе с золой домохозяин берет еще три камешка от старого очага. На основании подобных обычаев некоторые этнографы делают заключение, что очаг и балка, поддерживающая котел, являются самым священным местом; в куале через очаг и вообще через место под балками, по верованию вотяков нельзя переступать. Осмелившийся допустить такой поступок совершил бы

преступление, так как этим самым он оскорбил бы местопребывание ворщуда. Без нужды не полагается также и сдвигать с места балку, поддерживающую котел, так как вследствие этого может произойти какое-нибудь несчастие в семье. Грехом считается даже прикосновение к ней нечистыми руками. Балка, поддерживающая котел, и крюк, на котором он висит, имеют еще ту особенность, что в случае нужды, хватаясь за них руками, можно избежать губительного влияния врагов; будучи вынесены во двор, они могут остановить град; могут также защитить человека от дурного глаза. Отправляясь в гости, вотяк берется за них руками, произнося следующую молитву: „Благослови, ворщуд; мы уезжаем на запряженных лошадях, одетые, как следует. Не допусти нас до встречи с дурным человеком, а направь нас к хорошему прямо за его щедрый стол".

Как бы ни казалось правдоподобным мнение, что самыми священными предметами в куале является очаг и все, что поблизости его, это мнение стоит в прямой противоположности с более древним взглядом вотяков, согласно которому величайшая святыня куалы, это полка и ворщуд. Поэтому в почитании очага вернее будет видеть результат позднейшего влияния соседственных культур. Уже самый обряд перенесения пепла из старой куалы в новую напоминает существующее у русских обыкновение при переходе в новый дом уносить вместе с собой из старого очага горсть пепла.

Подобный же обычай существовал и у других индоевропейских народов.

Мудор. Обряд перенесения ворщуда, известный у Казанских вотяков под именем свадьбы мудора, в некоторых зотских местностях называется еще „принятием мудора". Что означает название „мудор", мнения об этом существуют различные. Некоторые этнографы говорят, что словом мудор вотяки называют священную полку в куале. По словам других это не что иное, как пихтовые ветки, пользующиеся божеским почитанием; ветки эти берутся от одного

определенного дерева, называемого также мудором. По словам третьих мудором называют вотяки священный короб, в котором обитает существо, называемое вотяками мудором или воршудом. По словам четвертых мудором называют также икону, стоящую на полке. В Казанской губернии сама молитвенная куала в отличие от обыкновенной называется „мудор куала", а хранитель ея „мудор утись". Первоначальное значение слова лучше всего однако выясняется из существующего в некорых местностях обыкновения именем мудор называть ту золу, которая берется с очага старой куалы, так что самое слово мудор буквально означает земную почву и в звуковом отношении тожественно с финским словом „maaper", твердая земля, контингент.

Вышеописанный обряд „свадьбы мудора" представляет вероятно остаток древнего обычая: молодой хозяин, начинающий жить своим домом, при разделе получал от отца и свою долю священных кумиров, изображавших собою духов, покровителей семейного счастья. Известно, что эти кумиры у всех первобытных народов, как и прочая другая собственность, переходили в наследство от отца к сыну. Если вотяки в настоящее время ничего не знают о таком обычае, то это объясняется тем, что изображения богов у них давно уже вышли из употребления. Впрочем, некоторые намеки на существование некогда такого обычая и теперь имеются. Так, в Уржумском уезде сын при разделе от отца между прочим берет с собою также и часть содержимого в воршудном коробе. В Сарапульском уезде священный короб для новой куалы должен быть сделан в помещении старой куалы, в ней же он и хранится некоторое время до своего перенесения на новое место. Знаменательна также и фраза, произносимая вотяками при перенесении воршуда: „меньшого беру, а большого оставляю". В Казанской губернии получение воршуда для сына, уходящего в раздел от отца, является делом огромной важности. Если отец почему либо гневается на сына и не дает ему вор-

луда, то сын должен его украсть, если при этом он скажет: „большого беру, а меньшого оставляю", то этим самым он присвоит себе старшого воршуда и таким образом займет положение выше своего отца. После этого, если кто-нибудь из его младших братьев пожелает иметь своего воршуда, то с просьбою должен обращаться уже к нему, а не к отцу.

Обряды, связанные с упразднением или перенесением куалы.

После свадьбы мудора куала становится местом священным, в нее поселяется воршуд, и с этого времени в ней устраиваются моления. Эти моления являются священной обязанностью не только современного, но и будущего поколения и ни в каком случае не могут быть отсрочиваемы или совсем отменяемы. Кто позволит себе это допустить, того ожидает какое-нибудь несчастие. С суеверным страхом разсказывают вотяки о многих случаях, когда лица, позволившие себе манкировать этой священной обязанностью, или совсем разорились или сошли с ума. Если куала по той или иной причине, напр. по случаю смены ея хранителя должна быть перенесена на другое место, то ее разбирают по бревнам и на новом месте стены ея кладут в том самом направлении, в каком они были прежде. В Глазовском уезде, когда нужно бывает перенести большую куалу, здание ея сожигается, а угли и зола собираются в чистую посуду и уносятся в лес на то место, где предполагают построить новую куалу. Угли складываются в углубление для столбов, сделанное в земле, а зола разбрасывается по земляному полу куалы, после того как он бывает предварительно утоптан и выглажен на подобие ладони на гумне. Кроме смены хранителя куалы, последняя может быть переносима со старого места на новое и по другим причинам. В преданиях разсказывается об одном случае, когда во время заклания жертвенного быка, последнему удалось вырваться из рук резаков и бежать; жрецы прекратили по этому поводу моление и бросились в погоню за

жертвенным животным. Место, где быка наконец поймали, было признано угодным богу, и самое здание большой куалы было перенесено сюда. По представлению Сарапульских вотяков бегство быка является признаком негодности богу места жертвоприношения.

Здание куалы может быть продаваемо и жертвуемо, священный же короб вместе с камнями очага подлежит уничтожению, в противном случае в наказание может быть ниспослано какое-нибудь несчастие. Если по той или иной причине вотяк должен бывает нарушить куалу, то на месте ея он ставит маленький столбик, кругом его складывает все камни куалы, а на верх полагает воршудный короб. В случае несоблюдения таких условий воршуд может счесть себя обиженным. Один старик нарушил свою куалу и построил на месте ея амбар, но при этом мудор и камни он сложил под полом амбара. Однажды какие то молодые люди пришли сюда спать. Ночью услыхали они из-под полу стоны как бы больного человека. На следующую ночь повторилось то же самое. Наконец пришел в амбар спать сам хозяин. Он тоже услыхал стоны и догадался, что это стонет мудор. Тогда же он дал обещание перенести камни и короб в новую куалу и, когда это обещание он исполнил, стоны в амбаре прекратились.

Малая куала в д. Старая Юмья, Мамадышского уезда, Казанской губернии. а) и б) воршудные коробы, в) жертвенный стол, г) очаг.

При разрушении здания куалы, хозяин ея иногда переносит свой воршуд в куалу к своему соседу для хра-

ления на время, пока не заведется своей собственной куалы. Т. обр. в одной куале временно может находиться иногда по нескольку ворцудов.

Ворцуд. Так как слово ворцуд в вотских молитвах обычно употребляется в единственном числе, то повидимому можно было бы заключать, что каждая куала имеет только одного духа покровителя. В древности однако дело обстояло иначе. Уже тот факт, что предки семьи являются покровителями семейного счастия свидетельствует о существовании в фетишистических жилищах по нескольку домовых духов различной силы и достоинства. Следы подобного политеизма в семейном культе заметны и у вотяков. К числу их может быть отнесено уже то обстоятельство, что ворцуд может быть поделен между потомками. В одной из существующих в записи вотских молитв имя ворцуда употреблено во множественном числе. О существовании нескольких ворцудных духов в одной куале свидетельствует и следующий рассказ, записанный в Сарапульском уезде. Один вотяк оставил язычество, но куалы своей не нарушил. Через несколько времени ворцуды начали его безпокоить. Ложась спать, он стал чувствовать тяжесть в груди, как бы от наложенных на нее камней. Тогда он перешел спать в амбар, но ворцуды и там его не оставили в покое. Наконец вотяк решил их застрелить. Однажды ночью взял он ружье и стал на стражу. В полночь из куалы вышли три человека: один молодой без бороды, другой тоже молодой, но с бородой, и третий женщина. Вотяк выстрелил в них, и они исчезли. После этого ворцуды больше уже не являлись и перешли в другую куалу, но в наказание наслали на вотяка болезнь, от которой он уже до конца своей жизни не мог выздороветь.

В приведенном рассказе можно видеть также указание на антропоморфное происхождение ворцуда. Духи покровители дома вообще представляются вотяками существами человекообразными. Существует верование, что ворцуд

когда требует себе жертвы, то является во сне в образе русского. Может быть и здесь, даже в культе куалы, мы имеем дело с русским влиянием. Уржумские вотяки утверждают, что ворщуд заимствован ими от русских, когда последние были еще язычниками. Решившись оставить язычество, русские бросили будто бы короб с ворщудом в реку вотяки подобрали его и стали ему молиться.

Впрочем, не всегда в человеческом виде является ворщуд, иногда он может принимать и другие образы. В одном преданий из жизни вотяков глазовского уезда говорится, что на месте города Вятки была прежде вотская молитвенная куала. Когда русские выгнали отсюда вотяков и стали ломать их куалу, то из нея вылетел голубь, который затем тотчас же упал, пораженный невидимой силой, около только что заложенной церкви.

Построив новую молитвенную куалу, вотяк продолжает однако молиться и в старой, а иногда одновременно с этим и еще в родовой. Новая куала по отношению к старой, а старая по отношению к родовой называются малыми куалами; между тем как родовая куала по отношению к старой и эта последняя по отношению к новой являются большими куалами.

Деление вотяков по отношению к куале.

По своим религиозным обязанностям в отношении к куале вотяки делятся на две группы: „будзым куала выжы“ и „покчи куала выжы“. Для уяснения взаимоотношения между этими группами, как и вообще порядков молений в куалах, могут служить хотя бы например следующие данные: в Оштормо-Юмье Мамадышского уезда один и тот же старик вотяк молится и в малой куале на своем дворе, где кроме него участие в молениях принимают еще три его младшие брата, и в то же время в родовой куале („выжы мудор куала“), где всего молится 73 семьи. Эти 73 семьи кроме того ходят еще молиться в „будзым мудор куалу“, находящуюся в деревне Старая Юмья. В этой

последней куале, кроме 73 семейств Онтормоюмьинских, молятся также и жители соседних деревень, выделившихся некогда из Старой Юмьи.

Количественное соотношение молящихся между куалами различных разрядов в разных местностях не одинаково. Иногда и в малых куалах число молящихся бывает довольно значительно, доходя до 30 и более семейств. Все дело зависит от того, насколько велико у вотяков данной местности желание иметь каждому свою собственную куалу. Во всяком случае общеобязательным правилом считается, чтобы одна семья молилась не более, как в трех куалах. Куалы эти носят названия: „нокчи куала", „зӧк куала" и „будзым куала".

Оттесненные колонизационным движением соседних народностей иногда очень далеко от места своей родины, вотяки естественно не могут иметь возможности принимать участие в моленьях в своих родовых куалах, тем не менее они всегда поминают их при жертвоприношениях в своих настоящих куалах. Так, например, вотяки из рода Можга, жители деревни того-же имени в Бирском уезде Уфимской губернии, в своих молитвах поминают родовую куалу в деревне Можге Елабужского уезда, откуда они некогда переселились. Тогда как вотяки других деревень Бирского уезда, выделившиеся уже в более позднее время из деревни Можги Бирского уезда, в своих молитвах поминают уже куалу деревни Можги не Елабужского, а Бирского уезда. В культе восточных вотяков обращает на себя внимание то обстоятельство, что малые куалы здесь почти совсем вышли из употребления: представители одного и того-же рода молятся обыкновенно в одной общей куале. Число таких общих куал в каждой деревне равно бывает числу живущих в ней родов. Поэтому и свадьбы мудоров здесь бывают только в том случае, когда вотяки переселяются из одной деревни в другую.

Хранители куалы. В виду неодинаковой важности и значения, какое имеют отдельные куалы, и положение жрецов, заведующих ими, бывает различно. В тех деревнях, где одна только родовая куала, жрец ее охраняющий, пользуется большим влиянием, чем там, где родовых куал несколько. Должность жреца родовой куалы, так же, как и семейной, переходит от отца к сыну. В других местностях вошло в обычай выбирать преемника умершему жрецу. Так, Глазовские вотяки выбирают жреца „зэк ион" из своей среды. В Елабужском уезде жрец на всю жизнь назначается вörожцом („туно"). В Сарапульском уезде жрецы отправляют свои обязанности в течение разных сроков обыкновенно 12 лет, каковой срок по мере надобности может и сокращаться.

В семейной куале, где жрецом является глава семьи, помощниками ему могут быть все, кого он найдет нужным для этого пригласить. В большой куале наоборот и помощники жреца бывают большею частью постоянными. Так же, как и жрец, они специально выбираются для своей должности. В Елабужском уезде „туно" выбирает двух помощников жреца: поддерживающего под руки „кушул кутись", и моющего чашки и ложки „тусьты-дуры миськись". В Сарапульском уезде в куале бывает два жреца: „утись", и его помощник „тöре". Кроме того при всех кровавых жертвоприношениях вотяков бывает резак „нарчась", иногда также „гылась", обязанности которого сводятся к окуриванию жертвенного животного пред началом моления.

По сведениям из Глазовского уезда жрец большой куалы в старину отличался от других тем, что во время священнодействия имел особую одежду. Эта одежда состояла из холщевого безрукавного кафтана. По словам одного старика вотяка жрец большой куалы надевал на себя длинный, с широкими рукавами кафтан светло лилового цвета на подобие диаконского стихаря. На голове у него была вязанная в виде чулка шапочка длиною около $^1/_2$ аршина; к вершине ея придѣлывалась кисточка из разноцветных ниток. При надевании на голову нижние края этой шапочки

отгибались кверху, так что общая длина ея сокращалась. Согласно общему обычаю жрецы, как и все молящиеся, во время жертвоприношения были в белых нижних льняных одеждах.

Сьёр куала. Прежде чем приступить к описанию обрядов моления в куале, мы скажем несколько слов еще об одном виде куалы, так называемой „сьёр-куале". Последняя также имела некогда религиозное назначение. Насколько широко распространен был этот вид куалы, теперь трудно сказать что-либо определенное, так как в существующей этнографической литературе о „сьёр куале" не упоминается ни слова.

В настоящее время молитвенные места с именем „сьёр куалы" сохранились в Мамадышском уезде Казанской губернии, но и здесь они уже очень редки. Так, в Октормо-Юмье за полем имеется священное место под старой сосной, называемое „сьёр куала ишты", но самой куалы давно уже не существует. В Старой Юмье Казанской губернии до последнего времени сохранялась „сьёр куала", но здание было уже заброшено, крыша его обвалилась, бревна в стенах сгнили.

Какое значение в религиозном культе вотяков имела „сьёр куала" в древности, за скудостию данных сказать об этом что-либо трудно. Старики говорят, что в „сьёр куале" молились прежде только по случаю болезней, что в ней никогда не совершалось молений, приуроченных к определенному времени, и что в молениях здесь никогда не принимали участия ни женщины, ни другие члены семьи. Кроме того утверждают, что „сьёр куала" никогда не устраивалась в самой деревне, а всегда на некотором расстоянии от нея.

Моления в куале. Общественные праздники в куале, приуроченные к определенному времени, справляются вотяками различных местностей в разные сроки. В Казанской губернии они бывают 3 раза в году: на Пасхе, летом 21-го июля и осенью в Казанскую. В Елабужском уезде 4 раза в году: зимою

Николин день, на масляной, на другой день Пасхи и в Казанскую. По другим сведениям эти праздники в Елабужском уезде бывает: в декабре „сизьыл юон", на масляннце „вой юон", на Пасхе „акашка юон" и летом около Петрова дня „гужем юон". В Сарапульском уезде моление в куале бывает накануне Рождества „тол юон", на масляннце „вой дыр", в вербную субботу „бадзым нунал юон", в Петров день „куарсур" и осенью в Екатеринин день. По другим сведениям кроме масляницы и Петрова дня, Сарапульские вотяки празднуют еще в Покров и Михайлов день, весною после посева „тулыс куала ныром" или „тулыс сур". В Елазовском уезде моления бывают пред весенним посевом „акашка", в Петров день „зэк гербер" и осенью при начале заморозков „куала ныром". В Осинском уезде Пермской губернии в куале молятся весною на Пасхе; летом пред сенокосом и осенью в октябре по окончании полевых работ. В то же время справляют моления в куале и Уфимские вотяки.

Таким образом, как видно из вышеизложенного, в большинстве вотских местностей моления в куале приурочиваются ко времени христианских праздников. В древнее время такого точного распределения вотских праздников по числам разумеется быть не могло. Вероятно они приурочивались только ко временам года, и этими временами повидимому были: весна, лето и осень. (Зимою вообще моления бывают очень редко). Праздники, справляемые в эти три срока, отличаются от других тем, что во время их обязательным считается переменять зеленые ветки под ворцудом. На Пасхе и осенью эти ветки бывают пихтовые, а летом березовые. Из трех указанных праздников повидимому можно еще выделить два, как наиболее древних: весенний и осенний „тулыс сур" и „сизьыл сур". Так, Уржумские вотяки молятся в семейных куалах только два раза: весною и осенью. Также два раза в году празднуют в куале и в некоторых местностях Бирского уезда: весною, когда развернутся листья, и осенью, когда они опадут

В праздники, приуроченные к определенным временам, вотяки молятся как в семейных, так и в родовых куалах. Обряды молений везде более или менее одинаковы, различен только порядок самых молений. Так, в Казанской губернии сначала молятся в семейной куале, а потом в родовой. В Сарапульском уезде накануне Рождества сначала молятся в семейной куале, а потом под вечер в родовой.

В других вотских местностях порядок молений другой. Так, Глазовские вотяки ходят сначала в „зӧк куалу", а потом идут по домам, чтобы продолжать празднование в своей семейной куале. Время дня, установленное для молений в куале, в разных местностях так же неодинаково. В Сарапульском уезде моление большею частью бывает поздним вечером; в Елабужском после полудня, но иногда также вечером. Во многих местностях моление бывает накануне. Во время больших праздников, как, например, на Пасхе, моление продолжается иногда до 3 дней.

Самое древнее описание жертвоприношения в существующей этнографической литературе взято из Уфимской губернии. В нем, говорится что вотяки молятся пред древесными ветвями, символизирующими домового духа. В качестве жертвенного животного в куале закалывается теленок, при чем отрезанные уши его кладутся на жертвенную полку.

Другое старинное описание моления в куале обряды моления передает с большею подробностью. По словам автора этого описания в молении принимают участие как мужчины, так и женщины, вымывшись предварительно в бане. Каждый богомолец, идущий в куалу, несет с собою все необходимые для жертвоприношения припасы. Когда сварится мясо жертвенного животного, жрец берет по частичке от каждого съедобного вещества и полагает на стол у противоположной входу стены куалы, сюда же ставит и напитки, отливая их понемногу в особую посуду. На полочке над столом разложены бывают хвойные ветки и болотные травы. Здесь же, как бы на престоле,

ставлено блюдо с особыми жертвенными частями. По прошествии некоторого времени жрец берет в руки чашу напитком и, обратившись лицом к двери, где благоговейно стоит толпа молящихся, напоминает им о том, какая жертва данный момент приносится и затем просит у ворпуда счастия, здоровья, увеличения семьи, скота, прибыли в меде, хлебе и прочем.

Еще более подробное описание, относящееся однако позднейшим временам, находим у анонимного автора в Вятских епархиальных ведомостях за 1837 г. Описание это имеет в виду Мултанских вотяков. В нем говорится, что участники празднества приносят с собою в куалу хлеба, печеных яиц, медовщины, кумышки и пива. Зарезав скотину пред идолом, возле него же кладут хлебы с яицами на верху. Если хлебов принесено много, то жрец выбирает из них три, а из остальных вырезывает только небольшие частички и вместе с яицами кладет их на целые хлебы. В то же время один из вотяков читает около жертвы языческие молитвы, другой обливает жертвенное животное водой. Окончив этот обряд, приступают к закланию. Кровь льют в чашку или корыто, кожу сдирают, внутренности вычищают, негодные в пищу части закапывают в яму. Потом жрец расчленяет жертвенное животное по суставам. От головы, груди, ог и от каждого сустава отрезывает по частичке. Мясо варят в котле, куда наливают также и крови. Когда мясо варится, вотяки начинают пить пиво и кумышку, угощая ими друг друга и пробуя в то же время от разных жертвенных яств. Все кости жертвенного животного складываются в огонь и только те, которые не сгорят, закапываются в яму. Молитвы, читаемые при жертвоприношении, заключают в себе прошения о том, чтобы Бог сохранил семью, умножил скот и возрастил хлеба.

Описание современных нам молений в „будзым куале" имеется в литературе из жизни вотяков Елабужского уезда. После того, как старики назначат день для празднования,

жители деревни приносят жрецу „восиею" все необходимое для жертвоприношения. Вечером жрец отправляется в куалу, захватив с собою хлеб, мясо, жбан пива и бутылку кумышки. Все это кладет он посреди куалы на стол, покрытый холстом и древесными ветвями. За жрецом приходят в куалу и все те, кто хочет принять участие в жертвоприношении. Сначала жрец, взяв в руки хлеб и кусок мяса, оборачивается лицом на север, то есть в передний угол куалы и читает молитву, приподнимая время от времени жертвенные приношения. Молитва, как обычно заканчивается словом „аминь", при чем жрец и все молящиеся делают поклон. Прочитав эту первую молитву, жрец бросает в огонь часть мяса и хлеба, а остальное кладет на полочку, которая так же, как и стол, бывает устлана зелеными ветками. Потом берет чашку, наливает в нее кумышки и пива и молится во второй раз. В третий раз он молится с кружкой пива в руках, в четвертый с чашкой кумышки и наконец в пятый, не имея ничего в руках. Молитву он заканчивает словами: „Теперь, ворчун, потерпи до следующего раза". После этого присутствующие садятся за скамьи, начинают пить, есть, петь и играть на гуслях. Жрец поет специально составленные на этот случай песни в роде, например, следующей:

„Мы молимся, чтобы великий Ниву
Исполнил наше прошение".

У южных и восточных вотяков женщины обыкновенно не ходят на моления: в тех же случаях, когда им разрешается принять участие в празднования, они вместе с детьми стоят за дверями куалы. В старые времена очевидно такого порядка не было. В северных вотских местностях, где древние обычаи удержались отчасти в более первоначальном виде, женщины принимают участие в молениях. Так например бывает в Глазовском и Сарапульском уездах, где во время праздничного угощения женщины играют видную роль и имеют даже своих представительниц.

Здесь именно, как известно, кроме хранителя куалы, отправляющего обязанности жреца при жертвоприношении, существуют особые должностные лица, на обязанности которых лежит наблюдение за порядком во время праздничного угощения. Таковыми являются хозяин праздника тöре и его жена, сидящие каждый за особым столом в углу куалы. Во время отправления своих обязанностей тöре имеет на голове шашку. Богомольцы приходят в куалу одетые в праздничные одежды. Мужчины встают по левую сторону костра, женщины по правую. Существует здесь также обычай полагать на полку к воршуду два хлеба: один от мужчин, другой от женщин. Хлебы эти кладутся один на другой; из них верхний по окончании моления отдается мужчинам, а нижний женщинам.

Летний праздник у вотяков обычно справляется торжественнее всех прочих. Все здание куалы по этому случаю украшается березовыми ветками. Вотяки Сарапульского уезда, кроме стола и жертвенной полки, разбрасывают зелень по полу. Ею украшаются стены и лавки. Сам жрец во время моления держит обыкновенно в руках березовую ветку. Не удивительно, что этот праздник зеленых кущей вотяки называют „квар сур“. В настоящее время он большею частью справляется около Петрова дня, но в старину он устраивался очевидно раньше; так, у вотяков Елабужского уезда существует взгляд, что до этого праздника нельзя ломать веников, по крайней мере хранитель куалы не должен ими париться, пока березовыми ветками не будет украшена священная полка в куале.

В старые времена в куале приносились в жертву животные. К числу таковых принадлежал домашний скот, употребляемый в пищу: быки, коровы, телки, овцы, гуси и утки. Очень редко приносили в жертву лошадей, которые стали употребляться в качестве жертвенных животных уже в более позднее время. Также редко употреблялись в жертву куры, как предназначенные исключительно для поминовения умерших. Вместе с домашним скотом принято было в обычае

приносить в жертву лесную и водяную дичь. По словам одного старинного этнографа во время весеннего праздника мудора вотяки приносили в жертву в большой куале между прочим дятла, полагая его в качестве украшения на священную полочку. По окончании моления птицу бросали в огонь, так как в пищу она вообще не употреблялась. Автор замечает, что это моление устраивалось в целях содействия успехам пчеловодства. В некоторых местностях, когда рождается младенец мужеского пола в жертву воршуду приносится глухарь, причем новорожденному испрашивается зоркое зрение и чуткий слух. В Глазовском уезде в таком случае в жертву приносится тетерка или рябчик, в Сарапульском две щуки, а в Елабужском целый ряд животных.

Обычай приносить кровавые жертвы в куале за последнее время начал уже выходить из употребления. И если в молениях, совершаемых по частным поводам и причинам, по прежнему нельзя еще обойтись без них, то в молениях, приуроченных к определенному времени, обыкновенно употребляется в дело только хлеб и каша: хотя и в этом случае, как бы в память о существовавшем некогда обычае кровавых жертв, зажигается жертвенный костер. Впрочем и в наше время раз в год требуется на общественные средства принести воршуду кровавую жертву в куале. Так, в Вятской губернии осенью обыкновенно приносят в жертву воршуду гуся и утку. В Оптормо-Юмье Мамадышского уезда чрез каждые 30 лет в родовой куале бывает моление воршуду, так называемое „квамын ар восяськон", во время которого режут быка, телку или пару уток. Представители рода в большом количестве собираются на этот праздник.

Важнейшие моменты молений в куале. Во время жертвенных молений в Вотских куалах одна часть приношений полагается на священную полку („выло мычон"), другая сожигается в огне („тыласькон"). Священная полка бывает покрыта белым холстом. При молениях

с одним хлебом на полку кладется хлеб, приготовленный женой хранителя куалы из яровой муки. Сверху на него обыкновенно положены бывают кусочки хлеба и масла от других семейств, участвующих в молении. В Старой-Юмье Мамадышского уезда каждая семья приносит по 3 хлеба, из которых один кладется на полку. В Сарапульском уезде, как выше было сказано, жертвенных хлебцев бывает два. Кроме хлеба и масла, на полку ставят иногда меду и пива. При кровавых жертвоприношениях воршуду туда же кладется часть каши из мясного бульона и кусочки тех частей животного, которые варятся в особом котле. Кусочки эти большею частью кладутся на полку только на время чтения молитв, хотя есть основания предполагать, что в старину они оставлялись здесь на более продолжительное время. Так, в Мамадышском уезде, когда в жертву приносится утка, то голова ея и другие части мяса, которые полагается положить на полку, остаются здесь в течение 2 — 3 дней, после чего съедаются жрецом.

Вторым важным моментом в жертвенном ритуале куалы является сожжение части приношений в огне. Этот обряд однако не имеет за собой такой древности, как первый, т. е. положение жертвенных частей на полку. В существующем культе вотяков можно видеть указание на то, что в древнее время этот обряд не имел особенно большого значения при жертвоприношениях в куале. Так в некоторых вотских местностях и теперь еще вместо того, чтобы сожигать остатки жертвы, закапывают их в яму или припрятывают куда-нибудь в укромное место. В вышеупомянутом очерке Вятских епархиальных ведомостей говорится, что те остатки жертвенных животных, которые не употребляются в пищу, закапываются вотяками в яму в помещении самой куалы. Точно также поступают вотяки и с теми костями жертв, которые остаются нетронувшимися в огне. Как уже было сказано, в задней части куалы „куа берка" сложены бывают перья, кости и прочие остатки

жертв. Существует также обычай остатки жертв закапывать где-нибудь в лесу или вообще за куалой.

Кроме кровавых жертвоприношений, доставлявших угощение домовым духам, в древних вотских куалах в употреблении были и такие приношения, которые имели своею целью снабдить духов одеждою, украшениями и прочими принадлежностями. Выше было упомянуто, что в старинных вотяцких коробах находились разные предметы: шкурки, перья, деньги и прочее: все это очевидно являлось жертвенными приношениями, и такия приношения в старину вероятно были весьма обильны и ценны так, что большие куалы иногда представляли из себя своего рода сокровищницы. Вот почему во время опасностей они тщательно запирались и для охранения их назначались особые лица.

Насколько обильны и ценны были приношения в вотских куалах, представление об этом мы можем составить отчасти на основании жизнеописания Св. Стефана Пермского, где говорится между прочим об идольских капищах родственной вотякам народности зырян. В этих капищах также существовали особые жрецы и хранители. Подробностей о самом здании капища нет, зато имеется упоминание о том, что в нем были идолы, алтари, т. е. жертвенные столы, и ценные сокровища. Житие восхваляет Св. Стефана за то, что он не воспользовался ни одним предметом из этих сокровищ, а все, что было навешено на идолах или принесено им в качестве жертвы или украшения, как то: соболей, куниц, горностаев, лисиц, рысей, белок и прочее, собрал в одно место и в присутствии народа сжег. Потом ударив топором идола в лоб, разбил его на мелкие куски и сжег их вместе с грудами куньих мехов, не взяв себе ничего в добычу. Пермяки очень дивились этому, говоря: „почему он ничего себе не взял?“ В другом месте жития читаем, что Св. Стефан и ученикам своим запретил брать что либо из языческих капищ, будет ли то золото, серебро, медь, железо, олово и прочее что-либо из вышеупомянутого.

В число сокровищ куалы входили также и жертвованные деньги, которые существуют и до настоящего времени, имея особое название для себя „люгезь". В настоящее время они хранятся в маленькой коробке из бересты. Сбор их производится всякий раз по окончании моления в куале. Каждый участник моления кладет свою ленту или прямо в коробку или втыкает ее в хлеб, который бывает в руках у жреца, производящего сбор. Некоторые богомольцы приносят свои деньги уже наперед воткнутыми в свои хлебы. Собранные таким образом деньги идут исключительно на религиозные нужды. Их употребляют на покрытие расходов по ремонту куалы, на покупку необходимых предметов, а также и жертвенных животных.

Кроме помянутых выше молений, приуроченных к определенным временам, как в семейной, так и в родовой куале могут происходить моления по частным поводам и причинам. Такими поводами и причинами большею частью являются болезни. Вотяк должен бывает принести жертву в родовой куале, если по объяснению ворожца „туно" его болезнь является наказаньем от духа, обитающего в родовой куале: „будзым куала мыж". Болезни, постигающие в таких случаях вотяков, бывают как тяжелые, так и легкие. Вотяки Сарапульского уезда приносят в жертву в будзым куале глухаря или тетерева по случаю глазной болезни, или зубной боли. Обязательной также считается жертва в родовой куале в том случае, когда какая-нибудь девушка из данного рода выходит замуж за вотяка из другого рода. В Казанской губернии невеста еще в день свадьбы дает обет принести жертву. Обет этот выполняется ею обыкновенно в следующую же осень, когда она является в свою куалу с уткой под пазухой. Птица закалывается и варится в самой будзым куале. Хранитель куалы читает молитву воршуду, обращая его внимание на то, что такая-то девушка из его рода, вышедшая замуж в другой род, приносит теперь жертву духу, покровителю своего рода. Во время

жертвоприношения женщина стоит у дверей куалы. Кроме нея и жреца, никто из посторонних участия в молении не принимает. Только после этого жертвоприношения молодая женщина может молиться в родовой куале своего мужа, хотя в случае болезни или другого какого несчастия по указанию жреца она по прежнему должна бывает являться для моления в свою родную куалу „чуж мурт куала". В Казанской губернии каждая женщина в течение своей жизни обязана пять раз принести жертву в куале, в том числе 2 раза в будзым куале. Во время жертвоприношения она должна иметь на руке серебряное кольцо, а в ушах серьги.

Случайные моления в родовой куале устраиваются также для получения большей прибыли от скота. Они бывают обыкновенно осенью, и жертвенным животным обязательно должен быть черный баран. Если судить на основании обрядов этого моления, то можно думать, что жертва в нем первоначально предназначалась болезнетворным духам.

Моления в семейной куале. В семейных куалах моления бывают чаще, чем в родовых, и это нужно сказать не только о молениях по частным поводам, но и о молениях, приурочиваемых к определенному времени. Саранульские вотяки по словам одних этнографов молятся вообще в семейной куале 60 раз в год, а именно: в день нового года, на масляннце, накануне великого четверга до восхода солнца, на Пасхе и каждую субботу; по словам других число таких молений доходит до 70 раз в год. В молениях, приуроченных к определенному времени, кровавых жертв не приносится. Хранитель куалы молится только с хлебом и блинами. У южных и восточных вотяков моления в семейных куалах бывают реже, чем у северных. Под влиянием мухаммеданства восточные и южные вотяки в качестве недельного дня стали праздновать пятницу, к каковому времени и приурочили свои моления с хлебом и блинами; при чем эти моления они совершают уже не в куалах, а во дворе, так как семейные куалы здесь стали уже редкостью. Для таких молений во дворе имеется особое

место. Оно обыкновенно или огорожено или отведено где нибудь около изгороди, чтобы никто из проходящих не мог его осквернить; женщинам не дозволяется доступ к этой святыне. Каждый праздничный день глава семьи молится здесь, держа в руках на белом полотенце чашку с блинами, обратившись лицом к югу.

Кроме молений, приуроченных к христианским или мухаммеданским праздникам, вотяки приносят жертвы в своих семейных куалах еще в определенные сроки, связанные с их земледельческими работами. Особенно это нужно сказать о вотяках северных. У Сарапульских вотяков каждая семья пред сенокосом молится в куале и режет овечку. В Глазовском уезде существует обычай молиться в семейной куале рано утром пред выездом на пашню „геры—поттон". Молятся в куале здесь также в Ильин день, при чем в жертву режут белую овечку и кости ея сожигают в лесу.

Среди молений, совершаемых в семейной куале, самыми древними следует признать те, которые имеют своим поводам какую-нибудь болезнь или несчастие. По объяснению ворожцев эти болезни или несчастия являются наказанием от духа, обитающего в семейной куале—„покчи куала мыж". Избавиться от них можно только жертвой, приносимой обыкновенно хранителем куалы от имени больного. Жертва приносится впрочем не сразу. Сначала больной делает обещание „сизиськон". Если в назначенный срок у него не окажется подходящей для жертвы скотины, им делается повторение своего обещания „вильдиськон". Но во всяком случае ничуть нельзя забывать своего обета или откладывать исполнение его на слишком долгое время.

В куалах, как родовых, так и семейных, устраиваются иногда моления и по случаю болезней, причиняемых духами из чужих куал. В таких местностях, как например в Глазовском уезде, где язычество уже стало выходить из употребления, моления в куалах по случаю болезней устраиваются тайно.

Наказанием разгневанного духа куалы вотяки объясняют также трудные роды. Повивальная бабка в таких случаях поминает на ряду с другими богами также и имена воршудов, как со стороны роженицы, так и со стороны ея мужа, испрашивая облегчение больной и от ея имени обещая принести жертву.

Кровавые жертвы в семейной куале приносятся вотяками так же, как и в родовой, и по случаю свадеб, для того, чтобы обезпечить семейное счастие молодым. Принесение жертвы в таком случае лежит прежде всего на обязанности самой молодушки. Так же, как и при жертвоприношении в родовой куале, сначала дается обет принести жертву. Сарапульские вотяки, увозя молодушку на новое место ея жительства, обводят ее кругом очага, при чем отец, держа в руках кумышку и блины, читает молитвы и дает обещание принести в жертву быка, теленка, пару глухарей и двух щук. Жертвенное животное при этом не должно быть пестрым, иначе дети от брака будут рождаться рябыми. Качество и количество жертв в разных местностях бывает неодинаково: все зависит от установившихся здесь или там обычаев. В некоторых местностях в подобных случаях приносят в жертву только утку, восточные же вотяки по прежнему продолжают быть щедрыми на такие жертвы.

Моление в куале для обезпечения семейного счастия называется „вилъ-вӧсь“. Особенностью его сравнительно с другими молениями является то, что со времени его молодушка начинает носить женский головной убор. Молодая хозяйка по этому случаю печет пирожки, а муж ея идет в лес за пихтовыми ветками, которые ставит затем в передний угол куалы. Пред этими ветками полагается жертвенная пища и женский головной убор, так-называемый „сюлык“. Остальные обряды жертвоприношения не многим чем отличаются от обрядов обычных жертв в куале. Кожа жертвенного животного во время жертвенной трапезы разстилается пред пихтовыми ветками. По окончании трапезы

кости собираются в липовый короб и на лошадях с колокольчиками увозятся во особое место, очевидно в „лы куян", где и бросаются вместе с пихтовыми ветками. Обряды данного моления напоминают собою культ почитания умерших уже в том отношении, что жертвенное животное обязательно должно быть черного цвета. Сарацульские вотяки в таких случаях иногда приносят в жертву жеребенка, при чем обряды жертвоприношения вполне напоминают собою так называемую лошадиную свадьбу, „вал сюан".

Сходство культа куалы с культом почитания умерших.

Из выше сказанного можно видеть близкое сходство между культом куалы и культом почитания умерших. Главные черты этого сходства следующие: 1) Почитание предков объединяет потомков в отдельные родовые общины; такое же значение имеет и почитание воршудов, называемых именами тех родов, которые в их куалах молятся. 2) За помощью к воршудам вотяки обращаются в тех же самых случаях, что и к умершим, а именно во время болезни. 3) В молитвах имя воршуда нередко упоминается на ряду с именами предков. (В Глазовском уезде в старые времена во время молений в куале на стол полагались ложки, кроме живых членов семьи, также и для невидимо присутствующих умерших. Молитва начиналась словами: „Инмар, кылдысин, куазь, воршуд-удъя и вы умершие отцы, деды, дяди и дети, идите все вместе пить и есть, будьте здоровы". Кости складывались в старую посудину, которую уносили в поле за куалу, где содержимое ея бросали собакам и по поведению их, как и во время поминок, заключали о настроении умерших). 4) Праздники куалы, приуроченные к определенным срокам, приблизительно совпадают с временем общих поминок. Очевидно современные моления в куале не что иное, как более древняя форма поминок, на которых курицу заменяло более крупное животное, корыто на краю печки—священная полка куалы и воображаемых в настоящее время духов умерших—деревянные куколки, вынимавшиеся на время моления из короба на жертвенный стол, украшенный зелеными ветками.

За отсутствием точных данных трудно сказать, когда воршуд, имя которого употребляется в молитвах обыкновенно в единственном числе, стал почитаться вместо многих первоначально духов куалы. Не будет ошибкою предположение, что такая замена произошла под влиянием культур соседственных народностей, когда вотские изображения богов стали выходить из употребления. Случилось это очевидно еще в глубокую древность, о чем может свидетельствовать общераспространенность культа куалы в его настоящем виде во всех вотских местностях. Что касается самого перехода от политеизма в культе куалы к монотеизму, т. е. к почитанию одного духа вместо многих, то это представляет из себя общеизвестное явление и в религиозной жизни других народов.

В последнее время сам бог неба Инмар сделался предметом почитания в культе куалы; имя его на ряду с именем воршуда все чаще и чаще начинает упоминаться в молитвах, читаемых в куале.

Культ луда.

Родовые моления совершаются вотяками не только в куалах, но и также в особых священных рощах. Большинство этнографов, описывающих религиозные обряды вотяков, обыкновенно не делают различия между отдельными видами этих рощ, называя их одним общим именем „кереметь“. Произошло это несомненно оттого, что самые рощи, как по внешнему своему виду, так и по характеру совершаемых в них молений очень сходны между собою. Однако, сами вотяки проводят строгую грань различия между теми священными рощами, в которых молится один какой-нибудь род и теми, в которых молятся более крупные племенные общины; первые они называют „луд“, вторые „будзым куриськон интыя“.

Слово луд означает вообще находящийся за деревней лесок или поле и в частности также мольбище. В старые

времена мольбища у вотяков отгораживались в лесу. В настоящее время, когда леса значительно поредели, а местами и совсем исчезли, вотские мольбища зелеными островками выделяются на обширных равнинах полей, напоминая зрителю о существовавших здесь некогда дремучих лесов.

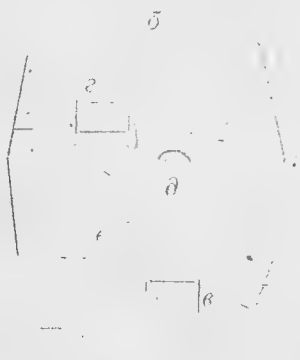
Уже в XVII веке, мольбища были не только в лесах, но и на открытом месте. В Казанской губернии, где много песчаных холмов, они обыкновенно располагаются на вершинах их. В тех местностях, где леса сохранились, они и теперь еще скрываются в глухой чаще деревьев, так что для постороннего человека трудно бывает их отыскать.

В зависимости от почвы в мольбищах могут быть самые разнообразные древесные породы: в одних лиственные, в других хвойные, в третьих те и другие вместе; и трудно сказать, отдают ли вотяки предпочтение каким-нибудь среди них при выборе места для своих священных рощ.

Но где бы луд ни помещался, в лесу ли или в открытом месте, он внушает к себе среди народа суеверный страх. Едва ли вотяк обращается так осторожно с другой какой-либо святыней, как с лудом. Никто не может входить в него в обычное время без дела, а в праздник без приношения. Скот в него не допускается, ломать ветвей в нем не дозволяется, даже щепы из него нельзя уносить домой. Никакого шума не должно происходить в луде, нельзя ставить даже западней на дичь, случайно залетающую в луд. Женщины и дети не только не ходят в него, но даже, идя мимо, стараются держаться от него подальше. Кто разсердит живущего в луде духа, тот обязательно навлечет на себя какое-нибудь несчастие. У вотяков имеется много поучительных на этот счет преданий. Так, разсказывают, что один церковно-служитель собирал в луде грибы и, когда хотел итти домой, то почувствовал, что какая то невидимая сила удерживает его; тогда он бросил свои грибы, чтобы только избавиться от беды. Один солдат, во время

своей службы, привыкший относиться пренебрежительно к обычаям своих отцов, побился об заклад, что он без всякого для себя вреда срубит дерево в луде. Однако, когда он привез бревно домой и стал его класть в срубы, то посек себе топором ногу, а лошадь, на которой он привез, пала. Один русский срубил дерево в луде, но тут же захворал и умер; вымерла вслед за ним и вся его семья. В Мамадышском уезде существует верование, что тот, кто сломит ветку в луде, будет наказан кереметем, в образе медведя. Очень распространено среди вотяков поверие, что если нарубить дров в луде, то сделается градовая туча, а если истопить ими печку, сгорит изба.

Внутреннее устройство луда. Изгородь кругом луда местами делается из жердей, местами из досок, а местами плетется из древесных ветвей. Вышина изгороди также бывает неодинакова. В луд ведут маленькие створчатые двери отворяемые обычно только во время молений. При выборе стороны для устройства дверей какие-нибудь особые правила едва ли выполняются. Обыкновенно двери эти обращены бывают в сторону деревни или дороги, ведущей в деревню. В Бусурман Можге Елабужского уезда по словам одного этнографа в его время был луд,



План луда в Бусурман-Можге Ел. у. а) помещение для народа, б) для хранителя луда и его помощника, в) стол для общественной трапезы, г) стол для жертвенного мяса, д) кострище, е и ж) проходы.

состоявший из двух частей. В заднюю часть входили только хранитель луда и его помощник. Здесь находился костер и

стол для жертвенных мяс. Передняя часть предназначалась для народа. Здесь был стол для общественной трапезы.

В некоторых лудах за внутренней загородкой имеется особый угол, обнесенный изгородью. К нему нельзя приближаться с пустыми руками: обязательно нужно, что-нибудь принести в жертву. Если, например, является сюда вотяк с своим маленьким сыном, то не только он сам, но и сынишка его должен сделать какое-нибудь приношение. Если же у мальчика ничего нет в руках, то отец оставляет его в передней части святилища.

При выборе места для костра особых правил не соблюдается. В некоторых лудах можно видеть даже несколько кострищ. иногда они помещаются снаружи за изгородью луда.

Жертвенные алтари-столики в лудах стоят обыкновенно около толстых столетних деревьев, пред которыми при жертвоприношениях жрецы читают свои молитвы. Эти столетние деревья вообще играют роль центров, около которых во время молений в лудах собираются присутствующие. Сучья у них снизу бывают подрублены, чтобы удобнее можно было подходить. Место кругом их расчищено. По словам одного этнографа у каждого вотяка в луде имеется свое собственное дерево, у корня которого он и молится с коленопреклонениями. Ствол такого дерева бывает перевязан венком из пихтовых или березовых ветвей. Сообщение это впрочем стоит одиноко среди других сведений в литературе по данному вопросу. Если действительно такой обычай где-нибудь и существует у вотяков, то он напоминает собою подобный же обычай черемис навязывать пояски на свои священные деревья.

Как в старину, так и теперь в лудах иногда бывает маленькая в роде хижины постройка, которую вотяки называют „луд куала".

В настоящее время луды с куалами встречаются редко. Там, где по преданию они существовали, теперь не сохра-

нилось и следов от них. В Мамадышском уезде уверяют, что в луд-куалах при всем их сходстве с домашними куалами никогда не было кострищ.

Распределение богомольцев по лудам.

Моления в луде устраиваются отдельными родами. Должность жреца так же, как и в куале, переходит из одного поколения в другое, от отца к сыну. Представители одного рода не могут молиться в луде, принадлежащем другому роду. Луд может принадлежать впрочем одновременно нескольким семьям, всей деревне и даже нескольким деревням. Обычно же бывает так, что сколько в деревне родов, столько и лудов, но в некоторых деревнях их и совсем нет; жители ходят молиться в соседнюю деревню. В Сарапульском уезде по нескольку деревень имеют один общий луд, так как, выселившись из своей родовой деревни, они не завели еще себе собственного луда, что большею частью происходит в безлесных местах.

Если в деревне несколько лудов, то наиболее древний из них в некоторых местностях, как напр. в Казанской губернии, называется будзым луд; количество молящихся в нем больше, чем в других лудах, и в нем то именно вотяки и строят обыкновенно куалу. В названиях лудов можно также видеть указание деревни, которой он принадлежит, и обозначение сравнительной давности того времени, когда он был основан. В Среднем Куморе Мамадышского уезда имеются два луда, из которых первый называется вуж луд, а второй виль луд. Большею же частью в названии луда указывается имя его основателя или хранителя.

У восточных вотяков в деревнях, недавно основанных, число лудов обыкновенно равняется числу родовых куал. Так, напр. в Старой Кырге Бирского уезда — 4 родовых куалы и 4 луда. Последние также, как и куалы, называются именем молящихся в них родов: Можга луд, Зятся луд и т. д. Иногда в новых деревнях, если вошедшие в их состав роды не многочисленны по количеству своих представителей, при нескольких родовых куалах может быть

один общий луд. В таких случаях обыкновенно жители, позднее пришедшие в деревню, пользуются лудом первых ея насельников. В Каймашебаше Бирского уезда при трех родовых куалах имеется один луд, в котором молятся все три рода, правда отдельно и с соблюдением своих особых обрядов.

Сходство в культе луда с культом куалы.

Культ куалы и культ луда во многих отношениях между собою сходны. Так, у восточных вотяков количество лудов обыкновенно совпадает с количеством куал, и каждый луд даже носит название родовой куалы. Последнее обстоятельство впрочем следует признать явлением совершенно случайным, так как ничуть нельзя считать за общее правило, чтобы семьи, посещающие одну куалу, обязательно молились и в одном луде. Так, в Среднем Куморе Мамадышского уезда при одной будзым куале, имеется два луда. Иногда община, молящаяся в одной большой куале, разделяется на несколько родовых лудов и наоборот. В селе Юсках Сарапульского уезда имеется 2 луда; в одном из них молятся представители трех родовых куал, в другом представители одной. В с. Пурге также два луда, в одном молится община из двух родовых куал, в другом из одной.

Луд напоминает собою куалу и в том отношении, что при нем имеется должность хранителя луда, переходящая в наследство от отца к сыну. Эта должность существует у вотяков повсеместно. В Сарапульском уезде хранителя луда, также как и жреца в куалу, выбирает тупо после особой пляски, посредством которой он доводит себя до безсознательного состояния.

Во время моления в луде в некоторых местностях бывает 3 должностных лица: луд утись, тӧре и парчась. Главный из них луд утись. Он должен исполнять все, что требуется при жертвоприношении. Он наливает кумышку и суп в чашки, накладывает мясо, передает его тӧре и омлится. Тӧре—помощник утися; обязанность его состоит в том, чтобы быть хозяином на празднике. Парчась колет

животное и вообще помогает утиею. Все они трое чистят мясо животного, варят его и молятся. У южных вотяков не бывает особого тёре, зато в помощь жрецу выбирается по два и больше нарчасей. Особой одежды, присвоенной должности утиея нет. Требуется только, чтобы он был одет в чистую одежду. По словам одного этнографа он должен быть одет в белую одежду с белой шапкой на голове, в чистых онучах и новых лаптях. Чистота требуется и от всех участников моления. Не вымывшись в бане, в луд ходить не полагается. Кто нарушит это требование, тому дух луда накажет каким-нибудь несчастием.

Поводы к устройству луда.

Луды устраиваются вотяками по разным поводам. К числу таких принадлежит какая-нибудь тяжелая болезнь. Одна роща в Мамадышском уезде по рассказам обращена была в луд, потому что дух луда явился во сне одному вотяку и указал, где и как нужно устроить луд. Проснувшись, вотяк тотчас же пошел в лес и огородил указанное ему место. Вотская семья обыкновенно устраивает себе луд, когда переселяется в новую деревню, далеко отстоящую от прежней, так что ходить в нее молиться становится трудно. Луд может быть устроен не везде, при чем должны быть соблюдены известные обряды. В Сарапульском уезде место для нового луда выбирается по указанию ворожца туно. Последний садится на молодого жеребенка и ездит на нем по лесу без узды. Где жеребенок остановится, там и нужно устроить луд.

В новом луде начинают молиться только тогда, когда в него переселен бывает дух старого луда. Это переселение происходит в той же самой обстановке, что и свадьба мудора. У восточных вотяков имеются предания о том, что предки их, при переселении на место настоящего их жительства принесли с собою и пепел из старого луда. В этнографической литературе имеется описание свадьбы кереметя, совершенной, правда, по другому поводу. В одной деревне Малмыжского уезда стал плохо родиться хлеб. Оты-

ская причину неурожая, старики решили, что это заскучал кереметь и что для развлечения ему нужна жена. Они условились с жителями соседней деревни устроить свадьбу кереметя. Однажды ночью около Петрова дня на трех подводах с колокольчиками они отправились свадебным поездом в упомянутую деревню. Проехав прямо в ея луд, они праздновали там целую ночь. Самая церемония свадьбы была совершена на другой день утром. Она состояла в том, что участники празднества свадебным поездом возвратились в свою деревню, привезя с собой четырехугольный пласт дерна, вырезанный с поверхности земли кереметища.

После того, как луд освящен, в нем ежегодно требуется устраивать моления. Это священный долг не только лица, основавшего луд, но и всего его потомства. По словам Мирополъского даже в таких случаях, когда русские уничтожали луд, вотяки продолжали молиться на прежнем месте. Непринесение требуемой жертвы в луде по мнению вотяков навлекает гнев духа луда, так как он по их представлениям считается очень суровым и требовательным божеством.

Дух луда. Духа, живущего в луде, в разных местностях называют неодинаково. Среди вотяков чаще всего он известен под именем „луд кузё". Иногда называют его „луд асаба". В некоторых местностях как самая роща, так и обитающий в ней дух, называются лудом. В разговорах с русскими луд и обитающего в нем духа вотяки называют кереметем, хотя в своей среде такого названия никогда не употребляют. По словам некоторых этнографов вотяки называют духа луда в своих молитвах Saltan djes, Султон или местами Султан. Последнее название встречается между прочим в молитвах восточных вотяков. По словам некоторых вотяки считают духа луда бесом, называя его луд-шайтан или луд-перн. Само собою понятно, что такого названия в своих молитвах в луде вотяки не употребляют. Обычай называть

так духа луда очевидно произошел оттого, что во многих местностях его считают злым существом. Впрочем нет серьезных оснований утверждать, что вотяки и в древности смотрели на луд, как на существо исключительно злое. Известно, что под влиянием религий культурных народностей языческие боги нередко превращаются в бесов. Тоже явление, вероятно произошло и в настоящем случае. По крайней мере и по сих пор имеются такие местности, где взгляд вотяков на луд далеко не в такой степени отрицателен. Так, вотяки Елабужского уезда называют его богом, и вообще это не столько злой, сколько требовательный и суровый дух, который может впрочем посылать людям и счастие, иногда очень щедрою рукою. Об этом свидетельствуют, например, следующие слова из жертвенного обряда в луде: „Дзеч Султон принял нашу жертву, обещал нам дать хорошее лето и облегчить наши труды". Помимо содержания этих слов, уже самое название луда Дзеч Султоном мало вяжется с представлением о нем, как существе исключительно злом, причиняющем одни только несчастия.

Обычным местопребыванием луда является роща, ему посвященная. Восточные вотяки, по прежнему питающие большое уважение к луду, верят, что во время моления ему, он бывает около жертвенного алтаря. По словам других, он обитает в священном дереве, около которого собираются вотяки при молениях. Следы, оставляемые на деревьях белками, куницами и другими зверьками, вотяки считают признаками пребывания духа в роще. По мифам и преданиям вотяков дух луда является в человеческом образе. По словам некоторых этнографов, духи луда бывают мужеского и женского пола, могут вступать в брак и рождать детей. Чаще всего дух луда является в виде татарина. Явление его во сне предвещает несчастие, обыкновенно, болезнь, хотя иногда может иметь последствием и выздоровление от болезни. Один больной вотяк ночью видел, как чрез запертые двери вошли в его избу татарин и татарка; пробыв несколько времени, они потом со свистом,

как бы от сильного ветра поднялись кверху и улетели чрез крышу. Верование, что дух луда является в одежде татарина, довольно распространено среди вотяков.

По словам некоторых авторов в старину в вотских лудах имелись священныя изображения, остатки которых можно было видеть еще в сравнительно недавнее к нам время. Так, во время молений в луде вотяки ставили будто бы пред собою идола грубой резной работы, в виде лошади, коровы и т. п., смотря по тому, какого из этих животных требовал себе кереметь.

По словам одного старого вотяка, при молениях сдирали кору с березы, обертывали ее в шкуру жертвенного животного и ставили на землю. По словам анонимного автора статьи Вятских Губернских Ведомостей за 1861 год в кереметищах имелся особый ящик, подвешиваемый к дереву. В этот ящик жрец складывал узенькие лоскутки материи черного или белого цвета, смотря по масти жертвенного животного, и уверял простодушных вотяков, что лоскутки эти положены самим кереметем.

На основании вышеизложенного трудно положительно сказать, существовали ли у вотяков изображения в лудах и какого они были вида. Если же они действительно существовали, то несомненно имели человеческий облик. Что касается упоминаемых этнографами изображений в виде животных, то они скорее могли быть жертвенными приношениями, чем священными изображениями.

Кроме жертвоприношений по частным поводам и причинам, моления в лудах, как и в куале бывают также в определенные времена года. Сроки для таких молений в разных местностях не одинаковы, хотя общим правилом следует считать, что зимою этих молений не бывает. В Казанской губернии по словам одних авторов в лудах молятся около Петрова дня, по словам других осенью 8 ноября. В настоящее время в Мамадышском уезде в лудах молятся только один раз в год—осенью, хотя прежде мо-

лидись также и летом пред сенокосом. В Сарапульском уезде моление луду в одних местностях бывает летом пред посевом, в других весною после Троицына дня, в третьих през неделю после Петрова дня.

Частные моления в лудах справляются обыкновенно по случаю какого-нибудь несчастия или болезни, причину которых туно объясняет гневом луд-кузё. По словам некоторых этнографов за помощью к луду обращаются не только при болезнях людей, но и при болезнях скота, неурожаях и прочих бедствиях, в луде же молятся и о семейном счастии. Как бы то ни было главным поводом для молений в лудах все же является какая-нибудь болезнь, обыкновенно, в тяжелой форме, внутренняя, причины которой может разгадать только туно. Вотяки называют ее „луд-мыж".

Относительно времени дня, в которое совершается моление в луде, сведения имеются различные. По словам одних авторов это моление бывает ночью, по словам других днем. Обычай молиться ночью повидимому является наиболее распространенным. В Казанской губернии и в Сарапульском уезде моление в луде бывает днем. У восточных вотяков оно обыкновенно начинается тогда, когда солнце поднимется на достижимую для него высоту. Что касается ночных молений, то может быть в прошлом для них действительно имелись основания в каком-нибудь особом местном обычае, а может быть вошли они в употребление просто в силу желания сохранить их в тайне, укрывшись в темноте от глаз посторонних зрителей.

После того, как день для жертвоприношения бывает назначен, принимаются за приготовления к празднику. Прежде всего участники моются и одеваются в чистыя одежды. В Казанской губернии хранитель луда топит баню в назначенный день и зовет к себе всех, кто намерен молиться в луде.

Затем производится сбор денег и необходимых продуктов. В Сарапульском уезде существует обычай накануне

праздника приносить по чашке муки к хранителю луда или к töре в зависимости оттого, кто из них ближе живет к луду. Усердствующие приносят также и яйца. Из принесенных запасов варят пиво и пекут блины; участники моления приносят хранителю луда кроме того меду и масла. При сборе денег счет ведется при помощи липовой палочки, на которой вырезываются тамги каждой участвующей в молении семьи или число лиц в порядке их дворов, при чем против каждого римскими цифрами отмечается количество пожертвованных им денег.

В Мамадышском уезде утром в назначенный день богомольцы идут к хранителю луда, неся с собою по 5 хлебов и по бутылке вина. Когда все соберутся, хранитель луда накрывает стол, берет в руки хлеб и обращаясь к присутствующим, говорит: „ну, братья, если у кого из вас есть обещания луду, давайте". Давшие в свое время такие обеты, достают деньги, моют их и втыкают в хлеб, который носит в руках хранитель луда. Деньги жертвуются при этом и прочими присутствующими, хотя бы у них и не было особых обетов. Собрав деньги и положив хлеб на стол, хранитель луда приступает к сбору животных, каковыми являются обыкновенно домашния птицы, гуси или утки. Вымыв им ноги, он кладет их на лавку. Если птица вздрагивает, то это значит, что она угодна луд кузё. Затем хранитель луда берет в руки хлеб с воткнутыми в него деньгами и обращается лицем к югу. Тоже самое делают сзади его и все присутствующие, также держа хлебы в руках. Свою молитву хранитель луда начинает словами: „Осто Инмаре, с хлебом и солью поминаем мы Эсембай-луда". Окончив молитву, он кладет хлеб на стол, после чего начинается угощение. Собранные деньги (люгезь) идут отчасти в пользу луда, отчасти в пользу хранителя его. Последний однако не может употреблять их на нужды своих дочерей, иначе у них могут заболеть глаза.

Сбор жертвенных приношений производится местами в самой священной роще.

Обряды моления в луде. По окончании всех приготовлений приступают к обычному молению. В луд отправляются только старые и пожилые мужчины, неся с собой необходимые принасы, посуду—котлы, корыта и прочее; ведут с собой также и жертвенных животных. Подойдя к дверям луда, богомольцы приветствуют обитающего в нем духа, снимая шапки. Хранитель луда сам отпирает двери и первый входит в рощу, за ним молча следуют и остальные. Прежде всего зажигают огонь, обыкновенно на месте старого кострища. Для поддержания огня употребляются в дело упавшие в луде деревья, сгнившие пни и лежащие на земле ветки. По деревьям развешиваются священные полотенца для вытирания рук. Жертвенный стол, или постоянно хранимый в луде или приносимый сюда только на время моления, устилается зелеными ветками, летом березовыми, а осенью пихтовыми. Поверх веток он покрывается белым холстом, на который кладутся принесенные хлебы и блины. Если число молящихся в луде велико, то жертвенные приношения кладутся прямо на лужок, при чем под каждое блюдо, принадлежащее той или иной семье, постилается белый холст.

В некоторых местностях, как например в Оштормо-Юмье Мамадышского уезда, в луд ходят только луд-утись, парчась и те, кто давал обещание принести жертву, все же прочие во время моления остаются за изгородью.

Жертвенное животное обязательно должно быть одной масти, без всякого недостатка и неупотреблявшимся до сих пор в работу. Пред закланием делают над ним испытание. На его спину, начиная с головы, льют чрез зеленую ветку священную воду из ручья. При этом жрец читает про себя молитву, повторяемую им до тех пор, пока животное не вздрогнет, что считается признаком угодности его духу луда.

Когда желаемый признак бывает налицо, приступают к закланию животного; связывают ему ноги, валят на левый бок, перерезывают горло и оставляют его истекать

кровью, пока не потеряет сознание. В это время хранитель луда в полголоса читает молитву, держа в руках хлеб. Покончив с животным, начинают его обдирать и резать мясо согласно установленным правилам. Если жертвенных животных несколько, то мясо каждого из них варится в отдельном котле. В старину существовал обычай, сохранившийся местами и до сих пор, главнейшие части крупных животных отделять от прочего мяса. Так, по словам одного этнографа уши, сердце, легкие и жилы животного варились в одном котле, а прочее мясо в другом.

Главный обряд жертвоприношения, или самое предложение мяса духу луда, как и в куале, производится двояким способом: посредством сожжения в огне „тыласькон“ и посредством возношения „выла мычон“.

Первый способ в настоящее время приобрел повидимому первенствующее значение. Уже по словам старинных авторов во время жертвоприношения прежде чем начать угощаться вотяки бросали в огонь маленькие частички сваренного мяса, как то: уши, глаза, ноги, сердце, жилы и прочие внутренности; восточные вотяки жгли в огне кровь и жир от брюшины животного вместе с костями; кроме мяса в жертву приносили блины, медовщину и пиво, по немногу от которых тупо бросал и лил в огонь, говоря: «огонь, донеси это до Бога». Если при сгорании жертвы дым поднимался кверху, то это было хорошим признаком. По словам современных авторов при жертвоприношении в луде, кроме крови, в огонь бросают также части сердца, печени, клюв, копыта и пр.. В Мамадышском уезде хранитель луда после того, как сварится мясо, берет от него частичку, черпает ложку каши, наливает рюмку вина и все это бросает и льет в огонь. В том же Мамадышском уезде корме кумышки и хлеба, в огонь бросается часть сваренного сердце, языка, губ и все остатки пищи вместе с костями. Во всех вотских местностях распространен обычай выливать в огонь кровь жертвенного животного при самом же его заклании чрез березовые или пихтовые ветки,

Другим способом предложения жертвы духу луда является возношение „выла мычон“. Для этого устраивается маленький алтарь на подобие стола. Он ставится у корня какого-нибудь старого дерева, покрывается листьями или хвоей, а сверху холстом и называется „выла мычон дизэк“. По словам некоторых этнографов в луде бывает дощечка „выла мычон пул“, на которую кладутся березовые ветки. Что это за дощечка и как она устраивается, подробностей об этом не имеется. Среди восточных вотяков в большом употреблении столики, сделанные из березовых ветвей, сверху они покрываются летом березовыми листьями, а осенью хвоей. Поверх листьев и хвои разстилается обыкновенно белый холст. Но более древним следует признать обычай полагать жертвенные приношения прямо на ветви священного дерева. В одной маленькой деревне соседней с Можгой Бирского уезда, в луде нет деревьев, а поэтому при жертвоприношении в землю втыкается молодая березка, к ветвям которой привязывается чашка с блинами. Иногда предлагаемая жертва полагается на разостланный по земле белый холст.

В настоящее время вошло в обыкновение на жертвенный стол класть только хлеб, блины и иногда ставить немного медовщины и масла. В старину, когда хлебная жертва не имела большого значения, предметом возношения являлось главным образом мясо.

В Сарапульском уезде существует своеобразный обычай который можно признать за первоначальную форму обряда возношения. При молении в луде вотяки употребляют здесь березовый прутик, на который нанизывают части мяса: от головы, сердца, легких, печени и пр.. Этот прутик носит название „шачи-ньор“; к концу его привязывается размягченное лыко, к которому прикрепляется серебряный браслет или кольцо. В таком виде этот предмет напоминает собою хлыст. Во время моления хранитель луда держит этот хлыст за черенок, а тоpe за лыко. Судя по тем кусочкам мяса, какие на упомянутый прутик нанизы-

ваются, в старину он был повидимому своего рода жертвенным приношением.

Восточные вотяки во время молений в луде устраивают над костром особые козла летом из молодых березок, а осенью, из елок.

Назначение этих козел состоит в том, чтобы поддерживать котел, хотя последний в настоящее время на них не вещается. У березок, как воткнутых в землю, так и у поперечной, их соединяющей, на верхушках оставляются зеленые листья. Корень поперечной березки направлен бывает в ту сторону, куда жрец во время моления обращается лицем, то есть к священному дереву и стоящему пред ним жертвенному столу. В тех местностях, где жертвенного стола не употребляется, жертвенный хлеб кладется на постланный на земле холст. К березке козел, стоящей ближе к столу или холсту, постланному на земле, прислоняется маленький прутик, привязанный к ней вичкой. Прутик этот должен быть той же древесной породы, из какой сделаны козла. О значении такого прутика современное поколение ничего сказать не может. Но замечательно то, что вотяки называют его „выла мычон пьӧр". Никаких жертвенных частей по этот прутик однако не нанизывается.

Для уяснения смысла обрядового ритуала при жертвоприношениях в луде нельзя не отметить того обстоятельства, что словами „выла мычон" восточные вотяки обозначают части мяса животного, отдельно варящиеся в котле. К числу их относятся голова, сердце, шея, верхняя часть правой передней ноги и три правых ребра. Части эти во время моления съедаются жрецом и богомольцами наиболее почтенного возраста; вкушать их женщинам не разрешается. В настоящее время от этих частей отрезываются маленькие кусочки и бросаются в огонь, в древнее же время кусочки эти вероятно нанизывались на прутик, который прикреплялся затем к священному дереву, откуда и получилось название „выла мычон пьӧр". Подтверждение такому пред-

положению мы находим в показаниях некоторых этнографов утверждающих, что отрезываемые от сердца, печени и легких жертвенного животного маленькие кусочки бывают в двойном количестве, половина их бросается в огонь и половина кладется на жертвенный алтарь. Обычай нанизывать на прутик кусочки от главнейших частей жертвенного животного и прикреплять к священному дереву, как известно существовал и у лопарей. Отсюда является возможным предполагать, что начало такого обычая восходит еще к финноугорской эпохе.

В древнее время части жертвенного животного, предназначавшиеся для возношения, вероятно оставались неприкосновенными около священного дерева. Теперь же, когда самый обряд жертвоприношения изменился, вошло в обычай съедать их, по окончании жертвоприношения. Эту обязанность выполняет жрец один или вместе с другими богомольцами, наиболее престарелыми.

В тех лудах, где имеется куала, части возношения кладутся на жертвенную полку. В Казанской губернии хранитель луда, придя в рощу, берет хлеб и чашку с медом и ставит их в нкан, находящийся в куале. Чрез несколько времени он берет их оттуда и выставляет на стол. Потом взяв в руки, начинает молиться. По окончании молитвы он выносит их из куалы и дает отведать присутствующим. В Старой Юмье, где сохранилась куала в луде, существует только один обряд сожжения, обряд же возношения в настоящее время уже вышел из употребления, но что некогда он и здесь существовал, сомневаться в этом не приходится. В самом деле, разыскались в старину священные изображение духа луда, что представляется весьма вероятным, то несомненно они хранились вместе с посудой и деньгами в самой куале. Недаром эта куала и до настоящего времени является самым священным местом в луде, куда кроме жреца никто посторонний не может входить. Но если так, то вполне естественно, что части

жертвенного животного, предназначавшиеся для духа луда, во время моления должны были уноситься в куалу, каковое действие являлось по существу не чем иным, как обрядом возношения.

Отдав духу луда следуемую ему часть жертвы, остальное мясо и кашу парчаси делят по ровну между присутствующими. Затем каждый садится около своей чашки на землю, и начинается угощение. В Сарапульском уезде, после того как части жертвы сожжены, хранитель луда подносит мясо и кумышку к распорядителю праздника тёре, сидящему в это время за столом, покрытым ветками. Тёре, а за ним и другие старики, пробуют, после чего парчаси делят остальное между присутствующими по числу семейств, принимающих участие в молении.

По окончании угощения богомольцы встают в ряд, и хранитель луда в полголоса читает молитву. Содержание ея в разных местностях не одинаково, изменяясь в зависимости от тех нужд, какие обусловливаются данным моментом. Так, например, вотяки просят духа луда об избавлении от града, бури, болезней и прочих бед. После каждого прошения, излагаемого жрецом, коленопреклоненная толпа припикает челом к земле и произносит слово „аминь". Иногда для возбуждения настроения употребляется игра на струнном инструменте. При выходе из рощи богомольцы низко кланются в землю по направлению к кереметищу, говоря: „живи счастливо и охраняй нас".

Относительно стороны, в которую вотяки обращаются лицами во время молений в разных местностях существуют различные обычаи; одни из них более древнего, другие более позднего происхождения. Южные вотяки в последнее время начали подражать татарам, т. е. стали обращаться лицами к югу.

Очень распространенным также является обычай во время молитвы обращаться лицем на восток.

В некоторых местностях, напр., в Сарапульском уезде обращаются лицем на запад. Такой же обычай существует в деревне Можге Бирского уезда.

Все остатки от жертвенной пищи вотяки собирают обыкновенно в скатерть и уносят домой, где их могут есть женщины и дети. В Сарапульском уезде остатки жертвенного мяса и похлебки относятся в дом хранителя луда, куда со всей деревни собираются мужчины, женщины и девицы. Женщины приносят с собой также и кумышки. Пробуя ее, жрецы поют священные песни, в которых говорят, что „луд асаба“ обещал дать мир и благословение. Остатки пищи делятся между присутствующими. Такое угощение продолжается до 2 до 3 дней.

В древние времена остатки жертвенной пищи однако не уносились домой, как ныне. Об этом можно заключать на основании свидетельства одного старинного автора, который говорит, что вотяки и черемисы варят и съедают все жертвенное животное зараз, считая грехом оставлять хотя бы маленькую часть его несъеденной, а поэтому они нарочито приглашают к себе на моление столько именно человек, сколько потребно для того, чтобы все животное съесть сразу.

Негодные в пищу части жертвенных животных, как напр. кости и прочее в настоящее время по окончании моления сожигаются. Кожа и птичьи перья отдаются жрецу, который продает их тому, кто больше даст; вырученные деньги хранятся, как собственность луда до следующего моления. В старину с этими частями жертвенных животных поступали иначе. Так, восточные вотяки весили на дерево головные черепа у быков и весь остов у лошадей, а кожу уносили домой и продавали. В Сарапульском уезде кости жертвенного животного уносятся в лес, или складываются в липовое лукошко, которое тоже в сопровождении нескольких человек несет к ближайшей елке; туда же сносятся и колья, на которых во время моления висели котлы.

Кожу в прежнее время повидимому также весили на дерево. По словам одного старинного автора в восточной части священных рощ на деревьях, преимущественно на

березах и дубах, особенно почитаемых вотяками, висели разные кожи. Там, где русские усвоили себе привычку воровать, кожи эти обыкновенно разрезались на части. Обычай этот впрочем скоро вышел из употребления, потому что даже разрезывание кож на части не могло предохранить их от хищения.

В настоящее время ни в вотских ни в черемисских рощах таких кож нет, хотя в некоторых местностях Осинского и Бирского уезда можно видеть привязанными к деревьям на липовых веревках целые лошадиные остовы. Та осторожность, с какою вотяки обрашивают мясо жертвенных животных, стараясь не поломать их костей и та заботливость, с которою связывают они их так, чтобы каждая была на своем месте, свидетельствуют о том, что по мнению вотяков животное, посвящаемое кереметю, не умирает, а живым переходит в место своего назначения.

Заслуживающая внимания подробность в культе луда— это употребление свеч. По словам одних этнографов свечи эти прикрепляются к деревьям, по словам других к столу пред елкой.

Луд в Старой Кырге Осинского у. Пермской губ. а) дверь, б) кострище, в) дерево, на которое весят кости жертвенного животного.

Луд в Каймашебаше Бирского уезда Уфимской губ. а) дверь, б) костер, в) жертвенный стол, г) дерево, на которое весят кости жертвенного животного.

В жертву луду в разных местностях приносят различных животных: лошадей, овец, птиц и пр. в зависимости от местных обычаев и материального состояния жителей.

Сарапульские вотяки приносят в жертву черную овечку, а по словам одного автора козу. Лошади в качестве жертвы и теперь еще употребляются у восточных вотяков, в других же местностях они заменены менее ценными животными: овечками, гусями и утками, при этом, чтобы возместить недостаток усердия, по истечении известного срока устраивается моление с более обильными жертвами. Так, в Оштормо-Юмье Мамадышского уезда чрез каждые 6 лет бывает моление в луде, называемое „квать арес восяськон", во время которого приносится в жертву чалая лошадь, овца и гусь. Жители деревни в большом количестве являются на это моление, принося с собою хлеба, каши и кумышки.

В молениях по частным поводам выбор жертвенного животного производится ворожцом „туно". В Вятских епархиальных ведомостях за 1861 г. говорится, что жрец предварительно идет в рощу, куда кроме него никто другой не может входить. Там наедине при помощи разных способов он старается узнать, какое животное необходимо для жертвы. Иногда животное с требуемыми качествами оказывается на лицо у самого жреца, в таких случаях он назначает за него особенно высокую цену. Впрочем сначала можно ограничиться одним только обещанием жертвы. Это обещание сопровождается следующими обрядами: „туно" завертывает несколько медных монеток в тряпку, говоря при этом: „куплю тебе, кереметь, на эти деньги лошадь, дай здоровье больному". В ту же тряпку кладет он серебряную монетку, приговаривая: „серебром я украшу гриву твой лошади". Сюда же сыплет затем немного муки с словами: „я испеку тебе хлеб, если только дашь здоровье больному". Завязав все это в узелок, он привешивает его к крыше своей избы. Таких узелков, повешенных в напоминание о данном обещании, бывает иногда до 10 и больше. Если в состоянии больного не последует улучшения, то это значит, что кереметь требует принести ему жертву тотчас же, и жертвенное животное требуемой масти покупается на рынке.

Обещание принести жертву луду иногда дается в более простой обстановке. Хранитель луда с чашкой каши в руках идет во двор или в самую рощу и там молится, прося духа луда подождать, когда больной будет в состоянии исполнить свой обет. Этот обет может возобновляться. Молясь во дворе, хранитель луда оборачивается лицем в ту сторону, где находится роща.

В обрядах и верованиях, связанных с культом луда, многое свидетельствует о близких отношениях его к предкопочитанию. Так, 1) дух луда, являясь во сне, принимает образ человека; 2) он связан с определенным местом, вне которого ему нельзя приносить жертвы; 3) служение ему совершается родовыми общинами; 4) должность хранителя луда переходит от отца к сыну, а за отсутствием последнего к лицу, выбранному жрецом; 5) во время моления в некоторых местностях обращаются лицом на запад, также, как и на нашомйках по умершим; 6) жертвенное животное в Сарапульском уезде должно быть черного цвета:— все это такие признаки, которыми характеризуется и предкопочитание.

Предположительные мнения о происхождении культа луда.

Относительно культа луда, как и вообще других религиозных вотских обрядов, естественным представляется вопрос, следует ли его считать своим собственным для вотяков или заимствованным у других народностей. То обстоятельство, что дух луда во сне обыкновенно является в образе татарина, говорит повидимому за то, что почитание луда заимствовано от татар. То же самое утверждает и народное предание, записанное у Сарапульских вотяков. „В старые времена, говорится в этом преданни, татары, когда у них еще была другая вера, молились в луде. С принятием мухаммеданства, запретившего употреблять при богослужении свечи, они должны были оставить свои моления луду. Опечаленный луд, надев себе на голову платок необыкновенной красоты, отправился странствовать по свету, заявляя

всем встречным: „кто меня примет и будет мне молиться, тому я дам безконечное счастие". Несколько вотяков, соблазнившись его красивым платком, начали ему служить". Согласно другому преданию, татары резали однажды лошадь в жертву луду, при чем голову ея бросили в лес; вотяки подобрали ее здесь и с тех пор начали молиться луду.

К числу признаков не вотского происхождения луда могут быть отнесены следующие: 1) соблюдение безусловной чистоты, так как дух луда не терпит ни малейшей неопрятности; 2) запрещение хранителю луда вкушать свиное мясо, и 3) жертвоприношение лошадей, приурочиваемое исключительно к молениям в луде.

Предположение, что и у окружающих вотяков народностей существовали некогда моления, напоминающие собою культ луда, подтверждается историческими данными. Правда у татар мухаммедан, от которых по вотским преданиям культ этот взят, в настоящее время его не существует, хотя некоторые следы несомненно сохранялись еще в первой половине прошлого столетия. Зато у соседственных с вотяками языческих народностей—черемис и чувашей культ священных рощей и теперь еще существует. Эти рощи, равно как и живущего в них духа чуваши называют словом кереметь. Крещеные татары, лучше своих сородичей мухаммедан сохранившие свою языческую старину, под этим именем молятся мстительному и злому духу. Арабское слово „кереметь" (святое, неприкосновенное), прилагалось вероятно вначале только к священным рощам, но впоследствии стало означать и живущего в них духа. О тожестве чувашского кереметя с вотским духом луда свидетельствует упоминаемое в молениях луду имя Султон или Султан; этим именем чуваши называют своего кереметя. Арабское слово Султан — „князь", „владыка" может служить повидимому указанием также и на то, что в период зависимости от тюркских народностей среди вотяков распространено было религиозное почитание чужеземных правителей. О княжеском происхожде-

нии духа луда свидетельствует название его „луд асаба", т. е. господин луда, а также и то обстоятельство, что дух этот отличается особенной притязательностью и строгостью.

Как бы ни казалось естественным после всего вышесказанного заключить о не вотском происхождении культа луда, такое заключение все-же не может быть признано вполне основательным. Уже самое вотское слово луд, равно как и распространенное среди вотяков предание о существовании некогда у них своих героев-правителей которым они посвящали особые рощи, указывает на то, что с одинаковым правом можно было бы говорить и о вотском происхождении культа луда.

Следы существовавшего некогда у вотяков почитания предков-героев сохранились и до настоящего времени. В Бусурман Можге Елабужского уезда жителями 11 деревень справляются поминки в честь праотца Мардана. Храбрый Мардан в свое время пришел на жительство в Бусурман Можгу с севера. Каждые 3 года в жертву ему приносится лошадь, а жене его корова. Каждый год, кроме того, ему режут овечку. При жертвоприношении к Мардану обращаются с следующими словами: „Собравшись вместе, мы даем тебе лошадь; благодарим тебя за то, что ты дал нам добрых детей и хороший хлеб". Мольбище расположено под высокой елкой; называется оно не лудом, а „чекаськон киньты".

Общественные моления жителей нескольких деревень.

Между священными вотскими рощами сравнительно большей величественностью отличаются те, в которых происходят моления жителей нескольких деревень вместе. Такие рощи, переходя из рода в род, нередко насчитывают за собой столетнюю древность. Расположены они бывают обыкновенно на красивых видных местах, по возможности около

речек и ручьев. Внешний вид рощи с ея изгородью и высокими деревьями напоминает собою луд, так что на первый взгляд иногда их трудно бывает отличить друг от друга.

Однако при более внимательном осмотре некоторые особенности становятся заметными. Так уже по самым своим размерам рощи, предназначенные для общественных молений жителей нескольких деревень, значительно больше луда. Кроме того в их изгороди имеются двои или трои ворота, тогда как в луде они бывают обыкновенно одни. Обращает на себя внимание и то, что в этих рощах никогда не бывает куалы и особых внутренних загородок, выделяющих в луде наиболее священное место.

В виду сходства между общественными рощами и лудом большинство авторов, описывавших религиозный культ вотяков, не делают между ними различия, давая им одно общее название луд, или кереметь. Между тем, сами вотяки проводят строгую грань различия между лудами и другими рощами.

По крайней мере везде существует верование, что дух луда обитает в рощах, ему посвященных, и никогда в рощах для общественных молений, которые называются вотяками в отличие от лудов „будзым курискон инты".

Особенности замечаются и в самом жертвенном ритуале. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что рощи для общественных молений нескольких деревень бывают далеко не во всех деревнях, а только в родовых. Далее, моления в общественных рощах происходят не так часто, как в лудах. В них никогда не бывает молений по частным поводам. Самыя моления совершаются с большею торжественностью; жертвенные обряды затягиваются на несколько дней, обыкновенно на неделю; количество жервенных животных исчисляется десятками. В Сарапульском уезде в общественных молениях несколь-

ких деревень принимают участие не одни только мужчины, как в лудах, но и женщины и дети. Правда в некоторых местах женщины не всегда подобно мужчинам имеют право доступа в священную рощу, а вместе с детьми остаются за изгородью, где, стоя на коленях, принимают участие в общей молитве. Там же они и угощаются жертвенной пищей, которую мужчины выносят им из рощи. В Бирском уезде остаются за изгородью иногда и мужчины, почему либо не принимающие участия в молении.

Священные вотские рощи имеют не одинаковое значение в зависимости от того, как велико число селений, которым они принадлежат. Наибольшею известностью в Елабужском уезде пользуется роща в деревне Бусурман-Можге, где бывает моление, так называемое „Булда вось", и священная роща в д. Нырье Мамадышского уезда. Моление „Булда вось" справляется чрез каждые три года, и в нем принимают участие жители 11 деревень. Мольбище огорожено, в него ведет одна только дверь с западной стороны. Жерцов во время моления бывает трое; в качестве жертвенных животных употребляются: жеребец, черный бык, рыжая телка и пара белых гусей.

Еще с большею торжественностью справляется моление в деревне Нырье, где кроме вотяков Мамадышского уезда принимают участие и жители Вятской губернии. Священная роща здесь, расположена по склону холма в живописной местности. Среди нея возвышается старый дуб; кругом его расчищена поляна, по краям которой растут раскошные дубовые деревья. Роща обнесена изгородью, заботливо охраняемой. Двери, ведущие в нее, отпираются только один раз в три года, причем с особыми молитвами и жертвами предварительно испрашивается на это позволение. Самое моление в прежние времена продолжалось четверы сутки; днем молились, ночью ели жертвенное мясо и жгли кости. Для моления приобреталась также пара лебедей;

этим птицам вотяки кланялись в землю и по окончании моления отпускали их на волю. При этом несколько человек отправлялось их провожать до берега Вятки или Камы. Провожатые должны были упрашивать и задаривать береговых жителей, чтобы они не трогали священных птиц, так как лебеди по мнению вотяков молятся за них Богу, испрашивая счастия и урожая. Число жертвенных животных, закалавшихся в Нырьинском моленни по словам одного этнографа доходило до 60 голов. В жертву приносили 4 пары лошадей, пару быков и коров, около 50 штук овец и баранов. По словам другого этнографа число жертвенных животных было еще больше, а именно, не считая быков, одних коров приносилось до 80 голов, столько же лошадей и мелкого скота. Употреблялись также и денежные жертвоприношения, в роще была пустая лина, в которую многие из богомольцев опускали свои ленты.

В последнее время моленне в Нырье совершается уже не с такою торжественностью, как прежде. Количество жертвенных животных значительно сократилось, число паломников из отдаленных деревень год от году становится меньше, и теперь обыкновенно являются сюда только те, кому надо исполнить данный обет. Однако старое поколение живо хранит еще воспоминание о прежних празднествах, о грандиозных приготовлениях к ним, о безконечных вереницах жертвенных животных, о сотнях подвод с разряженными гостями, размещавшимися по соседним деревням. Во время моленнн, которое продолжалось неделю или две, днем и ночью в роще горел огонь; молодежь веселилась, старики в промежутках между обрядами жертвоприношения вели разговоры о важнейших событиях дня и предполагаемых в будущем молениях. В прежние времена устраивались даже ярмарки. С одушевлением разсказывают старики молодым, как в те времена в Нырье было весело и оживленно.

Сходство общественных молений с молениями в куале и луде.

Общественные моления нескольких деревень имеют сходство с молениями в куале и луде в том отношении, что они также являются родовыми. Только в данном случае мы имеем дело с родом, разросшимся до огромных размеров, охватившим собою несколько деревень и получившим особое название мер или эль, почему и самое моление называется мер вӧсь или эль вӧсь. Слова мер и эль, из которых первое известно и черемисам, имеют у вотяков значение исключительно религиозных терминов. Ими обозначается группа тех деревень, для которых одинаково обязательной является та или иная жертва. Так как в старые времена общественная жизнь вотяков стояла в тесной зависимости от религиозной, то можно предполагать, что в период вотской самостоятельности такие группы деревень, связанных между собою одними и теми же религиозными обязанностями и представлявшие из себя как бы своего рода приходские общины, имели большое значение, как одна из форм общественной жизни.

В Бирском уезде, где слово мер и до сих пор в употреблении, им обозначается вся совокупность лиц, принимающих участие в одном и том же молении. Так например, деревня Варяж Осинского уезда вместе с 7 соседними, которые молятся в одной с нею роще, составляет мер. Некоторые авторы слово мер производят от русского мир и название мер вӧсь переводят словами „мирское моленне“. Слово эль, по объясненю некоторых, означает округ из деревень, принимающих участие в одном и том же моленни. По словам других наоборот это слово обозначает совокупность жителей, принадлежащих к одному и тому же роду и имеющих одного родоначальника. В татарском языке, из которого это слово взято, эль, может означать и и деревню, и совокупность деревень, принадлежащих к одному роду, и также самое место жительства.

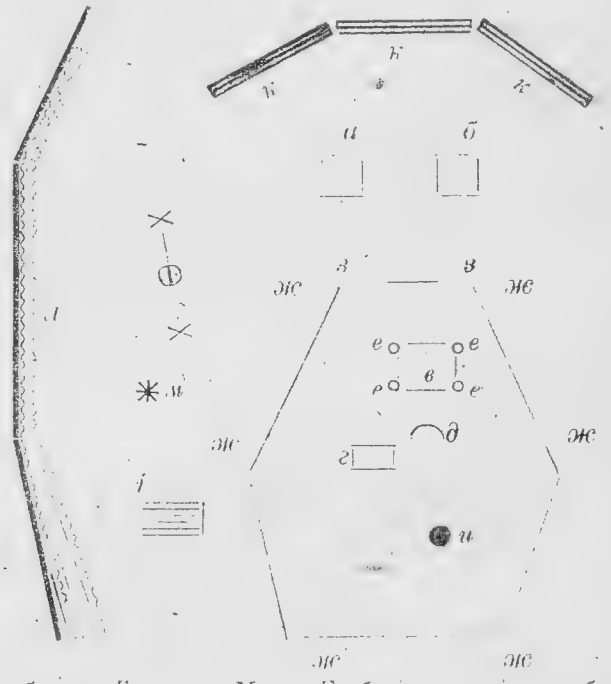
Во всяком случае не подлежит сомнению, что общественные моленния, в которых принимает участие несколько

деревень, первоначально совершались определенными родами. На это указывает уже то обстоятельство, что священные рощи находятся всегда в старинных родовых деревнях, куда и ходят молиться жители вновь выделившихся из них деревень, в которых больших молений никогда не бывает. Сами вотяки всех участников моления в роще считают принадлежащими к одному роду, называя их определенным именем. В Старой Уче Мамадышского уезда, находящейся в 10 верстах от Нырьи, Нырьинское моление называют Бервыл вӧсь, а богомольцев из соседних деревень, принимающих в нем участие, Бервыл калык. В свою очередь жители Нырьы называют Учинское моление Уча вӧсь, а участников его Уча калык. Согласно преданиям жители Учи в старые времена принимали участие в Нырьинском молении; напоминанием об этом служит и до сих пор сохранившийся обычай в случае болезни давать обещание принести жертву в Нырьинской роще, каковое обещание выполняется обыкновенно при общественных молениях, приуроченных к определенному времени.

В литературе имеется ценное указание на то, что общественные моления нескольких деревень приурачиваются не к определенному месту, а к тому или иному роду. В произведениях вотской народной словесности упоминается, что жители 11 деревень, принимающих участие в молении Булде, произошли от одного праотца Мардана.

Общественные моления вотяков подобно культу куалы делят их на большие и малые родовые общины. Представители малых общин, кроме своей священной рощи, которая помещается обыкновенно в их родовой деревне, молятся также еще в старинной роще, принадлежащей более крупной родовой общине. Так, например, жители 7 деревень Мамадышского уезда, имея для молений одну общую рощу в своей родовой деревне Старая Юмья, участвуют также и в молениях, устраиваемых в более древней по своему происхождению деревне Нырье. Подобным же образом вотяки 4 деревень Бирского уезда, посещая священную ро-

щу в своей родовой деревне Каймаше-баше, вместе с жителями 11 других деревень ходят еще молиться и в другую более деревню рощу в деревне Старая Кырга, где моление устраивается один раз в три года летом. Как в культе куалы, так и здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что представители старинных родов никогда не ходят молиться в рощи, принадлежащие позднее выделившимся из них поколениям, равным образом представители этих последних никогда не посещают для молитвы рощ, принадлежащих другим поколениям, одновременно с ними выделившимся. Таким образом и культ общественных моленийвотяков подобно культу куалы и луда может служить пособием к изучению истории колонизационного движения вотяков.



План мольбища в Бусурман Можге Елабужского уезда на берегу ручья: а) Стол для тёре; б) стол для его жены; в и г) столы для жертвенного мяса; д) место для костра; е) лицы; ж) деревья; з) вход; и) столб, к которому прибита икона; і) яма для костей; к) места для сидения народа; л) ручей; м) место для заклания животных; Х———Х огонь, над которым кипят котлы.

Так как общественные рощи, в которых происходят моления нескольких деревень, обыкновенно бывают очень древними, а новые устраиваются редко, то очень мало имеется сведений о том, какими обрядами сопровождается самое открытие таких рощ. Известно только что место для новых рощ указывается ворожеем „туно". Что у рощ позднейшего происхождения продолжает оставаться связь с их родовыми рощами, из которых они выделились, об этом свидетельствует то обстоятельство, что во время молений излишек денег, собранных в малых рощах, отделяется в пользу больших рощ.

В зависимости от той древности, какую имеет за собой та или иная роща, больше или меньше бывает число деревень, в ней молящихся. В некоторых старинных деревнях бывает по нескольку общественных рощ, основанных в разное время, при чем современное поколение не помнит уже тех обстоятельств, какие послужили поводом к основанию их. Так несколько рощ имеется в с. Можге Елабужского уезда. В одной из них происходит моление Булде; в другой около Мишкиного ручья—общественное моление, в котором принимают участие жители 11 деревень и которое справляется чрез каждые 3 года, продолжаясь от 4 до 5 дней; в третьей моление, так называемое „дэмен вӧсь" устраиваемое ежегодно с участием жителей из 3 деревень. Роща, предназначенная для „дэмен вӧсь" отличается от первых двух тем, что место для заклания жертвенного животного и яма, куда сваливаются кости его, огорожены. В качестве жертвенных животных при этом молении употребляются бык, молодая корова, жеребец или кобыла и пара гусей. Моления „Булда вӧсь" и „Мишка ошмес вӧсяськон" никогда не бывают одновременно в один и тот же год.

В Можге Бирского уезда также имеется несколько рощ. Чрез каждые 3 года во время цветения ржи здесь молятся попеременно в следующих трех местах: в осиновой роще „выжнум вӧсь" и в роще „кюньсэрек вӧсь". В первой

роще молится 15 деревень, во второй 12 и в третьей 3. В первой роще в жертву приносится 5 животных: белый гусь, доносящий молитву до Инмара, гнедой полуторагодовалый жеребенок Инмару, такой же жеребенок Богу хлеба Ю-кылчину, гнедая телка воршуду и черный бык Богу земли Му-кылчину. В двух последних рощах в жертву приносится только 3 животных: гусь, утка и телка. Кроме того ежегодно в конце июня в особой дубовой роще „Именлек" устраивается моление, в котором принимают участие 15 деревень. Жертвенные животные бывают те же самые, что и в осиновой роще.

Относительно должности жреца на общественных молениях трудно сказать, является ли она наследственною как в куале и луде, или выборною. В последнее время вошло в обычай для каждого из таких молений выбирать жреца посредством жребия. Только в Нырье жреческая должность является наследственной. В Сарапульском уезде во время общественных молений жрецом бывает будзым луд утись, выбранный ворожцем „туно". В Елабужском вообще замечается такой порядок, что при частных молениях обязанности жреца выполняются отцем семейства, при деревенских молениях—особым выборным человеком из жителей данной деревни, а при общественных молениях с участием нескольких деревень жрецом бывает особый вöсясь, выбираемый для этого на всю жизнь ворожцем „туно".

Обряды молений. Самое древнее описание общественного моления с участием жителей нескольких деревень имеется в одном документе, хранящемся в Вятском епархиальном архиве от 1836 г. Описанное здесь моление было устроено жителями 9 деревень Сарапульского уезда в июне месяце 19 числа 1836 г. Моление происходило в маленькой роще между деревнями Сосновкой и Бызиновой. По словам очевидца толпа богомольцев стояла кругом кудрявой ели; тут же была разложена жертвенная пища. Среди народа видны были жрецы, молящиеся под ветвями елки. В роще был сделан ма-

ненький стол, покрытый льняной скатертью. На столе были набросаны еловые ветки, на них стояла деревянная чашка с пищей и посуда с кумышкой. Другие чашки с пищей, которых было очень много, разставлены были на земле кругом стола и ели; в котле варилось мясо. Главный жрец стоял на коленях пред столом, обратившись лицем к елке. Никаких икон в роще не было. Около стола была выкопана между корнями ели глубокая яма, в которую сложены внутренности жертвенного животного. В одном печатном произведении, написанном 50 годами позднее помянутого документа, о тех же Сарапульских вотяках говорится, что общественные моления у них справляются в одних местах после вскрытия рек, в других около Троицына дня, в третьих в Петров день. В молениях участвуют жители 10-15 деревень. Жертвы приносят Инмару и Мукылчину. На молениях присутствуют не только мужчины и женщины, но и дети. Часть жертвенных приношений полагается на жертвенный стол, часть бросается в огонь.

Жертвенными животными числом до 15 голов бывает рогатый скот, овцы и гуси. По указанию „туно" их приносит в жерву будзым луд утись. Автор замечает в конце, что самые обряды ничем не отличают от тех, какие бывают при молении в луде.

Более полное описание современного нам обрядового ритуала при общественных молениях сделано одним этнографом из жизни вотяков того же Сарапульского уезда. Пред наступлением времени моления на сходке назначается день для него, производится сбор денег с души или дома на покупку жертвенного животного. Так как не всегда можно бывает достать на месте животных требуемой масти, то для отыскания и покупки их отправляется несколько человек. Покупать животных можно у кого угодно: и у русских и у татар. Цену всегда платят хорошую, нередко превышающую действительную стоимость животного. Для жертвы требуются черный бык, красная нетель и же-

ребенок подросток рыжей или саврасой масти. Черная масть животного требуется для Бога земли Му-кылчина или что то же для Бога хлебов Ю-кылчина. Красная масть нужна богу-ангелу Кылчин Ипмару, чтобы не было холодов. Жеребенок требуется богу грома и молнии, (имеется в виду пророк Илья), чтобы не было града и вредных ливней. Когда все необходимое для жертвы готово, мечут 7 жребиев. По первому выбирается вöсясь, по второму тылась, по третьему парчась, по четвертому и пятому разсыльные (кодок) и по седьмому заведующий котлами (пурты нуллысь).

В первый день в жертву приносится бык, которого приводят в рощу выше перечисленные должностные лица. Кроме того, от каждого дома сюда же приносится по одному яровому хлебцу, на хлебец бывает положена яичная лепешка, а на лепешке масло; требуется принести также бутылку кумышки. Всё это несет кто-нибудь из мужчин в деревянной чашке, завернув в белую скатерть. По приходе в рощу разводят огонь. На земле разстилают скатерть, на которые в порядке разставляют всё принесенное. Под скатерти кладут ветки хвойных или лиственных деревьев в зависимости от времени года. Потом вöсясь отливает из каждой бутылки понемногу кумышки в особую чашку. Затем все, сняв шапки, встают на колени, и вöсясь читает вслух молитвы над хлебами; по окончании молитв он передает хлебцы тылась. Последний, отрезав по частичке от каждого хлебца, бросает в особую яму, сделанную в земле. После этого каждый начинает отведывать свой хлебец. Также поступают и с кумышкой. Затем народ расходится по своим местам; молодежь играет: кто в орлянку, кто в карты, иные увиваются около девушек, другие толпятся кругом торговцев, продающих пряники, третьи слушают игру на гармони или гуслях. Женщины угощают мужчин и друг друга кумышкою своего приготовления. Вöсясь и прачаси между тем обмывают

жертвенного быка, выливая на него ковшем воду чрез древесную ветку. Если животное встряхивается, считают это хорошим признаком и, сняв шапку, произносят: „Оста Инмаре, благослови". Затем связывают животному ноги веревкой или лыком, и парчась режет, собирая в чашку кровь, которая потом варится. Зарезанного быка подвешивают к суку какого-нибудь ближайшего дерева, снимают кожу и расчленяют на части. Потом вöсясь варит бульон из мяса с кровью. Когда все поспеет, в чашку наливают бульона, положив туда же и мяса. Народу дают знак снова собраться на молитву, и вöсясь, взяв чашку с бульоном, громко молится. Потом передает чашку тыласю, который почерпнув из нея 3 ложки бульона, чрез древесную ветку выливает его в помянутую уже выше яму. После молитвы народ снова расходится, а вöсясь отпускает в бульон крупу и варит кашу; в это время другие совершители жертвоприношения пьют кумышку и хлебают бульон. Когда поспеет каша, опять созывают народ на молитву, при чем часть каши бросают в ямку чрез древесную ветку. После молитвы молодежь расходится, а старшие начинают делить кашу и мясо между участниками моления сообразно сделанному каждым денежному взносу. Покончив с разделом, садятся есть. Кости складывают в яму и засыпают землей. Потом встают на колени, снимают шапки и, поблагодарив Бога, расходятся по домам до следующего дня. На другой день приносят в жертву Кылчин-Инмару тёлку. Порядок моления тот же самый, что и в первый день. Особенность обрядов этого дня только в том, что части жертвы бросаются не в ямку, а в огонь. Обязательным считается также, чтобы все съестные припасы были свежие; принесенные накануне уже не годятся. Молятся в этот день все в шапках и без коленопреклонений, хотя пред окончанием молитвы, сняв шапки, делают один малый поклон менее поясного. Такой же поклон делается и перед березкой. В землю вкопачивают четыре сучка верхними концами вниз. На сучки кладут перекладины, на перекладины древесные прутья, та-

ким образом получается вид стола, который называется сюлыком. На этот сюлык полагают хлеб, а на хлеб кусок вареного мяса. Когда поспеет, каша, ее также в чашке ставят на стол. Вся эта церемония выставления жертвенной пищи на сюлык носит название „вылэ мычон". На сюлык ставится также в чашке мелкая мука, мед и разведенное толокно. Часть всех этих предметов, поставленных на сюлык, сжигается в огне. Потом кашу и мясо делят и раздают всем участникам моления соответственно количеству их взноса. Кашу и мясо едят тут-же, а что останется, то уносят домашним. Затем осматривают поверхность муки, и, если замечают на ней следы птиц или мышей, то заключают, что молитвы их были угодны Богу. Кости тылась и парчась уносят в сторону и вместе с листьями закапывают в землю, при чем говорят: „кияд-пыдаз кут". После этого пьют кумышку и с песнями расходятся по домам.

На третий день приносят в жертву жеребенка Матери грома. Обряды те же самые, только жертвенная пища на сюлык не выставляется, а части ея сжигаются в огне. Кости жертвенного животного, как и в первые два дня, закапываются в яму. Из того же Сарапульского уезда имеется любопытное своими подробностями описание языческого вотского моления в д. Миндери, на которое автору этого описания удалось пробраться, благодаря одному своему знакомому вотяку. Роща находилась на опушке леса в полуверсте от деревни. Хотя моление продолжалось уже пятый день и в жертву были принесены жеребенок, овечка и гусь, — толпы новых богомольцев всё еще прибывали. Каждый нес под пазухой берестовый кузов с хлебом, лепешкой, блинами, и кумышкой. На этот раз в жертву нужно было принести ягненка. При входе в рощу взору автора открылась своеобразная картина. Человек, не знавший предварительно, куда он идет, мог бы подумать, что он попал на ярмарку или какие-либо деревенские игры. С маленькой полянки на краю леса доносился неумолкаемый гул. По

середине стояли телеги с привязанными к ним выпряженными лошадями. Немного дальше виднелась толпа народа. Дети резвились, молодежь играла в деньги, девушки в своих нарядных платьях двигались взад и вперед. За ними ходили парни, угощая их сластями. Самое мольбище было в лесу. Около священной ели стоял стол, сделанный из ветвей и покрытый листьями, кругом него сидели мужчины, неподалеку такой же стол для женщин. У самого корня священного дерева укреплен был маленький столик с хлебцами, и чашкой кумышки. Около хлебца была поставлена тарелка, на которой лежала ветка хвойного дерева, свитая кольцом и горела приклеенная восковая свеча.

На священном дереве висели полотенца. На право от дерева лежали жертвенные приношения. При входе в рощу всякий доставал из своего кузова хлеб, лепешку, блины и бутылку кумышки, разставляя затем все это в порядке на постланный на земле холст.

Налево от священного дерева варилось мясо животного, зарезанного в жертву. Котлы висели на деревянных подставках. Тут же стоял ягненок, предназначенный в жертву. За столом впереди всех сидел тöре, личность играющая на молении видную роль. Кроме него в качестве должностных лиц на молении было два жреца „вöсяся", два резака „парчася", два рассыльных „кодок". Все жрецы были выбраны только на данный праздник. Когда сварилось мясо жертвенного животного, разсыльные созвали на молитву. Впереди всех встали жрецы с шапками на головах лицем к священному дереву. Вслед за ними в том же направлении выстроились в ряд мужчины, а сзади их женщины. Один из жрецов начал читать молитвы, держа в руках маленькую чашечку, куда из каждой посуды понемногу отлито было кумышки. Потом жрец вылил содержимое этой чашки в такую же чашку своего помощника, а этот последний вылил всё в огонь. После этого жрец подошел к столику у корня ели и прочитал здесь молитву, сопро-

вождая ее земным поклоном. Между тем резаки принялись доставать из котла мясо. Часть его была накрошена в две чашки, из которых одну поставили к корню ели, другую вместе с кумышкой поднесли к тёре. Этот последний, помолившись над пищей, вместе с жрецами и наиболее почтенными по возрасту стариками стал ее пробовать. Тем временем народ собрался к тому месту, где лежали жертвенные приношения. Резаки принялись делить мясо, выдавая каждому следующую ему часть. Получив свою долю, мужчины и женщины вместе с своими семьями уселись на землю, и началась трапеза. Женщины подчивали своих родственников и соседей кумышкой. По окончании угощения разсыльные позвали народ на молитву. Молитва на этот раз была с коленопреклонением.

Вскоре же после этого приступили к закланию нового жертвенного животного, т. е. ягненка, который стоял привязанным невдали от котлов. Двое из числа должностных лиц обмыли его и отвели к стоящему около дерева корыту, где положены были на земле хлеб, соль и стояла посуда с кумышкой. При заклании голову животного держали над корытом, и кровь стекала прямо в него. Ни жрецов ни народа в это время вблизи не было. Повесив зарезанную овечку на дерево, начали ее обдирать, выпустили из нея внутренности и приготовили из них особое кушанье. Потом один из резаков принялся коптить над костром голову ягненка, которая затем вместе с костями была зарыта в землю. После этого снова начали молиться. По окончании молитвы в огонь брошен был хлеб, соль и вылита кумышка. Когда все сгорело, жрец заявил, что душа жертвенного животного поднялась на небо, как дым от костра. Мясо сложили в котел вариться до следующего дня. Скоро в отдалении послышались звуки гуслей, начались игры и песни, которые продолжались до тех пор, пока не разошлись все по домам.

От 1856 г. имеется описание моления у вотяков Мал-

мыжского уезда. Характерною особенностью его является способ узнавания угодности Богу жертвенного животного и старинный обряд возношения (выло мычон). Весеною после вскрытия рек или осенью после уборки хлебов вотяки нескольких деревень собираются вместе, чтобы принести жертву. Животное выбирается по указанию жреца, который не задолго до моления идет в лес, чтобы узнать, какое животное угодно Богу. По возвращении отеюда он обыкновенно заявляет, что видел, как Бог вихрем промчался там мимо на белом быке. На этом основании вотяки заключают, что Богу нужен белый бык. Равным образом если жрецу Бог явится верхом на черной овечке или сером гусе, то это значит, что такие именно животные и нужны Богу. Иногда жрец указывает признаки такого животного, какое у него имеется, тогда его покупают у жреца, а последний, пользуясь случаем, берет за него высокую цену. Заклание животного бывает в роще около жертвенного костра. Читая молитвы с шапкою на голове, жрец бросает в огонь немного пива и льет немного крови и несколько капель кумышки, после чего все молящиеся поют хором и пляшут кругом костра. Окончив песни и танцы, весят на дерево внутренности животного, часть кишек и в первую очередь сердце, которое по мнению вотяков особенно угодно Богу. Мясо животного варят и едят все вместе. По окончании жертвенных обрядов начинаются увеселения: катания на парах и тройках лошадей и пр. В таких увеселениях проходит целая неделя. Остатки жертвенных мяс уносятся домой. Бедные покупают кишки, чистят их и делают из них особое кушанье.

В некоторых местностях к описанному празднеству присоединяется еще поминовение умерших. Так было например по описанию одного этнографа в 1884 г. в Елабужском уезде на празднике Вулды, продолжавшемся в течение целой недели. Празднование началось на другой день после Петра и Павла; в этот день вотяки резали за дерев-

ней на лугу овечку и варили в память об умерших. Среди луга был поставлен берестовый короб с кровью жертвенного животного. Каждый из присутствующих бросал в этот короб понемногу поминальных блинов, лил кумышки и мясной похлебки. По окончании поминовения короб оставляли на лужайке, и содержимое его съедалось собаками.

На другой день утром все вымылись в бане. Жрецы опять отправились в мольбище. Понемногу стал сходиться туда и народ. Самое мольбище было расположено по склону горы в безлесной местности. Только посредине его стояла сухая береза и вправо от нея липа. При входе автора в мольбище около березы стояла небольшая толпа народа, среди которой выделялись жрецы в своих белых одеждах. В некотором отдалении от толпы мужчин стояли женщины. Под березой был зажжен огонь, над которым поставлены козла для подвешивания котлов. К югу от священного дерева шагах в 60 в землю были воткнуты 3 молодых березки, перед которыми стоял стол. От одной березки до другой были протянуты веревки, на них повешены полотенца с расшитыми концами. Полотенец было так много, что образовалась как бы одна сплошная стена. На левой крайней березке на высоте человеческого роста из ветвей было сплетено гнездо вроде птичьего гнезда, на котором стояла тарелка, покрытая полотенцем. На эту тарелку жрецем положено было жертвенное мясо. На столе пред березкой стояло до 20 посудин с кумышкой. На земле, устланной ветвями орешника, стояли чашки с блинами и лепешками, вымазанными маслом с яицами. Эта разставленная на земле посуда занимала пространство шириною сажени в три. Пред столом были две скамейки, предназначенные для стариков. Четыре жреца в белых одеждах без шапок заняты были какими то приготовлениями. Когда начали читать молитву, народ встал на колени пред столом. Старший жрец, стоявший по левую сторону, взял в руки чашку с кумышкой и, читая молитву, несколько раз поднимал ее кверху. У остальных жрецев в руках были у кого

чашка, у кого ковшик. Время от времени молитва прерывалась словом „аминь“ которое повторялось всеми присутствующими. Окончив молитву, жрецы направились к костру; при этом вместо того, чтобы повернуться налево, что было проще, они сделали полный оборот направо и двинулись вереницей друг за другом с старшим жрецом во главе. У костра опять прочитали молитву, выливши немного кумышки в огонь. Потом, сделав полный оборот направо, жрецы снова направились к столу, однако на этот раз впереди шел тот из них, кто до сего времени стоял позади. Подойдя к столу, главный жрец отпил немного кумышки и дал попробовать своему помощнику, после чего стали пробовать ее и все остальные присутствующие. Во время молитвы на голове жреца по мухаммеданскому обычаю было повязано полотенце. В другом месте автор говорит, что отличительным признаком должности жреца, кроме полотенца, является раздвоенная березовая ветка, которую он кладет себе на шею таким образом, что одна половина ея лежит на правом плече, а другая на левом.

Из других обрядов жертвоприношения останавливает на себе внимание обычай вырезывать из каждого жертвенного хлебца по кусочку, которые раскладываются по 6 чашкам. Содержимое этих последних частью бросается в огонь, частью съедается жрецами. Заслуживает упоминания также и то, что при сборе денег жрец встает на колени, на колени же встает и жертвователь. Жертвуемые деньги нельзя давать голыми руками, а обязательно нужно прихватить краем рукава.

Вообще в обрядах жертвоприношения в каждых отдельных местностях имеются свои особенности. Так у восточных вотяков существует обычай весить на деревьях в роще кости крупных животных, у них же согласно установившемуся обычаю, если кто нибудь из семейных не имеет возможности явиться на моление, то оставаясь дома, он не должен заниматься какою-нибудь работою. Во всех вотских местностях, пока продолжается моление, жрецы день

и ночь находятся в роще, так как жертвенный огонь все время должен гореть, не угасая. В дождливые и холодные ночи жрецы устраивают себе палатки.

В Елабужском уезде, как было выше упомянуто, моление начинается с поминок. В Казанской губернии также существует обычай по случаю моления устраивать и поминки по умершим. Вот например какие жертвы приносятся в Старой Юмье Мамадышского уезда во время общественного моления с участием нескольких деревень: в первый день колют жеребенка Инмару, белаго теленка богу хлебов (Ю—кылчину) и черного ягненка умершим. На другой день приносят в жертву быка Богу земли (Мукылчину) и в этот же день выполняют обеты, данные в последние три года. На третий день режется белая овечка в жертву Матери Солнца (Шунды мумы) и белый теленок в жертву Богу судьбы (Каба—Инмар). В заключение кроме того приносятся в жертву гусь и утка.

Хотя поминки устраиваются в той же самой роще, однако самые обряды их справляются у особого костра и в особом месте. Как всегда при поминках, и здесь употребляются также восковые свечи и корыто, в которое каждый член семьи бросает кусочки пищи. При закалании животного и чтении молитв стоят лицом к северу, как и вообще при молениях, так называемых „валлань вандон". Осататки жертвы сожигаются в огне.

Почитание умерших очевидно является элементом посторонним в культе общественных молений, так как эти последние вообще назначаются главным образом могучим божествам природы. Среди таких божеств первое место принадлежит Инмару, которому приосят в жертву лошадь, обращаясь лицом по мухаммеданскому обычаю к югу. На ряду с Инмаром почитается также Кылчин—Инмар, ему жертвуется также лошадь. Богу земли, Мукылчину, режут черного быка или овечку. Мелкие животные приносятся в жертву Богу судьбы, Каба—инмару, и Богу—докладчику, Аляк—инмару. Кроме того жертвы приносятся Богу хлебов,

Ю—кылчину, Матери грома, Гудыри мумы, и Матери солнца, Шунды мумы. Впрочем не всем этим божествам при каждом моленьи считается обязательным приносить жертвы, а только выбранным из них. Выбор между этими божествами и приносимыми им в жертву животными в разных местностях бывает различен. Общим правилом считается только, чтобы каждому божеству посвящалось особое животное, поэтому количество богов, которым приносятся жертвы при молениях, находится всегда в зависимости от числа имеющихся в распоряженьи домашних животных.

Не одинаково в разных местах бывает и время для общественных молений. Большею частью эти моления устраиваются среди лета; только в Осинском уезде они справляются поздней осенью, когда начнет устанавливаться дорога. Чаще всего они бывают около Петрова дня, причем с ними совпадает летнее празднованье в куале „квар сур". В некоторых местностях, как например, в Можге Бирского уезда в самый день праздника утром молятся в куале, а затем отправляются в рощу, так называемую „Шемлэк".

Человекообразные духи и служение им.

Вотские божества и духи, почитаемые на ряду с умершими, могут быть разделены на две категории: к первой принадлежат человекообразные существа, ко второй олицетворения природы.

К человекообразным существам относятся главным образом духи, обитающие в доме, в лесу и воде.

В разряд духов дома входят духи, живущие в избе, хлеве и бане.

Духа, обитающего в избе, вотяки называют, „Корка мурт" или „Корка кузё". В Казанской губ. его называют иногда „Урт кузё", в Сарапульском уезде „Бустурган". Обычным местом пребывания духа избы **Корка мурт.**

является подполье, почему его и называют еще „выж-уд кузе“. Как можно заключать уже на основании слова „мурт“, это существо человекообразное. По словам вотяков дух избы является очень редко, при чем явление его обыкновенно предвещает смерть или какое-нибудь несчастье. Странно, что иногда он принимает вид самого хозяина дома. Корка мурт в общем доброе и полезное существо. Он охраняет семью хозяина от чужих домовых и всячески оберегает дом. Иногда он принимает участье и в человеческих делах; по словам вотяков ночью, напримерь, он прядет, если та или иная женщина в семье за день не успеет исполнить своего урока. Когда корка мурт сердится, то мучит во сне людей кошмаром, путает им волосы в голове и бороде и вредит успеху их работ. Маленьких детей вотяки никогда не оставляют одних дома, потомучто корка мурт может подменить.

Когда так или иначе становится известно, что корка мурт гневается, тотчас же нужно его умилостивить жертвою. В жертву вотяки приносят ему черную овечку, которую режут в подполье. Жертва ему называется поэтому „гулбече вандон“ а жертвенное животное „гулбеч така“. Жрецем бывает глава дома, и участие в молении принимают только члены его семьи, так как угощать жертвенной пищей чужих не полагается. Части мяса, предназначенные корка-мурту, а также и кости, закапываются в яму. Жертвенная пища варится и с'едается обыкновенно в избе.

Кроме жертвоприношений по частным поводам, корка-мурту местами устраиваются моления и в определенные сроки. Вотяки Сарапульского уезда приносят в жертву корка-мурту гуся и утку и варят кашу осенью по окончании полевых работ. Кости птиц и ложка каши кладутся в сделанную в земле ямку. При этом читается следующая молитва: Остэ Инмаре, великий Инмаре, жертвую гуся дедушке, живущему под полом. Не пугай нас, прими нашу жертву благосклонно. Дай нам семейного мира и счастия. Дай успеха в посеянном хлебе“. В том же Сарапульском

уезде в д. Бодье в жертву корка мурту приносят барана пред Покровом. На этот раз вместо корка мурта, как бы следовало ожидать, упоминают Мукылчина. В Бирском и Осинском уездах в одних местностях корка-мурту молятся осенью, в других летом за неделю до Петрова дня, когда обыкновенно пригоняют домой овец для стрижки. Если подходящего для жертвы животного не оказывается в стаде, то жертвоприношение может быть отложено на время. При этом варят кашу и делают обещание. Часть каши закапывается в подполье.

Обязательным бывает жертвоприношение корка-мурту в том случае, когда вотяк переходит на жительство в новую избу. Новоселье у вотяков везде носит характер праздника. В Казанской губернии его называют „корка-сюан", в Глазовском и Сарапульском уездах „корка-сектан" или „корка-мурт сектан". По этому случаю все родственники и знакомые в большом числе являются с подарками. Самый важный обряд праздника — это заклание животного в подполье новой избы. В Сарапульском уезде при новоселии хозяин вместе с женой идет в подполье, неся с собой блины, кумышку и молодую елочку. Здесь они делают обещание (гудбече сизиськон). Хозяин ставит елочку в угол, отламывает от нея ветку и встает на колени. Хозяйка разстилает по земле скатерть и ставит на нее блины, потом наливает в чарку кумышки и подает мужу. Последний, держа в правой руке рюмку, а в левой ветку, читает молитву Инмару, прося у него счастливой жизни в новой избе до старости и самой смерти; при этом обещает принести в жертву черную овечку и других четвероногих. Окончив молитву, он пьет кумышку и отведывает блинов. Обещанная жертва впоследствии приносится или в избе или в подполье. Пока варится мясо, хозяин просит для предстоящей жизни в новой избе счастия, богатства и всяких благ, обращая при этом внимание на то, что в данном случае он исполняет свое обещание.

Кости жертвенного животного закапываются в землю. Моление носит название „гулбече така вöсян".

В некоторых местностях Сарапульского уезда при новоселье дается обещание принести жертву Мукыличину; это обещание выполняется в следующую же осень. В самый день жертвоприношения не разрешается давать что-либо из дома. Животное закалают не на голой земле, а предварительно подстилают под него хвойные ветки. Некоторыя части животного, как например, правая лопатка, ребро, голова, ноги, легкое и печень варятся отдельно. Частички от всех жертвенных яств закапываются в подполье.

В Казанской губернии существует обычай приносить в жертву корка-кузё также черную овечку и домашних птиц, кроме куриц.

При выборе места для жилища вотяки обращают внимание на то, чтобы оно не оказалось там, где живут злые духи. Задумав строить себе новое жилище, вотяк обращается к ворожцу, прося его указать счастливое для этого место. Если на месте, выбранном для постройки, имеется какая-нибудь тропинка, то вотяки Осинского уезда жгут на ней солому, чтобы злые духи не могли по ней ходить. Вотяки Казанской губернии приступают к постройке новой избы тотчас же, как только сложена бывает печь: иначе в ней может поселиться Пери и тогда уже трудно будет его выжить оттуда.

Гидь-кузё.

Духа, живущего в хлеве, вотяки называют гидь-муртом или гидь-кузё. Подобно домовому это также добрый человекообразный дух. Он заботится о скоте и его приросте, охраняет его от хищных зверей и болезней, печется также о его пропитании. По верованию вотяков он гоняет других гидь-муртов, которые приходят из соседних хлевов воровать корм у скота. Главным местом пребывания гидь-мурта у Глазовских вотяков считается конюшня. Гидь-мурт ухаживает за своими любимыми лошадьми, кормит их иногда заплетает им гривы и хвосты. Не любимых же

лошадей он мучит, заезживает их по ночам до изнеможения. В преданиях разсказывается, как один хозяин вымазал спину своей лошади смолой. На другой день утром, придя в конюшню, он увидел на спине лошади маленького старика величиною с поларшина. По другим преданиям гидь-мурт является в образе медведя, оставляя после себя следы медвежьих лап.

Гидь-мурту также как и корка-мурту приносятся жертвы по частным поводам и в определенные сроки. В случае заболевания коровы вотяки Бирского уезда гидь-мурту приносят в жертву в хлеве глухаря, а в случае заболевания лошади пару щук. В некоторых местностях жертвоприношение щук в хлеве устраивается для того, чтобы придать лошадиной масти такой же лоск, каким отличается щучья чешуя. В таких случаях рыбу обыкновенно не варят, а прямо закапывают в землю.

Приуроченные к определенным срокам ежегодные жертвы гидь-мурту приносятся обыкновенно весною пред выгоном скота на пастбище и осенью, когда его снова загоняют в хлев. В большинстве местностей весною дается только обещание с хлебом и кашей, самое же моление устраивается осенью, если скот возвратится с пастбища здоровым и даст приплод. Жертвоприношение, в котором могут принимать участие только члены семьи, очень напоминает собою выше описанное моление в подполье: особенность его только в том, что части мяса, предназначаемые гидь-кузё, закапываются в землю на скотном дворе, а не в подполье. При молении гидь-кузё ямка на скотном дворе выкапывается около столба, поддерживающего крышу. В молитве читаемой по этому случаю содержится прошение о том, чтобы скотный двор наполнился жирными лошадями и молочными коровами.

К одному разряду с корка-муртом и гидь-муртом Мунча-мур должен быть отнесен „мунча-мурт" или „мунча-кузё". В Глазовском уезде его называют также тодь-муртом. Он живет в бане в темном углу за печкой, имеет вид малень-

кого человека средних лет, одетого в белую одежду и лапти. В Сарапульском уезде его представляют одноглазым существом с длинными волосами. Мунчо-мурт может кричать и плакать, как грудной ребенок. Явление его людям предвещает какое-нибудь несчастие. По представлению вотяков Казанской губернии, а также других южных местностей он имеет наружность маленького волосатого карлика. Мунчо-мурт любит устраивать козни тем, кто моется в бане; он подспрятывает их нижнюю одежду, завязывает рукава у рубашки, выворачивает ее на другую сторону, чтобы труднее было одеваться. По своей природе это существо более злое, чем выше упомянутые домовые духи; поэтому не годится ходить в баню по одиночке, а также громко говорить в ней и браниться. Подобно корка-мурту мунчо-мурт может подменивать детей. Предохранительным средством от этого может служить железо или кусочек другого металла, употребляемые в качестве амулетов. Жертв мунчо-мурту вообще не приносится, но в Казанской губернии ему молятся в новой бане.

Кроме перечисленных домовых духов, имеются еще и другие существа, которые впрочем не во всех вотских местностях известны. Таков, например, в Глазовском и Сарапульском уездах „обинь-мурт“, которому молятся осенью на гумне, чтобы он не сердился и не пугал людей, а хранил овин от пожаров и ветров. Моление это, известное большею частью под именем икем или птиц вось, бывает и в тех вотских местностях, где не знают ничего о существовании особого духа овина. Жертвенное животное, утка, гусь или овечка закалывается главою семьи в самом овине или на ладони пред ним, куда выливается также и кровь животного. Мясо варится в избе, а потом выносится снова на овин, где читаются над ним молитвы. Остатки жертвы и кости закапываются в землю. В старину такое моление совершалось повидимому в более торжественной обстановке. В описании одного из таких молений в Мал-

мыжском уезде от 1842 г. говориться, что в жертву была принесена лошадь. Кроме кровавых жертв, по окончании молотьбы в пользу духа овина оставляется особый сноп, привязываемый к кровельной балке овина.

К числу домовых духов должны быть отнесены наконец еще два: Албасты, злое существо, по представлению южных вотяков обитающее в нежилых помещениях, и Нуллыськась, известный Сарапульским вотякам. Чтобы избавиться от вреда, причиняемого духом-Албасты, вотяки стараются как можно скорее разламывать или сжигать все старые непригодные для житья остатки жилых помещений. Что касается Нуллыскися, то по разсказам он имеет вид кошки и обыкновенно помогает своему хозяину воровать хлеб из чужих амбаров. О человеческом происхождении этого духа свидетельствует имеющееся у вотяков верование, что если убить кошку, то вместе с нею умрет и хозяин этой кошки—Нулыськися. Ни Албасты ни Нуллыськисю жертв не приносится.

Верования в выше указанных домовых являются результатом заимствований, сделанных вотяками из культур соседственных им народов и притом заимствований сравнительно позднего времени. Уже название корка-мурт свидетельствует, что этот дух не мог существовать у вотяков тогда, когда они жили в куалах, так как в этих последних не было подполья, где ему обыкновенно производится служение. Что касается гидь-кузё, то известно, что в древнее время вотяки покровителями скоткого двора считали умерших предков.

Нюлэс-мурт

Подобно домовым не вотским по происхождению следует признать и верование вотяков в духов леса. Самым распространенным названием этих духов является „Чатча-мурт“ или „Нюлэс-мурт“. В Глазовском уезде леший известен под именем „Нюлэс-нюня“ в Сарапульском—Нюлэс-утие в Уржумском – Обида. По своему внешнему виду и образу жизни леший очень напоминает собою человека, но обыкновенно он имеет один глаз и обладает способностью удли-

нять и укорачивать свой рост, хотя меньше человека он никогда не бывает. В обыкновенном своем виде он имеет голову на одном уровне с самыми высокими деревьями. В Глазовском уезде леший зовется за свой высокий рост Вадзым-нюня. В лесу у него имеется дом, семья, множество богатства, золота, серебра и скота. В вихре бури невидимо переносится он с одного места на другое. По словам Глазовских вотяков лешие празднуют в лесах свои свадьбы, которые бывают у них два раза в году: летом и зимою. Во время этих свадеб лешие с таким сильным вихрем носятся по лесу, что слышен только треск деревьев. Леший любит заманивать к себе людей, особенно малолетних ребят. Иногда он сбивает в лесу с дороги скот или садится на него и с быстротою вихря носится на нем по лесу. Он очень силен, но не умен, поэтому для человека осторожного опасности большой не представляет. Часто он даже помогает человеку: доставляет ему дичь, охраняет его скот в лесу, помогает заниматься пчеловодством и пр.

Как и домовым духам, лешему приносятся жертвы, хотя в последнее время они год от году становятся всё реже и реже; главная причина этому исчезновение лесов. В настоящее время жертвы лешему приносятся главным образом в северных местах жительства вотяков, где сохранились еще леса. В Сарапульском уезде люлэс-мурту приносят в жертву осенью в лесу под елкой вино, хлеб и быка или серого барана. Жертвенные обряды выполняются избранными лицами: жрецом, кошеваром и резаком. При жертвоприношении в некоторых местностях хлеб кладут на ветки дерева. Особенность моления в том, что во время его поминают и умерших, в жертву которым приносится утка. В одной молитве лешему говорится: „Леший, дай мне дичи, белок, лисиц, медведей. Дай также пчел, направь их в сделанный мною улей. Я тебе тоже кое-что подарю".

В Глазовском уезде жертва лешему приносится для того, чтобы он сберег скот. Весною, когда выгоняют скот

на луга, глава семьи читает следующую молитву: „Будзым нюня, нюлэс нюня! Вот мы выгоняем скот в луга, а потом начнем пахать, поэтому даем тебе жертву. Храни скот от зверей и дурных людей. Скот наш будет проходит чрез 12 рек, чрез 12 логов; береги его и охраняй от болезней и всякаго зла". Жертвенная каша, приготовляемая по этому случаю, в берестяном бураке уносится к полевой изгороди. Осенью, когда стада обратно пригоняются в хлева, устраивается жертвоприношение, известное под именем „пирдан сётон". В жертву приносится серый гусь, которого закалают вблизи леса. Лешего благодарят при этом за то, что он хорошо охранял скот летом.

У бесермян также существует обычай приносить в жертву лешему (чатча-мурту) гуся. Жертвоприношение бывает осенью где-нибудь на опушке леса, в веселом ельнике. Для этого устраивается там нечто в роде стола. Покрыв это подобие стола скатертью, ставят на него две чашки, в одной бывает каша, в другой гусиное мясо. Лешего умоляют быть милостивым к людям и животным, проходящим по лесу. В особенности просят его не пугать их.

Приносят лешему жертвы и по частным поводам, напр. охотники при отправлении на охоту. В Сарапульском уезде ему приносят иногда по случаю бури в жертву утку. Молятся ему также во время болезней по указанию ворожца. У бесермян по этому случаю варится каша. Жертвы, приносимые лешему по частным поводам, Глазовские вотяки называют „сюн потон". Ритуал моления очень напоминает собой моление усопшим. Жертвенная пища лесным духам так же, как и умершим, выносится к полевым воротам. Число блинов, приготовляемых для этого хозяйкой дома, обязательно должно быть нечетное: три, пять, семь и т. д. Плохим признаком считается, если идущему в лес молиться попадется кто-нибудь навстречу, поэтому таких встреч стараются избегать. По возвращении из леса домой, приносивший жертву, не говоря ни слова, должен пройти прямо к шестку и вытереть

руки золой; только уже после этого он может подойти к своим родным.

К числу лесных духов, претендующих на жертвы, относится и луд-мурт, которого мы не должны смешивать с упоминавшимися выше луд-кузё и луд-асаба. Луд мурт известен главным образом в Глазовском уезде. Он представляет из себя карлика ростом с пятилетнего ребенка. Подобно нюлэс-мурту он может иногда удлиннять или укорачивать свой рост. Рост его бывает равен то высоким колосьям ржи, то низким стеблям травы, в зависимости от того, чрез которые из них ему приходиться проходить, поэтому не легко бывает его увидать. Одежда у него белая. Живет он чаще всего в лугах, где и охраняет пасущиеся стада. Жертвы ему приносятся только по частным поводам и то очень редко. Весною, когда скот в первый раз выгоняется на пастбище, хозяин молится ему в шапке говоря: „хорошенько смотри за скотом, гоняй его на хорошие пастбища и не давай в добычу хищным зверям".

Кроме перечисленных божеств, у вотяков имеется еще целый ряд лесных духов, которым они молятся, но жертв не приносят. Таков например известный везде Палэс-мурт (получеловек). Это также человекообразное существо, но только наполовину. Так, у него один глаз, одна нога, одна рука, один сосок на груди, который настолько велик, что когда он кладет его в рот человеку, то последний задыхается. Палэс-мурт не особенно страшное существо, потому что он не ест людей. Он только пугает своим криком одиноких путников, запоздавших в лесу. В Елабужском уезде существует поверпэ, что если случится пролить хоть одну каплю крови Палэс-мурта, то из нея образуется новый Палэс-мурт.

Более злобным существом является лесной, человекообразный, мохнатый карлик, известный у южных вотяков под именем Шурали. На руках у него имеется только по три пальца. По ночам он кричит в лесу, сбивает путников с дороги и заводит их к себе. Иногда он нападает на

человека, щекочет его и заставляет плясать до изнеможения. Иногда садится верхом на лошадь и бешено носится по полям пока животное совсем не обезсилеет.

К числу злых духов относится Искал-пинё-мурт, по самому имени которого можно заключать о его наружности. Верхняя половина туловища этого существа покрыта обыкновенной мужицкой одеждой; нижняя половина—ноги, покрыты шерстью и заканчиваются копытами. Среди других лесных духов Искал-пинё-мурт выделяется своею свирепостью; по верованию вотяков он может есть людей.

В Сарапульском уезде известны еще Бабасыр-лесной черт, издающий особые крики, Кузь-пинё-мурт, во рту у которого имеются кровожадные зубы и Кукри-баба, нечто в роде русской людоедки бабы-яги.

К злым духам относится также Убыр, душа умершего колдуна. Убыр выходит из могилы, чтобы пить кровь у живых людей. Вотяки называют его также кулэм-убыр. На теле, из которого убыр высосал кров, остаются синие пятна. Убыр выедает также зародыши из чрева матерей. В воздухе он носится в образе огненного змея или метеора. Если кто при виде его успеет оторвать завязки у своего ворота, убыр теряет силу, падает на землю и даже соединяется с этим человеком, после чего последний начинает летать в свою очередь в виде огненного змея. Затмения солнца и луны по мнению вотяков происходят оттого, что их хватает себе в рот убыр, но как только они обожгут его, он тотчас же выплевывает их обратно. Этому злому духу жертв вотяки также не приносят. Общими названиями для всех злых духов являются татарские слова шайтан и пери.

К лешим может быть причислен также и медведь, которого вотяки представляют существом человекообразным. По их мнению он умнее и сильнее человека, понимает человеческую речь, но не может ею пользоваться сам. Говоря о медведе, вотяки никогда не называют его настоящим именем, а употребляют ласкательные прозвища, из-

которых наиболее употребительное „старый мужичек". Встречаясь в лесу с медведем, они снимают пред ним шапку, кланяются и иногда встают на колени. Злого человека медведь узнает и наказывает даже после своей смерти; поэтому не следует около мертвого медведя смеяться.

У Глазовских вотяков есть домовой, называемый гондыр. Он живет в погребе или в амбаре. По случаю новоселья ему делается угощение. Судя по названию, это был очевидно некогда лесной дух.

Ву-мурт. Водяного духа вотяки вообще называют именем вумурт, хотя в некоторых вотских местностях, особенно южных, его зовут также ву-кузё. Это человекообразное существо с большими глазами и длинными черными волосами. Водяной живет главным образом в глубине больших рек и озер, но любит бывать также в ручьях, и особенно в мельничных прудах. У водяного имеется в воде свой дом и семья. По народным сказкам он очень богат, у него много дорогих сокровищ и большие табуны скота. Иногда его можно встретить и в человеческом обществе, особенно на ярмарках. Он носит крестьянскую одежду, но его легко бывает узнать, потому что левая пола его кафтана всегда бывает мокра. Обычно его нельзя видеть, но если он кому-нибудь является, то такое явление бывает не к добру, предвещая смерть или другое несчастие.

Водяной дух женского пола отличается необыкновенной красотой. У него белое блестящее тело. Жена или дочь водяного в сумерки иногда выходят на берег и расчесывают свои черные локоны. Водяной дух, как мужского пола, так и женского, очень пуглив: он тотчас же бросается в воду, как только бывает кем-либо замечен.

Чаще всего являясь в человеческом образе, водяной может иногда принимать и вид рыбы. В Сарапульском уезде рыбаки видали его в образе щуки, которая отличалась от других своею величиной и тем, что во время сна держала голову в направлении противоположном тому, какое принимают в это время другие щуки.

В Глазовском и Сарапульском уездах верят также, что водяные подобно лешим празднуют свои свадьбы два раза в году: весною и осенью, при чем с бурным шумом разъезжают под водой, причиняя наводнения и срывая плотины у мельниц. По верованию вотяков Глазовского уезда ву-мурты пред Рождеством появляются в деревнях и живут в банях. Иногда в сумерки их можно бывает встретить на улице; поэтому вотяки боятся в это время в одиночку выходит на улицу без огня. Опасно также в это время производить какой-нибудь шум у реки, мыть грязное белье и ходить по берегу с песнями. Водяных, являющихся в деревни к людям около Рождества, обычно называют „вожо", а время, когда они появляются „вожоныр". После крещения водяные духи снова уходят в свои подводные места жительства. Поэтому праздник Богоявления у вотяков называется вожо-келяи. Молодежь в Глазовском уезде в день Богоявления с зажженными факелами в руках ходит из дома в дом, прислушиваясь к звукам, предвещающим будущее, и крича по адресу водяного: „уходи от нас"! На другой день утром мужчины с топорами и палками идут к реке, ударяют ими об лед и кричат: „уходите от нас". В Сарапульском уезде во время праздника вожо-келяна приносят жертву реке, при чем говорят; „Река будь милостива. В положенное время мы приняли к себе вожо, храни же нас от всяких болезней и несчастий. Затем бросают в воду маленький хлебец, ложку каши и кусочек мяса. В других местностях существует обычай в жертву водяному бросать в прорубь утку.

В представлениях вотяков ву-мурт существо скорее злое, чем доброе. Иногда его называют также вуперн. Он истребляет водяную дичь, а там, где вода глубока, хватает людей и животных; он топит плавцов, а во время своих свадеб прорывает мельничные плотины; он и зимой опасен, потому что ломает лед под тем, кому случается итти по реке или озеру. Говорят, что ву-мурт насылает иногда и болезни.

Однако в общем ву-мурт подобно прочим муртам существо не исключительно злое. В добром настроении он может быть полезен человеку. Так, он помогает мельникам в их работе, загоняет рыбу в рыболовные снасти рыбаков, дает прирост домашней водяной птице.

Жертвы водяному приносятся как по случайным обстоятельствам так и в определенные установленные сроки. Вотяки Казанской губернии осенью у реки приносят ему в жертву утку или гуся, для того, чтобы никто не тонул и не хворал лихорадкой, и вместе с этим просят водяного сохранить водяную птицу и дать ей прирост. Часть сваренной пищи бросается в воду. Сарапульские вотяки также приносят осенью водяному в жертву утку, при чем кровь ея выливают в реку. В молитве просят дать большое количество утят. Бесермяке каждую осень приносят в жертву водяному гуся или утку. При этом кровь, кости, часть мяса и один хлебец бросают в воду. Случайные моления водяному устраиваются во время болезней согласно указанию ворожца. Для жертвы в таких случаях достаточно бывает гусиного или утиного перышка. Иногда жертву водяному приносят по случаю наводнения или прорыва мельничной плотины. В старые времена ву-мурту приносились гораздо более обильные жертвы, чем теперь. В Глазовском уезде ему приносили не только овец и птиц, но даже резали раз в год быка.

К числу человекообразных божеств должен быть отнесен также Кылчин или Кылдысин, который правда имеет некоторые особенности сравнительно с другими человекообразными духами. Кылчина за его светлую наружность и белую одежду обыкновенно называют тодьы кылчин. Вотяки признают его посредником между Богом и людьми. Подобно другим человекообразным существам и о кылчине имеется много разсказов. В них говорится о том, как кылчин прежде ходил по земле, творил чудеса, предсказывал будущее, напоминал людям об их долге в отношении к ближним. Иногда Кылчин появлялся в сопровождении еще дру-

того какого то неизвестного лица. Очень распространена среди вотяков легенда о Кылдысине, охраняющем хлебные поля. В ней говорится, что в старые времена Кылдысин имел обыкновение ходить вдоль по межам, которые делались тогда широкими с тою именно целью, чтобы Кылчин мог проходить по ним, не касаясь одеждою колосьев. Проходя по межам, Кылдысин поправлял упавшие на землю от ветра и тяжести колосья. Поэтому в Сарапульском уезде Кылдысина называют межа-ӱтись.

Являясь покровителем людей в самых разнообразных областях их жизни, Кылдысин стал постепенно вытеснять других вотских божеств. Правда перемена в данном случае коснулась только имен, самые же верования, связанные с этими божествами и жертвенный культ их остались прежними. Вместо древнего Ву-мурта появился Ву-кылчин, вместо домового духа—Зурт-кылчин и Гидь-кылчин. Наибольшею известностью пользуются Ӟу-кылчин и Му-кылчин. Под именем Нуны-кылчина или просто Кылчина вотяки чтут божество, покровительствующее родам или вообще детям. Во время родов они приносят ему в жертву белую овечку. Жертва носит название Кылчин-така и закалывается на дворе, где жгут также и остатки животного. В молитвах просят новорожденному счастия, здоровья и богатой жизни.

В личности Кылчина, каким он представляется в вотских легендах, очень много христианскаго элемента. Сами вотяки повидимому сознают это, почему имя Кылчина употребляют в применении к христианским терминам и понятиям: в одних напр. местностях Кылчином зовут ангела, в других пророка, в третьих Христа.

Иногда на ряду с Кылчином, божеством мужескаго пола, фигурирует Кылчин-мумы, божество женскаго пола. По словам некоторых этнографов под Кылчин-мумы вотяки разумеют Божию Матерь; женщины просят у нея себе детей, девушки хороших мужей. В жертву ей приносится белая овечка.

Существа, олицетворяющие природу и служение им.

Человекообразные духи произошли из душ умерших предков, которые по месту своего жительства с течением времени сделались покровителями различных областей человеческой жизни и деятельности: обитатели дома и двора сделались покровителями домашнего хозяйства, обитатели полей —хлебопашества, обитатели лесов—лесоводства, обитатели вод—рыболовства и т. д. Духовные существа, олицетворяющие природу, явились как результат стремления человека уяснить себе различные силы и явления природы.

Первое место среди этих существ занимает Инмар. С этим именем прежде всего соединяется представление о личном существе, обитающем на небе, на ряду с этим под словом Инмар мыслится также и самый небесный свод, видимый нашими глазами, о чем можно заключать из такого напр. выражения, как „Инмар зорэ". Впрочем в настоящее время слово Инмар почти исключительно означает Бога, понятие же о небесном своде выражается словом ин(м)

Служение Богу неба так же, как и всем вообще духам, олицетворяющим природу представляет значительные особенности сравнительно с культом умерших. Это служение не связано с каким-нибудь определенным местом; в нем могут принимать участие представители какого угодно рода, пола и возраста; должность жреца не наследственная, а выборная, для каждого моления; самое место, где совершается это служение, не может причинять каких-либо болезней.

Самое первое сведение о служении Инмару имеется в одном старинном очерке, „Главный Бог Идмер, говорится здесь, обитает на небе, и все им создано; праздник ему справляется весною, при чем моление бывает посреди поля. Сюда являются как мужчины, так и женщины и молят его об урожае. Жертвенные животные, каковыми бывают: лошадь, корова, овцы или телята должны быть белой масти".

Существовавшее в старые времена требование относительно масти жертвенного животого в настоящее время вотяками уже не выполняется точно, хотя всё-таки считается обязательным, чтобы животное не было черным. Самое обычное жертвенное животное Инмару у южных вотяков в настоящее время рыжий жеребец. При жертвоприношении части, назначаемые Божеству, обыкновенно сожигаются в огне, хотя на ряду с этим сохранился и более древний обычай возношения „вылэ мычон".

Сведения о том, имели ли вотяки когда-нибудь изображения Бога неба, совершенно отсутствуют. Правда у одного этнографа говорится, что вотяки прятали в своих потаенных местах идола Инмара, который представлял из себя обрубок, грубо выточенный на подобие головы с бородою из болотных трав. Другой идол Инмара по его словам хранился в маленькой коробке в общественном мольбище. Этот идол представлял из себя подобие человека, сделанное из теста. Во время моления коробку с ним вынимали на стол, имеющееся в ней отверстие открывали, чтобы Бог мог слышать прошения молящихся. На основании этих двух сведений однако нельзя притти к какому-нибудь заключению. В том и другом очевидно имеется в виду культ воршуда, при чем первый идол не что иное, как воршудный короб с болотными травами, которые подкладывались под него вотяками. Таким образом вопрос о существовании идола Инмара остается нерешенным. Вернее будет, если мы к вотякам применим то, что сказал Тацит о германских народах: „они считали, говорит он, несоответствующим величию небесного Бога заключать его в стены и давать ему подобие лица человеческого".

В последующие времена представления вотяков об Инмаре под влиянием соседственных более развитых религий стали приобретать монотеистический характер. Инмар нашего времени напоминает собою с одной стороны мухаммеданского Аллаха, с другой христианского Бога. Мухаммеданское влияние сказалось в наименовании Инмара ве-

ликим „будзым“, а христианское в названиях: „Инмар-атай„ и „Инмар-анай“ вторым из этих двух имен вотяки называют Пресвятую Деву Марию. Упоминаемая в молитвах Глазовских вотяков троица: Инмар-Кылдысин-Куазь“ очевидно также не вотского происхождения: под Кылдысином мыслится Спаситель, а под Куазем Дух Святый.

Кроме Кылдысина, помощниками Верховному Богу по верованию вотяков являются Аляк-инмар и Каба-инмар. Первый доносит Богу о всех добрых и худых делах человеческих и защищает людей от возводимых на них ложных клевет, второй делает людей счастливыми или несчастными в зависимости от того, помнят его они или нет. Обоим этим божествам вотяки приносят жертвы только во время больших общественных молений. Жертвенными животными бывают белые овцы и домашние птицы. Именем Инмара вотяки стали называть также заимствованных у русских Илью пророка и Николая чудотворца.

После Инмара наиболее могучими существами из числа олицетворений природы являются солнце, гром и земля. К именам их вотяки прибавляют в качестве эпитета слово матерь (мумы), в отличие от человекообразных духов, которых они называют муртами.

Шунды-мумы.

Олицетворением солнца и его живительного света и тепла является Шунды-мумы. Это богиня женского пола, на ея обязанности лежит заботиться о том, чтобы солнце как должно светило, во время восходило и заходило. По одним преданиям Шунды-мумы двигается пред солнцем, как черная чашка, указывая впереди дорогу. Под словом Шунды-мумы вотяки разумеют однако самое солнце, о чем может свидетельствовать наименование одной глазной болезни словами шунды-мумы-кутон.

В трудах старинных этнографов говорится, что богине Шунды-мумы вотяки молились во время оспы и детских болезней. Праздник в честь ея справлялся на пасхе при чем в жертву приносился ржаной хлеб и ячменная каша. В жертвоприношении участвовали жители всей де-

ревни. Моление происходило в поле или в лесу где-нибудь на чистом месте, куда с восходом солнца собирались как мужчины, так и женщины. Старший из присутствующих брал в руки хлеб и чашку с кашей, остальные вставали на колени и, обратившись лицом к солнцу, просили Шунды-мумы сохранить детей от болезней. По окончании молитвы кланялись лицом в землю и потом начинали есть жертвенную пищу. Праздник заканчивался пиром.

В настоящее время Шунды-мумы, как подательнице света и тепла, вотяки молятся в определенные сроки и по непредвиденным поводам, напр. при болезнях. В первом случае в жертву ей приносят на дворе утку. Во время засухи жертву Шунды-мумы приносят в поле. Молятся ей иногда и в рощах во время больших общественных молений. Обычным жертвенным животным бывает белая овца или гусь. В Ст. Кырге Осинского уезда иногда режут для нея белую лошадь. Части жертвы, предназначенные богине, бросают в огонь.

К культу небесных светил по мнению этнографов относится также существующий у многих народностей обряд каждый год гасить старый огонь и зажигать новый, при чем этот последний добывается посредством трения одного дерева об другое. Остатки этого старинного обряда сохранились и у вотяков. Вотяки Бирского уезда в один из весенних вечеров устраивают праздник, называемый вильтыл. В Каймашебаше он справляется около Петрова дня и называется пудо-тэльчатон или вал-тэльчатон. В этот день пригоняют скот домой, добывают посредством трения огонь у ворот, ведущих на пастбище, зажигают костер. Когда огонь разгорится, молодежь начинает прыгать чрез него и прогонять скот. После того, как костер сгорит, приводят туда же собаку, протыкают ей брюхо и закапывают в особо приготовленную для этого яму. В других местностях собаку сожигают в огне.

В Сарапульском уезде обряд зажигания новаго огня

выполняется только в случае какого-нибудь несчастия, напр. болезни и пр.

В зависимости от положения солнца в отношении к земле вотяки делят год на две половины, раздельными гранями между ними является средина лета и средина зимы, называемые ими вожо дыр (сердитое время). Зимнее вожо бывает около Рождества, летнее, так называемое нивожодыр, в Глазовском уезде начинается с солноворота и продолжается до конца месяца; в Сарапульском уезде нивожо начинается с 20 июня и кончается 20 июля; в Казанской губернии, нивожо начинается около тропцына дня и заканчивается при начале летней пашни. Начинаясь таким образом в разное время, нивожо везде однако продолжается в течении того времени, когда цветет рожь. Во время нивожо необходимо соблюдать разнаго рода предосторожности, нельзя, напр., полоскать грязное белье, мыть посуду и вообще производить шум вблизи воды, особенно строго всё это соблюдается в полдень, когда не должно быть даже такого ничтожнаго шума, какой может произойти от срывания цветов и разговора вслух. Нарушители такого правила становятся предметом гнева всей деревни, потому что подобное неразумие может повлечь за собой градовую тучу.

Гудыри-мумы.

Божество грома вотяки называют Гудыри-мумы. У этого божества вотяки просят дождей и тепла. Как и другим божествам, покровителям земледелия, жертва матери грома приносится в поле. Жертвенные животные бывают те-же, что и при жертвоприношении Инмару. Белая масть животного не обязательна.

С почитанием грома у вотяков связаны некоторые суеверные обычаи. В Бирском уезде, напр., при первом громе припято падать на землю и даже несколько раз вставать на голову. Значение этого обряда вотяки сами не знают. То же самое проделывается в Сарапульском уезде. Другой суеверный обряд, существующий у вотяков повсеместно, это искусственное вызывание дождя. Во время

продолжительного бездождия жители деревни собираются к ручью и брызжут друг друга водой. В Осинском и Бирском уездах кроме того достают грязи со дна ручья, мажут ею окна и стены домов, а иногда пачкают и тех, кто проходит в это время по улице. Затем одна какая-нибудь женщина, пробивается в стадо овец, хватает первую попавшуюся овцу и бросает ее в яму с водой. Животное той масти, какая попадет ей в руки, приносится потом в жертву матери грома. Побросавшись вдоволь друг в друга грязью, парни и девушки собираются на берегу ручья, где еще несколько времени брызжутся и толкают друг друга в воду. Покончив со всеми этими обрядами, идут домой, моются и одеваются в праздничное платье. Жертвенное животное покупается на средства всей деревни и закалается в яровом поле. Кости его сожигаются в огне.

Божество земли вотяки называют Музъем-мумы. В Малмыжском уезде разсказывают, что Музъем-мумы обитает внутри холмов, возвышающихся на поверхности земли, их поэтому нельзя раскапывать. В настоящее время название Музъем-мумы очень редко встречается в молитвах, потому что его везде отсюда вытеснило другое название Му-кылчин или Му-кылчин-мумы. С переменою имени представления о Музъем-мумы и связанные с почитанием ея обряды остались однако прежними. По словам самих вотских жрецов современная Му-кылчин-мумы не кто другой, как Музъем-мумы. Музъем-мумы.

Под словами Музъем-мумы первоначально разумелась без сомнения сама земля. В пользу этого предположения прежде всего говорит уже то обстоятельство, что с данным именем в представлении вотяков не связывается никакого определеннаго образа; затем об этом же свидетельствует и масть приносимого в жертву богине животного, которое должно быть черным или по крайней мере цвет той земли на которой оно приносится. Заслуживает внимания в этом отношении и распространенное также среди вотя-

ков верование, что Му-кылчину нельзя приносить жертву осенью, так как в это время спит земля.

Музъем-мумы или Му-кылчину вотяки молятся главным образом на полях. Кровь животного льется в ямку, куда также закапывается часть мяса, внутренности и кости животного. Самым употребительным жертвенным животным в таких случаях является черный бык или овца, при этом не требуется обязательно, чтобы животное было женского пола. Имя божества Му-кылчина, кроме специально посвященных ему жертвоприношений, поминается также при общественных молениях с участием нескольких деревень, а также при жертвоприношении в подполье. Вообще жертвенный ритуал моления Му-кылчину или Музъем-мумы очень напоминает собою культ предков.

Елабужские вотяки верят, что под землей живет большой черный бык „музъем-утись ош“. Этот бык стоит на спине огромной рыбы, которая живет в подземном море; на своих рогах бык этот держит землю. У Сарапульских вотяков имеется такое же верование о подземном быке „музъем-ош“. Землетрясения они объясняют движением рогов этого быка. Этому чудовищному быку жертв, насколько известно, нигде не приносится.

Божество хлеба вотяки называют „jу урт“, иногда „бусы-урт“. В настоящее время он повидимому известен только у восточных вотяков. Никакого определенного образа с этим божеством в представлении вотяков не соединяется, хотя иногда подобно человеческой душе „урт“, выходящей из тела, оно может принимать вид бабочки, а именно когда покидает то поле, где оно до того времени обитало.

Счастлив тот человек, у которого в поле живет jу-урт, потому что тогда у него родится хлеб в изобилии. При плохих всходах хлеба или при плохом росте его вотяк высказывает предположение, что jу-урт покинул его и переселился к соседу. В таком случае необходимо его снова отыскать и вернуть на старое место. Обряды, которые при этом выполняются, носят название „jу-урт кутон“. В них

принимают участие: ищущий „синадзись“, три парня и три девушки. Последние в белых одеждах садятся верхом на белых лошадей. Один из парней должен быть скрипачем. Медленно с благоговением процессия двигается кругом поля, отыскивая jу-урта. Наконец замечают где-нибудь белую бабочку, порхающую по траве. Синадзись тотчас же ловит ее в белый холст. После этого процессия радостно направляется к месту жертвоприношения на краю поля, где старики уже успели к этому времени зарезать белую овечку. По пути молодежь поет особо для данного случая составленные песни. Тот, к кому первому во время поисков бабочка подлетела, берет ее под свое покровительство и в течении недели хранит у себя в амбаре, после чего снова уносит в поле и выпускает на свободу.

Кроме указанного случая, других жертв jу-урту вотяки кажется не приносят, причиною чему является повидимому то обстоятельство, что в настоящее время jу-урта во всех почти вотских местностях вытеснил jукылчин, почитаемый также в качестве покровителя хлебов. В жертву ему во время земледельческих праздников, а также и во время общественных молений с участием жителей нескольких деревень вотяками приносится белый гусь, овечка и утка. Жертвенные части сожигаются в огне.

Божество воды.

Подобно земле и воду вотяки считают живым существом. Во время молений рекам, озерам и источникам вотяки обращаются к ним непосредственно, называя их по имени. К ним, как и вообще ко всем олицетворениям природы, в молитвах прилагается эпитет „мумы“. Вотяки испрашивают у них плодотворных дождей, обильного лова рыбы, просят сохранить от туманов, ветров, бурь, градовых туч, болезней, происходящих от воды и пр.

Кроме молений по частным поводам, матери воды вотяки молятся в определенные сроки. Первым таким молением в году является jӧ-келян. В настоящее время jӧ-келян справляется весною вместе с праздником пашни, хотя, судя по названию и связанным с ним преданиям, в прежнее

время он устраивался при вскрытии рек. Согласно старинным сведениям, когда трогался лед, хозяин дома вместе с семьею, взяв пива и кумышки шел на берег или на мост к реке, где и выливал свое приношение в воду, высказывая ей пожелание благополучно и счастливо нести свои волны, не причиняя никому несчастий.

Восточные вотяки устраивают моление реке Бую. Жертвенным животным бывает молодой жеребенок. Заколов его и сварив мясо на берегу реки, собравшийся народ встает на колени лицом к реке, и жрец читает молитву, в которой испрашивает у Бога и у реки всякого благополучия. В воду бросаются кости жертвенного животного, кожа, кусочки от различных частей тела и новая липовая узда, специально сделанная для данного случая. В реку же при заклании льется и кровь жертвенного животного, которая стекает в воду по выкопанному в земле маленькому желобку. В Старой Кырге жертвенные животные каждый год бывают разные: если, напр., в один год был рыжий жеребенок, то на другой год режут черного быка. По верованию вотяков данной местности, если не совершить в указанное время моления реке, то разлив ея причинит вред хлебным полям, по берегам могут образоваться нежелательные обвалы, выпадет град и т. п.

В Глазовском уезде в честь рек ежегодно устраивается праздник еще после сенокоса. В жертву приносится рыжий бык, при чем просят матерь реки сохранить и умножить скот, сберечь деревни от пожаров и пр. Такой же праздник (третий по счету) устраивается здесь незадолго пред ледоставом, при чем в жертву приносится обыкновенно гусь или утка. Реку благодарят при этом за то, что она не причинила вреда скоту, а дала ему много травы. Одновременно испрашивают разных благ и на будущий год, обещая принести обильные жертвы.

Моления воде по частным поводам обыкновенно устраиваются в случае особой накожной болезни, так называемой „ву-кутон“, которая проявляется в том, что поверх-

ность кожи на теле делается красной, влажной и болезненно-чувствительной. Место, где нужно принести жертву, указывается жрецом. Жертвенными приношениями бывают домашние птицы, каша, яйца, крупа, деньги, перья и пр. В старые времена такие жертвы были гораздо обильнее. По словам Георги в жертву приносили козу или петуха. Проходя чрез реку или прогоняя чрез нее скот, чтобы не сердить ея вотяки всякий раз бросают в воду что-нибудь, хотя бы напр. крошку хлеба или обрывок нитки.

К воде обращаются во время рыбной ловли. В Глазовском уезде записана следующая молитва: „Остэ Инмар Кылдысин! Дай нам удачи, пусть попадется нам много рыбы. Я отправляюсь рыбачить на реку Ыбыт. Матушка Ыбыт! дай мне твоей рыбы". Впрочем по случаю рыбной ловли чаще обращаются за помощью к ву-мурту.

Считая воду живым существом, вотяки думают, что целые озера могут переходить с одного места на другое. Такое верование существует напр. в Казанской губернии об озере Лызинском неподалеку от д. Б. Лызя. Народное предание утверждает, что это озеро пришло сюда с другого места. Разсердившись на то, что в воде его стали полоскать грязное белье, озеро решило уйти с своего прежнего места. И вот из воды его сначала вышло войско солдат, которые направились к горе, находившейся на разстоянии 2 верст от него, чтобы приготовить для озера новое место. Когда место было готово, само озеро ночью с шумом двинулось к нему в сопровождении солдат и стада быков. Когда представлялась нужда перейти чрез реку, и переправа эта была трудна, быки громко ревели. От этого рева течение реки пресекалось, и озеро вместе с солдатами и стадом быков проходило по суху, не смешивая своих вод с водами реки.

Вотяки почитают также ветер и пней. Последний в Бирском уезде известен под именем „пужмер мумы". Ветру вотяки приносят в поле в жертву утку, покупаемую на общественный счет, и просят его, чтобы он не бушевал и

не вредил хлебам, а двигался между колосьями осторожно. Цвет приносимой в жертву птицы точно не определен, она не должна быть только чисто белой или чисто черной. Режут птицу над еловыми ветками, которые потом вместе с кровью и костями сжигаются в огне. В некоторых местах при жертвоприношении ветру кровь брызжут на воздух. Приносят ветру жертвы и по частным поводам, напр. во время бури. Молятся ветру также на скотном дворе, прося его, чтобы осенью он не срывал соломенной кровли с скотных загонов и не причинял вреда скоту.

Не вотского происхождения и к позднейшему времени относится поверие, согласно которому в ветряных смерчах двигается бес (тӧл пери, тӧл-мурт). Этого тӧл пери вотяки считают виновником особых болезней, как напр. паралича „пери шуккем“ и шума в ушах. Для избавления от этих болезней в жертву духу ветра приносят утку. Ветряную бурю по мнению вотяков можно остановить, бросив какой-нибудь острый предмет. Чтобы вызвать появление ветра, когда это бывает нужно, напр. при веянии жита, — свистят.

У вотяков существует предание о происхождении ветров. Виновником их согласно этому преданию является шайтан, который сидит на краю земли, прикованный цепями. Во рту у него 3 медных трубы, в которые он дует, производя таким образом разные ветры.

Иней почитается в настоящее время только у восточных вотяков, которые приносят ему жертвы весною всякий раз, как появляется на хлебе изморозь. Жертвенным животным бывает обыкновенно серая овечка или утка.

Земледельческие праздники.

К служению духам природы у вотяков тесным образом примыкает культ их земледельческих праздников, справляемых в определенные сроки. Местом моления во время

этих праздников бывает или поле или небольшая лужайка на краю его, которая никогда не вспахивается и считается священной. На таких полевых мольбищах обыкновенно растет одно или несколько деревьев, около которых во время праздника и собираются богомольцы. От тех священных рощ, о которых говорилось выше, эти мольбища отличаются тем, что их обыкновенно не огораживают; в молениях, совершаемых в них, принимают участие представители всех родов без различия; жрецы выбираются по жребию для каждого моления особо.

Обыкновенно в каждой вотской деревне бывает три таких мольбища, потомучто общая деревенская земля делится на 3 участка, которые попеременно бывают озимыми, яровыми и паровыми полями. Соответственно такой системе обработки земли в каждом поле моление бывает обыкновенно чрез три года.

Земледельческие праздники естественно бывают исключительно летом. Время их не приурочивается к какому-нибудь заранее назначенному дню года, а зависит от состояния погоды и роста хлебов.

Гуждор жук.

Первый весенний праздник гуждор-жук или иначе гуждор-шыд посьтон. В Мамадышском уезде Казанской губ. в настоящее время он справляется в определенный день года, а именно в четверг после пасхи. В Сарапульском уезде празднование его соединяется вместе с другим весенним молением, так называемым „геры-шыд", хотя самое имя гуждор, проталина, указывает на то, что первоначально этот праздник справлялся, как и теперь еще в некоторых местностях Глазовского уезда, тогда, когда с наступлением весны появлялись первые проталинки.

В некоторых местностях гуждор обратился просто в праздник для развлечения молодежи. Так в Глазовском уезде с первым же появлением весенних проталинок молодые люди идут в поле плясать и петь песни, при чем берут туда с собою и кумышки. Во многих местностях однако праздник этот по прежнему еще сохраняет рели-

гиозное значение. Так вотяки Казанской губернии собираются ежегодно в поле и на лугах, приносят туда с собою блинов, хлеба, крупы и варят жертвенную кашу. Взяв чашку с кашей в руки, жрец молится, обратившись лицем к югу, прося у Инмара теплой погоды, благоприятствующей растительности, хороших трав и хлебов. По окончании молитвы часть жертвенной пищи сожигается в огне

В Казанской губ. так же, как и во многих других местностях, во время гуждора кровавых жертв не приносится, но в древнее время они повидимому существовали. Так в Глазовском уезде был обычай закалать белого быка, который для этой цели приобретался на средства всей деревни. Место, где происходило заклание устилалось еловыми ветками. Обряды жертвоприношения были такие же, как и при всех молениях. В молитве обращались к Инмару, прося у него хлеба. Часть крови животного вместе с костями сожигалась в огне. Иногда к обрядам жертвоприношения присоединялись особые игры. Старший из числа парней брал отрезанный хвост жертвенного животного и, наклонив голову вперед, мычал на подобие быка. Старики угощали этого парня, называемого бычком, кумышкой, тогда как другие мешали ему пить; на этих последних парень замахивался хвостом, прогоняя от себя прочь.

У восточных вотяков со временем указанного праздника совпадает религиозный обряд так называемый „бусы-котыртон, который справляется тотчас, как только растает снег на полях. Обойдя раз поле кругом по солнцу, приносят Инмару в жертву белого ягненка или гуся, испрашивая обильного урожая. Значение этого обряда раньше очевидно было другое, чем теперь. Об этом свидетельствует подобный же обычай, существующий у мордвы и русских Пензенской губернии, где он совершается для того, чтобы предохранить от болезней скот, почему до того времени скот и не выгоняется на пастбище. Такой же обычай существует у чуваш, не будучи приурочен ни к какому определенному времени. Он справляется обыкновенно тогда, когда появляется какая-нибудь болезнь.

Второй весенний праздник, повсеместно известный у вотяков, бывает пред началом земледельческих работ. В Глазовском уезде он называется „геры-поттон“, в Казанской губернии „герыны потон“, в других вотских местностях „геры-шыд“. Обряды этого праздника при небольших местных особенностях везде более или менее одинаковы. Геры-поттон.

Весною, как только земля достаточно просохнет, каждый домохозяин принимается пахать яровое поле. Первым выезжает наиболее удачливый человек, у кого рука легкая (капчи ки). Вслед за ним и остальные принимаются за работу. У каждого вотяка к этому времени приготовлено бывает праздничное угощение: блины, лепешки, пиво и кумышка. По окончании пашни кладут в телегу семенного овса. Глава семьи одевается в белую праздничную одежду и отправляется на только что вспаханную полосу. Особенно видную роль на празднике играет молодежь. Девушки несут в поле яйца, сваренные в крутую и выкрашенные иногда в желтый цвет. Приносят сюда также и других праздничных кушаньев и напитков.

Когда все соберутся, сеятель наполняет лукошко овсом, положив в него принесенные яйца, и начинает сеять. Время от времени вместе с овсом он выбрасывает и яйца, которые наперерыв расхватываются девушками, забегающими вперед сеятеля. Та из них, которой удастся более всех набрать яиц, считается самой счастливой. Если подобирающие яйца девушки часто сшибаются и падают, то это считается признаком того, что в наступающее лето хлебные колосья будут склоняться под тяжестью своих зерен к земле.

После того, как первое лукошко будет опорожнено, молодежь собирается к хлебной телеге; сеятель вторично наполняет лукошко овсом, ставит его на землю пред собой и затем с хлебом в руках, обратившись лицом к югу, просит Инмара дать теплые дожди и обильный урожай хлеба. По окончании молитвы он раздает кусочки хлеба и

блинов присутствующим, а часть закапывает также в землю вместе с одним целым яйцом. После этого девушки отправляются в деревню и вскоре возвращаются оттуда, неся с собой ведро воды для поливки поля. Нередко они брызжут при этом водой друг друга и тех, кто возвращается домой. Последний обряд имеет своею целью вызвать живительный дождь на только что засеянное поле.

В Глазовском уезде с праздником „геры-поттон“ соединяется обряд, известный под именем „геры-сектан“. Этот обряд состоит в следующем: варят на дому кашу и приносят затем в поле, где ее съедают мужики, запивая вином и пивом. В молитве, читаемой по этому случаю, испрашивается, чтобы при работе не ломались земледельческие орудия, чтобы плуг был легок во время пашни, чтобы погода была благоприятная и работа дружная.

Ју курбон. Спустя несколько недель после яровой пашни устраивается моление в ржаном поле, известное в Казанской губ. под именем „ју-курбон“, в Сарапульском уезде и вообще в восточных местностях под именем „бусы-вӧсь“ и в Глазовском уезде под именем „Ӟег луд дурэ куриськон“. Обряды этого моления и время его совершения в разных местностях не одинаковы. В Глазовском уезде оно справляется в конце мая или в начале июня. Жертвенным животным бывает обыкновенно бык, кости которого по окончании моления закапываются в землю. В Сарапульском уезде в жертву приносится несколько животных. Кроме Му-кылчина, которому в данном случае закалается по один год черный бык, по другой черная овечка, приносится в жертву Инмару бык или белый баран, богине грома (гудыри-мумы) овечка, ветру утка и покойникам тоже утка. Жертвенные части, предназначенные Инмару и богине грома, бросаются в огонь, предназначенные богине земли, закапываются в землю, части для покойников полагаются на ветви елки. Для каждого из божеств раскладывается особый огонь.

В Мамадышском уезде, где моление „ју-курбон“ справляется обыкновенно при начале летней пашни; в

жертву приносятся: белый баран Инмару и черная овечка богине земли. Самый ритуал моления, записанный в Старой Юмье, следующий: когда солнце поднимется на досягаемую ему высоту, в ржаное поле на лужайку приходит жрец (поп или вöсясь), два парчася, ву-вапсь и ву-кисьтись. Парчаси ведут с собой заранее приготовленную овцу. Дрова, котел, корыта, нож, топор и прочие предметы, необходимые при жертвоприношении, привозят в телеге на лошадях. Жертвенное животное привязывают к пихте, растущей на священной лужайке. Сначала зажигают костер и дают обещание принести жертву Инмару. Жрец берет в руки старинную деревянную чашку, употребляемую в дело только при молениях, и молится о том, чтобы Бог привел благополучно совершить праздник, обещая принести по примеру отцев жертву „ју-курбон". По окончании молитвы жрец разламывает хлеб и делит кусочки его между присутствующими; последние с благоговением его вкушают. После этого ву-вапсь приносит воды из близ находящегося ручья и поливает ею спину жертвенного животного чрез березовую ветку. Обливание повторяет он несколько раз, так как в июне месяце и холодная вода не сразу заставляет животное вздрогнуть. Льет воду даже в уши животного, все время повторяя молитву о принятии жертвы, пока наконец не будет замечено желаемое содрагание в теле животного. После этого с радостным сердцем приступают к закланию. Сначала колют белую овечку, посвященную Инмару. Ей перерезывают горло. Ложку теплой крови жрец выливает в огонь, читая в полголоса молитву. Кровь черной овцы выливается на землю в маленькую ямку, выкопанную недалеко от костра. И белая и черная овца режутся и варятся отдельно. Когда бульон начнет кипеть, домохозяева приносят хлеба и крупы. Входят они в мольбище молча, прилагая старания к тому, чтобы не привлечь на себя внимания. Свои приношения полагают в деревянные чашки, стоящие на разостланном по земле белом холсте. Исполнив что требуется, также молча уходят.

Только вечером, когда сварится жертвенное мясо, в мольбище начинают собираться богомольцы. В Казанской губернии участие в молении принимают главным образом мужчины и только изредка можно бывает видеть и женщин; в других местностях такого предпочтения одного пола другому не замечается. Искрошив мясо обоих овечек в отдельное для каждой корыто, парчаси уносят его к южной стороне мольбища, где на земле в ряд разставлены бывают и другие приношения. Потом собирают в одно место хлебы, принесенные богомольцами, а из собранной крупы варят кашу. Затем следует обряд благословения жертвенной пищи. Участники моления, взяв в руки чашки с мясом и кашей, встают в ряд лицем к югу. Стоящий во главе их жрец молит богов благословить жертву и благосклонно принять приношения. Во время молитвы, как и всегда, он приподнимает кверху чашку с жертвенными приношениями. То же самое делают и все, стоящие сзади его. По окончании молитвы одни из жертвенных частей, предназначенных Инмару, бросаются в огонь, другие полагаются на ветви дерева (вылэ мычон). Жертвенные части, назначенные богине земли, закапываются в упомянутую уже выше ямку.

Далее начинается раздел жертвенной пищи. Раскладывают сначала кашу по отдельным чашкам домохозяев; в кашу льют растопленного сала и бульону. Каждый домохозяин садится около своей чашки и начинает есть. В это же время жрец и его помощники ставят на земле в ряд деревянные чашки и раскладывают в них поровну мясо и хлеб. Разделив эти последние продукты, не сразу приступают к их раздаче, а устраивают сначала гадания. Каждый домохозяин делает себе маленький жребий, на котором вырезывает свою тамгу. Все жребии собираются в шапку и перемешиваются. Кто-нибудь из присутствующих начинает их вынимать по одному. Пред каждой выемкой объявляется, какое счастие ожидает того, чей жребий попадется в руку вынимающего. Путем такого гадания узнают,

для кого и какое занятие может быть наиболее удачливым; для одного, напр. таким занятием является коневодство, для другого овцеводство, для третьего торговля, для четвертого земледелие, для пятого извоз и т. д. Окончив гадание, богомольцы снова принимаются за прерванную на время трапезу. На лужайку жрецом и его помощниками приносятся помянутые выше чашки с разделенных в них мясом и хлебом и раздаются присутствующим домохозяевам по принадлежности. По окончании еды остатки пищи собираются и связываются в узлы, чтобы отнести их домой, оглоданные кости частью сжигаются в огне, частью закапываются в землю. Затем встают на колени в ряд. Жрец читает вслух молитву, в которой снова просит богов об удовлетворении народных нужд и желаний. Обряд заканчивается сбором денег, при чем каждый из участников кладет свою лепту (люгезь) на блюдо жрецу. Собранные деньги идут на покрытие расходов по покупке жертвенных животных. Кожа животных продается тому, кто больше за нее даст, после чего народ расходится по домам, где праздничное угощение продолжается и после захода солнца.

В Глазовском уезде к описанному молению присоединяется еще обряд обрызгивания водой, который имеет своею целью, как и при геры-поттоне, вызвать своевременный дождь на посеянный хлеб.

Ју-курбоном или бусы-вöсем заканчивается ряд летних праздников в поле. Так называемые „турнан-јуон“ или „турын-вöсяськон“, справляемый пред сенокосом в лугах и „куар-сур“ или по Глазовски „гербер“, справляемый летом в куале, не принадлежат уже к числу земледельческих праздников. По случаю жатвы у вотяков так же, как и у чуваш, специальных праздников не бывает. В некоторых местностях существует обычай начинать жатву в четверг, при чем в этот день из каждого дома идет в поле только один домохозяин с серпом в руке. Помолившись и попросив у Бога здоровья на все время жатвы, он нажинает три снопа в честь богов. В следующий день пятницу

вотяки не работают по примеру мухаммедан, и только в субботу начинается общая жатва. По окончании жатвы только в некоторых местностях существует обычай молиться с хлебом в руках, каковой обычай имеется также и у крещеных татар.

Русскому влиянию обязан праздник, называемый вотяками Ильиным днем (20/7). В Глазовском уезде он известен под именем „покчи гербер“ или „виль жук“, в Елабужском—„виль пунал“, у восточных вотяков—„виль нянь“. В этот день в яровом поле режут гуся или белую овечку в жертву Богу грома—Илье пророку. В Глазовском уезде у прибрежных жителей Чепцы еще накануне этого праздника существует обычай приносить в жертву рыжего быка, покупаемого на средства всей деревни. Заклание животного и обряды жертвоприношения происходят в лесу. В некоторых местностях того же Глазовского уезда режут белую овечку в куале, а в жертвенную кашу кладут целые колосья. У вотяков Казанской губернии так же как и у чуваш, описываемого праздника не существует.

Напольные моления, совершаемые осенью, много уступают весенним как по количеству жертв, так и вообще по своей торжественности. Как повсеместное и ежегодно совершаемое среди этих молений известно собственно только одно, по Глазовски называемое „озим дуре куриськоп“, а по Казански „jыран вӧсь“. Время его совершения в разных местностях не одинаково, чаще всего оно бывает в сентябре, но не позднее Покрова. От весенних молений в ржаном поле это моление отличается тем, что оно совершается не всей деревней, а каждым домохозяином отдельно. Обыкновенно каждый глава семьи вместе с своими семейными отправляется в поле, неся гуся, ягненка или овцу, вообще то, что позволяет ему его состояние. Кровь животных проливается на землю, мясо варится или в поле или дома, но съедается жертвенная пища обязательно в поле, при чем домохозяин, стоя на полосе, читает предварительно молитву, испрашивая у Бога обильного урожая и защиты

хлебов от червей и гусениц. Жертвенное животное должно быть черного цвета. Кости его закапываются в землю.

Для избавления от червей у вотяков Малмыжского уезда существует обычай в сентябре месяце приносить в ржаном поле в жертву петуха. Голова и ноги его закапываются в землю для того, чтобы он рыл и клевал там гусениц. Мясо петуха варится и съедается дома, при чем никаких молитв не читается. У восточных вотяков такое жертвоприношение не приурочено ни к какому определенному времени, но может быть совершено когда угодно, раз только является в нем надобность. Участие в нем обыкновенно принимают только женщины, которые пред этим исполняют еще особый обряд изгнания гусениц „киби уллян"; орудием изгнания является помело или кочерга, сами женщины бывают с распущенными волосами а иногда даже без рубашек.

Осенним праздником заканчиваются обычные напольные моления вотяков. По окончании полевых работ позднею осенью Инмару приносится благодарственная жертва, но моление при этом бывает уже не в поле, а во дворе или в самой избе; по времени года оно носит название „сизьыл курбон". Жертва и в данном случае приносится не всею деревней вместе, а каждым домохозяином с своей семьей в отдельности. В Глазовском уезде по словам Первухина по этому случаю режут белую овечку, мясо ея съедают в избе, а кости бросают на очаг. У восточных вотяков данное жертвоприношение совершается на дворе, где для этого устраиваются над костром обычные козла из молодых елок. Жертвенным животным бывает рыжий полуторагодовалый теленок. Определенного времени для этого жертвоприношения нет, назначают его обыкновенно на деревенской сходке, имея в виду, чтобы во времени празднования не было совпадения с другими деревнями, так чтобы можно было приглашать к себе из них гостей и самим ездить туда на праздники. Празднование продолжается по два и по три дня, после чего справляются осенние поминки.

Болезнетворные духи и ворожцы.

Влияние духов по представлению вотяков простирается на все области жизни. В самых незначительных обстоятельствах проявляются их своеобразные причуды, особенно это нужно сказать о разного рода неудачах и бедствиях, виновниками которых неизбежно являются духи. Их влиянием объясняются болезни, так называемые „мыж". Избавиться от таких болезней можно единственно только кровавыми жертвами. Жертвы должны быть принесены в том святилище, где живет дух, причинивший болезнь. По месту жительства духов и болезни, ими причиняемые, делятся на куала-мыж, луд-мыж, кулэм-мурт мыж.

Кроме духов, живущих в определенных, усвоенных каждому из них по принадлежности священных местах, имеется ряд духов, блуждающих без определенного места жительства. Это исключительно злые духи, носители разного рода болезней. К ним принадлежат: „уй ветлiсь-мынiсь", по названию напоминающий русского полуночника, но судя по тому, что он пьет кровь у спящих людей, оставляя на теле их синие пятна, это скорее вампир; „сийсь-jуйсь", в жертву которому вотяки кладут пищу на столбы ворот; „акташ" —дух, блуждающий по ночам, заимствованный у татар, а потому известный только у южных и восточных вотяков; „кыль" —ужасный дух, виновник горячки.

Имеются духи, представляющие собою олицетворение самой болезни. Таковы: „кедзег", лихорадка и „чача-мумы", оспа. Лихорадку вотяки задабривают жертвами, иногда пытаются прогнать ее внезапными выстрелами из ружья вблизи больного или наконец прибегают к такого рода средству: делают деревянную куколку и бросают ее в лес, или в воду, или на перекресток трех дорог, говоря при этом: „мучь ее, а не мучь больного". Духу оспы приносят в жертву белую овечку, сжигая в огне кости ея и часть крови. Вместо жертв иногда кладут под рубашку

больному блинов и хлеба, чтобы дать болезнетворному духу возможность насладиться их ароматом.

Во время трудных болезней существует также обычай вместе с жертвой сжигать волоса больного, при чем больной меняет также свое имя.

Тяжелые заразные болезни вотяки зовут одним общим именем „чер“. Это же слово служит именем и тех духов, которые являются виновниками этих болезней. В образе собаки или кошки чер перебегает из одной деревни в другую, нападая как на людей, так и на скот. Для умилостивления этого духа существует особый жертвенный ритуал. Мясо приносимого в жертву черу животного (лошади) не едят, а, раскрошив на части, оставляют на месте моления. Кожа, вместе с которой оставляется нетронутой голова, набивается хворостом и ставится на 4 кола вышиною с лошадь, так что животное продолжает как бы сохранять вид живого. К числу особенностей жертвенного ритуала нужно отнести и то, что жертвенных животных иногда не умерщвляют. Куриц, напр., привязывают живыми к полевым воротам или прогоняют в лес с связанными крыльями. Очень распространен обычай во время заразных болезней закапывать в землю живую собаку. Откуда подобные обычаи могли притти к вотякам, об этом свидетельствует ясно название болезни „чер“, заимствованное у татар.

Не вотскими по происхождению следует признать те обряды, которые вотяки употребляют, чтобы предохранить себя от моровой язвы. Один старинный автор говорит, что в случае появления моровой язвы вотяки приносят в жертву на берегу реки черную овечку. Пока варится мясо, каждый домохозяин идет в свой дом с шапкой в руках и ударяя кругом себя приговаривает: „уходи из моей избы“. После этого застрелив собаку или кошку, тащат ее на место жертвоприношения. Описанные обряды автор называет „орвас“, т. е. „урвесь“.

В настоящее время обряды „урвесь“ в большинстве вотских местностей справляются однажды в год весною или осенью, и только в Сарапульском уезде два раза: в конце декабря и в конце июня. В настоящее время „урвесь“ обратился в простое увеселение для молодежи. В определенный день молодежь собирает с каждого дома понемногу мяса, яиц, крупы и поздно вечером на берегу ручья варит кашу. Так как в древнюю пору во время урвеся был обычай собирать для жертвенной похлебки уши и ноги животных, то и самый обряд урвеся получил название „пель-шон“.

В Мамадышском уезде среди вотяков сохранилось предание, что в старину урвесь справлялся по случаю тяжких заразных болезней. Все население деревни от мала до велика выходило на край откоса, где выкапывали маленький подземный ход. Чрез этот ход, взявшись за руки, по одиночке друг за другом проходили все во главе с „туночи“. Потом убивали первую попавшуюся на глаза собаку и приносили в жертву черную овечку.

Болезни, происходящие вследствие вредного влияния каких-либо явлений природы, вотяки обозначают словом „кутон“. Так называют они упоминавшуюся выше болезнь глаз „шунды-мумы кутон“ и болезнь, получаемую от воды, „ву кутон“.

Бывает, что самое понятие „кутон“ олицетворяется в народной фантазии, принимая образ личного существа. Таковы, напр., в народном представлении болезнетворные духи: „ву-кутйсь“ и „ву вожо“. Им бросают жертву в воду так же, как и водяному. Местом для жертвоприношения им бывает маленькая рощица на берегу речки, называемая „вожо-иньты“.

Все перечисленные сейчас болезни по мнению вотяков принадлежат к числу легко излечимых, потому что признаки их очень ясны и определенны. Наоборот гораздо труднее разобраться в болезнях, возникающих вследствие недоброжелательства и зависти злых людей. От них уже

не всякий может вылечиться, так как большею частью трудно бывает установить, кто является виновником той или иной болезни, в какой роще нужно принести жертву и какой предмет или животное для этого требуется. В подобных случаях вотяки обращаются к особому ворожцу „туно", которого они считают посредником между видимым и невидимым миром.

К помощи туно вотяки обращаются во всех затруднительных обстоятельствах жизни, не только во время болезней, но и в случае разных неудач, напр., в хозяйстве, скотоводстве, охоте и пр. В настоящее время туно обыкновенно решает дела посредством гаданий.

Очень распространен способ гадания посредством качающегося топора или веретена. Гадание посредством веретена (черсэн тунаськон) происходит таким образом: на стол кладут 2 хлебца и 2 уголька, образуя четырехугольник. Ворожец, держит над ними в отвесном положении веретено, и смотрит, к какому из 4 предметов качнется веретено, делая соответственно этому то или иное заключение. Иногда ворожец держит веретено над своею ладонью, следя за тем, около какого пальца остановит оно свои колебания. Если оно остановится над ладонью, то это плохой признак, предвещающий несчастие и даже смерть. Как ни распространены среди вотяков подобные способы гаданий, они не имеют за собой глубокой древности. Более древним следует признать гадание, так называемое „вöт понон". Состоит оно в том, что желающий получить совет от ворожца дает ему что-нибудь из своей собственности: платок с шеи, шляпу с головы и т. п. Ворожец кладет этот предмет на ночь себе под изголовье. Что он увидит во сне, то и будет ответом на вопрос его клиента.

Старинных колдунов-шаманов, ведущих начало от финноугорской древности и до сих пор существующих у лопарей и остяков, вотяки уже не имеют. Но судя по имеющимся преданиям такие колдуны-шаманы среди вотяков вывелись еще не так давно. Это видно, напр., из следую-

щего обычая, имеющего место среди вотяков Сарапульского уезда.

Когда нужно бывает выбрать нового жреца, отправляются звать туно, которого приглашают обыкновенно издалека для того, чтобы никто из жителей деревни ему не был известен. Везут его торжественно на паре или тройке с колокольчиками. Заблаговременно к его приезду бывает приготовлено пиво и кумышка. Жители деревни моются в бане, готовясь к встрече почетного гостя.

Самый обряд гадания происходит летом в куале, зимой в другом каком-нибудь пригодном помещении. Приехавшего туно ведут в баню. Народ между тем собирается в избу, где должно происходить гадание. Когда все соберутся, является гусляр и начинает перебирать струны. Существуют специальные для таких случаев гусли, которые не могут уже иметь другого употребления, равно как и мотивы для данного случая существуют особые. На стол, покрытый белой скатертью кладут хлебцы и ставят бутылочки с кумышкой, принесенные по одному экземпляру от каждой семьи, молящейся в родовой куале. Между тем ворожец вымывшись в бане, надевает белую одежду и обмотав голову белым полотенцем, входит в избу. Жена старого хранителя куалы дает ему серебряную монетку, которую он кладет в чашку с кумышкой и начинает гадать. В это время стоящие кругом ворожца жрецы опоясывают его белым полотенцем. Чрез несколько времени жрец выходит из-за стола и начинает плясать под звуки гуслей, держа в руках нож и бич. Иногда он пляшет кругом ножа, воткнутого в пол посреди избы. Обезсилев от продолжительной пляски почти до обморока, ворожец выкрикивает имя того, кто должен быть жрецом, спрашивая при этом, имеется ли такой среди присутствующих. В случае отрицательного ответа пляска продолжается, пока на новый вопрос не будет получено желательного ответа.

Интересны также обычаи Елабужских вотяков, выполняемые ими в том случае, если какая-нибудь деревня за-

думала обзавестись своей собственной родовой куалой. Чтобы узнать, где эта куала должна быть построена, обращаются к туно. Последний обязан также выбрать жреца и его помощников. Когда туно приедет в деревню, все собираются в определенный дом. Туно садится за стол и начинает смотреть в чашку с водой. Чрез несколько времени он заявляет: „не вижу я, кого Бог выбирает вам в жрецы, вероятно вам нужно меня хорошенько помучить. Перевяжите меня полотенцем и затягивайте, сколько есть у вас силы". Присутствующие поступают с туно так, как он им приказывает, и вскоре туно падает на пол в полубезсознательном состоянии. На окружающих это производит столь сильное впечатление, что они в свою очередь падают в страхе на колени. Придя в себя, туно сжимает пальцы своих рук в кулаки и предлагает присутствующим их разогнуть. Охотников не находится. Тогда туно вызывает из толпы трех человек, называя их по имени. Первый разгибает у него указательный палец, второй и третий— остальные пальцы. Первый из вызванных назначается жрецом, вторые два его помощниками.

Не всякий может браться за ремесло ворожца. Звание туно обыкновенно бывает наследственным, переходя от отца к сыну, если последний имеет к тому склонность. Во всяком случае новый ворожец-наследник предварительно год или два находится в обучении у духов. Будущий туно часто отлучается куда-то к удивлению своих соседей, по временам начинает проявлять очевидные признаки, характерные для его звания: теряет разсудок, бьет себя, кричит и т. п. Мало по малу из него выделывается настоящий туно. Самое тело его по мнению вотяков становится настолько закаленным, что ни огонь, ни вода, ни сталь не могут ему причинить вреда. Он может творить чудеса, напр. плясать с чашкой воды на голове, не проливая ни одной капли на землю. Он обладает удивительною способностью узнавать человеческий нрав и характер; он может даже называть по имени незнакомых ему людей

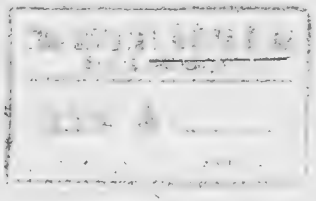
Кроме того в повиновении у него находятся разного рода духи.

Вполне понятно, что ворожцы пользуются огромным влиянием на народ. Слова их в точности исполняются. Одному вотяку туно заявил, что он тогда только сделается богат, когда сожжет свою избу. И вотяк тотчас же исполнил данный ему совет, при чем от пожара сгорело 10 домов в деревне.

Кроме туно у вотяков имеются еще другие ворожцы, так называемые пеллясь киси. Это уже ворожцы второстепенные, не имеющие такого влияния, как туно. Пельляськисями могут быть как мужчины, так и женщины, как старые, так и молодые. К ним, как и к туно, обращается за помощию в разных случаях, как, напр.: болезнях, кражах и т. п. Пелляськись прежде всего знахарь, который лечит больных народными средствами, хотя главный способ врачевания у него заговоры. Как можно видеть из самого имени пелляськися, он лечит посредством вдувания своих слов в больного. Чаще всего пелляськись врачует только наружные болезни, но не может предотвратить несчастия, посылаемого духами, так как не имеет общения с потусторонним миром. Все, что делает пелляськись, может сделать туно, но не все, что делает туно, может сделать пелляськись.

Так же, как и туно, пелляськиси могут силу свою употреблять не только в пользу, но и во вред людям. Есть среди них такие, которые исключительно только вредят другим. Они называются „ведын“ или „ведын мурт.“ Особенную деятельность они проявляют в период времени около пасхи. Иногда они бегают по деревне в образе собаки или кошки.

А. Емельянов.



Оглавление.

Стр.

1. Предкопочитание. Погребальные обряды. Кладбища. Частные поминки в неопределенные сроки. Общие поминки. Влияние умерших на живых. 3

2. Культ куалы. Родовая куала. Главные святыни куалы. Деление вотяков по отношению к куале. Хранители куалы. Сходство культа куалы с культом почитания умерших 35

3. Культ луда. Сходство культа луда с культом куалы. Дух луда. Предположительные мнения о происхождении культа луда. 73

4. Общественные моления жителей нескольких деревень. Сходство общественных молений с молениями в куале и луде. Обряды молений 96

5. Человекообразные духи и служение им. Корка-мурт. Гид-кузё. Мунчо-мурт. Нюлэс мурт. Ву-мурт. . 115

6 Существа олицетворяющие природу и служение им. Шунды-мумы. Гудыри-мумы. Музъем-мумы. Божество воды. 130

7. Земледельческие праздники. Гуждор-жук. Геры поттон. Ву-курбон. 140

8. Болезнетворные духи и ворожцы. 150